

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ КАМЧАТСКОГО КРАЯ
КАМЧАТСКАЯ КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. С. П. КРАШЕНИННИКОВА
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«БИБЛИОТЕЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ КАМЧАТКИ»

«Возрождая традиции»

Материалы II Малых Крашенинниковских чтений

Петропавловск-Камчатский
2021

УДК 908(470)
ББК 26.89(2Рос-4Камч)
К78

К78

«Возрождая традиции» : материалы II Малых Крашенинниковских чтений / Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова. – Петропавловск-Камчатский : КГБУ «ККНБ им. С. П. Крашенинникова», 2021. – 108 с.

Сборник содержит материалы II Малых Крашенинниковских чтений, посвященных 310-летию со дня рождения русского академика С. П. Крашенинникова и 95-летию Усть-Большерецкого муниципального района. Доклады публикуются в авторской редакции. Адресовано широкому кругу читателей.

УДК 908(470)
ББК 26.89(2Рос-4Камч)

Ответственный за выпуск – Т. А. Дикова

© Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова. Сектор электронного копирования и печати, 2021

С 1 по 3 апреля 2021 года в Усть-Большерецком районе (поселках Апача, Усть-Большерецк, Октябрьский и селе Кавалерском) побывала команда проекта «Литературно-краеведческий десант в отдаленные районы Камчатки». Этот проект Библиотечной ассоциации Камчатки поддержан грантом Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества в 2020 году. Одним из главных мероприятий десанта стали II Малые Крашенинниковские чтения, посвященные 310-летию со дня рождения первого исследователя Камчатки, в будущем русского академика С. П. Крашенинникова и 95-летию Усть-Большерецкого района. Они состоялись 2 апреля 2021 года в Доме культуры поселка Усть-Большерецк.

«Возрождая традиции» – такая краткая, но ёмкая фраза была выбрана девизом II Малых Крашенинниковских чтений. И именно истории проведения Чтений, которая насчитывает уже более сорока лет, а также их значимой для камчатцев культурно-просветительской роли было посвящено вступительное слово директора Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова Т. А. Диковой.

В Чтениях, помимо сотрудников Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова, приняли участие известные писатели и краеведы, работники Государственного архива Камчатского края, природного биосферного заповедника «Командорский» им. С. В. Маракова, педагоги Камчатского дома детского и юношеского туризма и экскурсий.

Доклады, прозвучавшие на Чтениях, вошли в этот сборник. Краеведы и писатели С. И. Вахрин и С. В. Гаврилов посвятили свои работы самым значимым страницам истории Большерецкого острога, а образ этого поселения в художественной литературе нашел отражение в докладе сотрудника краевой библиотеки Н. В. Дивниной.

Писатели и журналисты В. А. Евдокимов и М. Я. Жилин поделились личными воспоминаниями о жизни в Усть-Большерецком районе (а это более пятидесяти лет!) – первый, и кропотливо собранными данными по истории создания геотермальной станции на Паужетке – второй.

Педагог Камчатского дома детского и юношеского туризма и экскурсий Т. С. Зайковская представила новый сборник «Камчатка. 1941–1945. Военные годы в газетной строке», (составленный ею совместно с журналистом А. В. Петровым). А камчатский поэт В. В. Татауров – свою

поэму «На самых дальних берегах», действие которой разворачивается в городе Петропавловске-Камчатском и на западном побережье полуострова Камчатки в период Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Историк-архивист А. С. Сесицкая ввела в научный оборот уникальные материалы из фондов Государственного архива Камчатского края по обследованию рыбокомбинатов западного побережья Камчатки (Озерновского, Большеерецкого, имени Микояна (впоследствии – Октябрьского), Митогинского, Кихчикского) Камчатской комплексной экспедицией 1936–1937 гг.

Помимо авторов – участников II Малых Крашенинниковских чтений, составители включили в сборник материалов также три работы краеведов-старожилов Усть-Большеерецкого района, которые были представлены на районных Большеерецких чтениях: В. А. Ивкиной, М. М. Любарской и Л. Н. Утенышевой.

С. И. Вахрин ИЗ ИСТОРИИ БОЛЬШЕРЕЦКОГО ОСТРОГА

В 1701 году с прибытием на Камчатку первого официального приказчика Камчатки Тимофея Родионовича Кобелева с отрядом якутских казаков начинается активное заселение полуострова служилыми людьми.

Владимир Атласов в своем первом походе на Камчатку прошел западным побережьем до реки, которая впоследствии получила название реки Голыгиной. Еще Степан Петрович Крашенинников задавался вопросом об истории происхождения этого названия. Но точного ответа никто из камчатских казаков ему дать не смог. Не нашел он ответа и в архивных материалах.

Поэтому, с легкой руки Степана Петровича появилась версия о том, что в походе Атласова участвовал некий казак Голыгин, который якобы в этой самой реке утонул...

Но Владимир Атласов ни словом не обмолвился об этом факте.

Борис Петрович Полевой установил, что действительно, в отряде Атласова был якутский казак Никита Голыгин, но он благополучно вернулся из похода и был на Камчатке в год смерти (точнее, убийства) Атласова в 1711 году, и даже, по некоторым данным, был сопричастен к этому убийству и казачьему бунту, но ему удалось уйти от ответственности и возвратиться в Якутск в 1713 году в отряде десятника Василия Савастьянова Щепетного.

Моя версия такова – до этой реки доходил во время одного из двух своих камчатских походов (самостоятельным или под руководством Луки Семенова Мороски Старицына) в 1690-х годах Иван Васильевич Голыгин. И поэтому река Голыгина, как и река Морошечная (на которой по одной из версий погиб Мороска), названы их именами.

Кстати, на Камчатке не так много топонимов, связанных с казачьими фамилиями, появившихся еще до того, как их зафиксировал в своем труде студент Славяно-Греко-Латинской академии Степан Крашенинников.

Хотя здесь были весьма любопытные личности.

Например, казак по имени Мыкыз или Имикыз.

Степан Петрович Крашенинников, рассказывая об истории Большерецкого острога, сообщал в главе «О завоевании Камчатской землицы, о бывших в разные времена от иноземцев изменах и о бунтах служивых людей» очень интересные вещи: «...прикащик Черкашенин августа 6 дня (1703 года – С. В.) отправил служивых 15 человек на Большую реку к служивому Данилу Беляеву, он же Имикыз, которой на Большой реке от ясашных зборщиков остался и живет там своеволью,

и велел оным служивым на Большой реке острог построить... которые, пришед на Большую реку, той же осени яшашную и казенный анбар и зимовья построили».

Река Большая (камчадалы называли ее Кыкша) – действительно, самая большая на западном побережье Камчатки, была и самой густонаселенной – в ее бассейне находилось более десятка хорошо укрепленных острожков, и народ был весьма воинственным.

Река Большая во времена С. Крашенинникова считалась северной границей Курильской земли, которую населяли не камчадалы, а курильцы (айну), смешавшиеся уже с камчадалами, почему их называли также курильскими камчадалами.

Мыкыз (Имикыз) – это настоящее, еще не разгаданное имя якутского казака Данилы Петрова, сына Беляева Мыкыза, который служил в шестнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Он пришел на Камчатку в 1701 году в отряде Тимофея Кобелева и был направлен ясачным сборщиком на реку Большую.

Удивительно, но его курильские камчадалы не тронули. Вскоре вы поймете, что и почему меня удивляет в этой истории.

Мы знаем сегодня имена первых строителей Большерецкого острога.

Приказчиком был Дмитрий Ярыгин. С ним был умерший в Большерецком остроге от старости уроженец Тобольска (предки которого были выходцами из Березова, а сам древний дворянский род из Рязани) Иван Григорьевич Мокринский, потомок Савватия Ивановича Мокринского – брата Святого Долмата Исетского (в миру Дмитрия Иванова сына Мокринского).

А вот состав казаков, который был полностью уничтожен большерецкими воинами в 1707 году: Василий Барабанчиков, Василий Барашнаев, Павел Воробьев, Афанасий Воронин, Андрей Зырянов, Петр Истомин, Никифор Карнаузов, Кондратий Кожемяка, Никифор Кочуров, Сава Крохин, Владимир Крылов, Андрей Лунянов, Андрей Панаевский, Алексей Пантелеев, Петр Протасов, Алексей Петров, Петр Прянишников, Петр Птицын, Сергей Ружников, Иван Сергивеев, Андрей Скуриха (Скураха), Артемий Травин, Петр Травинин, Петр Тупицын, Иван Харчевников, Никифор Юрлов.

Этот (1707) год был вообще переломным в истории Камчатки.

Данила Петров, сын Беляева Мыкыза (казак со стажем – поверстан в службу в 1688 году) обвинил казачьего голову, приказчика камчатских острогов Владимира Владимиров, сына Атласова в присвоении им черно-бурой лисицы, полученной от крещеного камчадала Ивана Ворыпаева.

К этому времени ситуация на Камчатке сложилась крайне критическая из-за непродуманных действий казачьего головы, который, вместо того, чтобы тушить разгоревшийся пожар восстаний аборигенов, подбрасывал в огонь все новые и новые порции дров. Камчадалы

уничтожили не только гарнизон Большерецкого острога и сожгли сам острог, они разгромили крупный русский военный отряд на берегу Авачинской бухты и повсеместно уничтожали разрозненные отряды ясачных сборщиков.

Агрессивная политика Атласова, направленная на запугивание местного населения, приведение его «встрах», получала достойный отпор от местных воинов, которые не боялись смерти, и которых, по крайней мере в то время – на заре колонизации, невозможно было запугать.

Атласов попытался было палашом зарубить Беляева – ему не дали, оттащили. Оттащили, кстати, будущие участники убийства Владимира Владимировича и еще двух приказчиков – Чирикова и Липина, которое совершится через четыре года, – казаки Иван Башмаков, Григорий Переломов и Харитон Березин.

Все попытки казаков, предпринятые ими для восстановления Большерецкого острога в период с 1707 по 1711 год, были провальными.

Вот, например, итоги Большерецкого похода 1710 года, о котором сообщает А. С. Зуев: «...на р. Большую послал 40 казаков во главе с И. Харитоновым „усмирять изменников староплатежных ясачных иноземцов, и вновь неясачных иноземцов под твою царскую высокосамодержавную руку призывать“. Но Харитонову ... не повезло, его отряд был разбит. Причем описание этих событий дается в двух версиях. Согласно одной, изложенной в челобитной камчатских казаков и повторенной затем С. П. Крашенинниковым, отряд Харитонова внезапно днем, „на ходу“ (на марше), был атакован иноземцами с р. Большой и с других рек, которые „скопился в многолюдстве“. Внезапность нападения дала ительменам некоторое преимущество, и они сразу убили 8 казаков и многих (в том числе Харитонова) „испереранили“. Однако казаки, вероятно, достаточно быстро оправались и „боем отбились“, укрывшись в ближайшем пустующем ительменском острожке. Целый месяц они просидели там в осаде, но не дождавшись помощи из Верхнекамчатска, с трудом спаслись бегством.

Другая версия, зафиксированная опять-таки Крашенинниковым (несомненно, со слов казаков), представляет ход событий иначе. Харитонов, придя на р. Большую, осадил там какой-то острожек. Через некоторое время иноземцы сдались и впустили русских, обещая заплатить ясак. Отряд расположился в острожке. После этого к Харитонову стали приезжать тойоны из „нижних острожков“ и уговаривать его поехать вниз реки, поскольку туда якобы им всем будет удобнее свозить ясак. Часть казаков категорически возражала против этого, подозревая со стороны ительменов обман. Однако пятидесятник не послушал их и отправился на батах вниз по реке. Далее случилось следующее: „Бывшие на батах в каюрах иноземцы завезли их в протоку очень быструю и тесную и, выскоча из батов,

стали служивых побивать, а на берегах той протоки были другие иноземцы, которые там под скрытом сидели и дожидались их, которые в то же время из луков по ним стреляли и убили из них 12 человек, сверх того многих переранили, а остальные едва отбиться могли и оттуда ночным временем побежали на Камчатку, а в дороге у них от голоду человека с три умерло».

Ситуация изменилась в 1711 году, когда против произвола камчатских приказчиков, точнее приказчика Осипа Миронова, сына Липина, который, под видом проведения розыска по делу об отстранении от власти Владимира Атласова, вымогал пушнину у казаков, восстали сначала верхнекамчатские казаки, а потом к ним примкнула и значительная часть нижнекамчатских – и сводный отряд из 75 человек, убивших трех камчатских приказчиков – Липина, Атласова и Чирикова, и поделивших их «пожитки», отправились заслуживать прощение от царя за это убийство и грабеж, приводя в ясак непокорных большеецких камчадалов и восстанавливая из пепла Большерецкий острог.

И вновь мы возвращаемся к «Хронике присоединения крайнего Северо-Востока Сибири к России в XVII – первой четверти XVIII вв.» А. С. Зюева:

«В марте 1711 г. „бунтовщики“-казаки в количестве 70–75 чел. во главе с выборными атаманом Данилой Яковлевичем Анциферовым и есаулом Иваном Петровичем Козыревским отправились на Большую реку „для построения вновь там острога и для приведения по прежнему в ясашный платеж большеецких изменников“. 23 апреля на р. Большой они „разбили“ иноземческий острожек Кушугу, который отказался идти в ясачный платеж. При штурме погибли три казака. Взяли в аманаты самого Кушугу и под него ясак. Ниже прежнего русского ясачного зимовья, вероятно, на месте разбитого Кушугина острожка, между впадающими в р. Большую речками Быстрою и Гольцовкой, построили свой „острог земной, в нем ясачное зимовье, а круг ясачного зимовья острог стаялой бревенчатой поставили“. После этого призвали миром в ясачный платеж 8 „изменников“ – „Карымчу Товача с товарищи“. Позднее успех этого предприятия приписывал себе И. Козыревский: „И на показанной Большой реке острог и ясачное зимовье из-за бою со служилыми людьми поставил, и с бою аманатов взял, и в вечной ясачной платеж привел“.

20 мая новопостроенный острог был окружен большеецкими иноземцами пяти острожков во главе с Каначем, который призвал „к себе с иных многих посторонних рек иноземцев“. По его призыву приплыло „сверху и снизу Большой реки великое множество батов, а в них было Пенжинского моря, авачинских и курильских иноземцев, числом около трех тысяч“. Это было первое крупное совместное выступление ительменов, которые выставили объединенное ополчение. Надеясь на свое явное численное превосходство, „изменники“, „ходя около острогу, всячески служивых устрашали, грозя не стрелами, но шапка-

ми их побить". На следующий день, 21 мая, ительмены пошли на приступ, но были отбиты. После этого, отслужив молебен (с казаками был архимандрит Мартиниан – на самом деле поп-расстрига, бывший архимандрит, сосланный на Камчатку из Томска в пешие казаки за незаконное винокурение – С. В.), половина казаков пошла на вылазку. Поддержанные оружием огнем из острога и сами сделав один залп, смельчаки бросились врукопашную („бились на копьях"). Не ожидавшие контратаки ительмены пришли в замешательство и бросились бежать, „кому куда способнее было". „А понеже, – как писал Крашенинников, – они приплыли к острогу на батах, то бросаясь в оные, иные перетонули, а иные побиты; и сия их погибель столь была велика, что реки запрудились трупами". О большом количестве погибших ительменов сообщали и сами казаки. Но при этом вряд ли будет ошибкой считать, что большая часть погибших „изменников" утонула в реке в суматохе бегства. Именно поэтому много трупов оказалось в воде, а не на берегу. Погиб и сам „пуший вор и заводчик" бунта Канач. В этой связи стоит обратить внимание на одно очень интересное наблюдение Г. В. Стеллера: „Если в прежние времена кто-либо случайно попадал в воду, то ительмены считали большим грехом, если этому человеку удавалось как-нибудь спастись. Они того мнения, что раз подобному человеку уже было предназначено утонуть, то он поступил неправильно, не утонув. Такого человека с тех пор никто уже не впускал в свое жилище, никто больше с ним не разговаривал, ему не подавали решительно никакой пищи, не отдавали ему женщин в жены. Такого человека ительмены считали на самом деле уже умершим..." При таком отношении к воде, неудивительно, что среди ительменов оказалось много утопленников. Правда, тот же Стеллер сообщал, что казаки самым жестоким образом расправились с пленными: „Взятые тогда в плен туземцы были безжалостно забиты насмерть ремнями и дубинами; некоторых туземцев раздели догола, без различия возраста, вымазали все тело вонючею рыбою и бросили их живыми на растерзание голодным псам". Потери же со стороны русских составили всего три человека убитыми, да несколько казаков было ранено.

Разбив наголову ительменское ополчение, казаки двинулись подчинять пять большерецких острожков, которые выступили инициаторами и организаторами нападения на Большерецк. Первым делом они приступили к острожку Карымчи Тавача и осаждали его до 8 июля, неоднократно пытаясь взять штурмом. Ительмены не выдержали осады: частью бежали, частью сдались. Тавачев острог был razорен. Затем „к ясачному платежу привели и умирили" остальные четыре острожка. После этого казаки подчинили несколько острожков в низовьях р. Большой. Крашенинников сообщал, что всего после разгрома ительменов казаки вниз по течению реки ниже Большерецка взяли 12 „иноземческих" острожков, собрав с них ясак.

Решительные действия казаков привели к некоторому „умиротворению” большевецких ительменов в результате ликвидации очагов их наиболее активного сопротивления и, вероятно, физического уничтожения лидеров этого сопротивления. Однако ситуация на Большой реке оставалась напряженной, большевеченцы еще какое-то время предпринимали попытки уничтожить на своей земле русский острог: „под новопостроенной острожек многожды ночью в темное время большевецкие иноземцы с огнями подходили, чтоб оной острожек сжечь, однакож де всегда от него не без урону отбиваны были”.

Новый переломный момент в истории Большевецкого острога наступает в 1716 году, когда мореход Никифор Моисеевич Треска (Трская) и пятидесятник пятнадцатой пятидесятни Якутского казачьего полка Кузьма Соколов (к сожалению, историки так и не выяснили его отчества) проложили морской путь на Камчатку на ладье (лодии), которую кто-то из историков называет «Восток», кто-то – «Святое Ламское море».

Значение Большевецкого острога стремительно возрастает – он становится вторым тихоокеанским портом России после Охотска, откуда и пришла на Камчатку ладья.

Поэтому С. П. Крашенинников, сам житель Большевецкого острога в период своего нахождения на Камчатке, отмечал в своем труде Чекавинскую гавань – портпункт Большевецкого острога: *«Примечания достойна она потому, что в ней морские суда зимуют, чего ради там и казарма для караульных и кладовые анбары от Камчатской (Первой – С. В.) экспедиции построены. Суда заводятся в оную во время прибылой воды, а в убылую воду так она узка, что через перескочить можно, и так мелка, что суда на боку валяются; однако от того не бывает им повреждения, для того что дно ее мягко.*

Амшигачева, по камчатски Уаушиммель, речка от Чекавиной верстах в 9 течет в Большую реку с северо-восточной стороны. Обе объявленные речки прозваны от казаков именами камчадалов, Чекавы и Амшигача, которые на них жилища свои имели».

В бассейне реки Амшигачева имел свое летовье большевецкий казак Семен Васютинский.

На реке Начилова (Чакажу – на языке камчадалов) стоял в то время острожек Чакажуж, тойоном которого был Гурулей. Что интересно: «Строения в нем две юрты, 9 балаганов да одна изба казачья сына Алексея Мутовина. Ясашных 5 человек, из которых один собольник да 4 лисичников».

Алексей Мутовин не случайно жил среди камчадалов – он и был по матери одним из них и служил толмачом.

А вообще исконная фамилия камчатских Мутовиных – тобольская казачья фамилия Мутовкины. А мутовка – это та же кухонная принадлежность, что и шумовка.

Река Большая образуется в результате слияния двух самых больших ее притоков – реки Быстрой и реки Плотниковой.

Быстрая река, по-камчадальски Конад, которая вершиною сходится с истоками реки Камчатки, была использована в свое время Витусом Берингом для переправки грузов Первой Камчатской экспедиции в Нижнекамчатский острог: *«Путь сей хотя бы был труден и несколько продолжителен, ибо ради быстрого реки течения и многих находящихся на ней шивер и порогов, где кладь берегом обносить должно, более десяти верст на день перейти нельзя...»*

С. П. Крашенинников сообщает и подробности о людях, живущих здесь: *«Жилья по реке Быстрой: 1) заимка Трапезникова (иркутского посадского (торгового) человека Никифора Трапезникова – С. В.), которая стоит над устьем протоки Ланхалан, а в ней два двора; 2) Остафьева заимка от устья в 6 верстах, а в ней 4 балагана да 2 шалаша, в которых живут двое служилых и 5 человек камчадалов из холопства освобожденных; 3) Запороцкова заимка (ссылного Антона Запороцкого, возможно, Запорожского – С. В.); 4) Карымова (вероятно, зимовье служилого Карымова – С. В.), а в них по одному двору; 5) камчатской острожек, Карымаев называемой (в нем 16 балаганов, тойон называется Карымай)».*

В примечаниях С. П. Крашенинникова находим интересную запись: *«Господин Штеллер пишет, что в Запороцкой заимке поселено несколько переведенцев поблизости пахотных мест, что учинилось уже по выезде моем с Камчатки».*

Конечно, ни о какой реке Плотниковой Степан Петрович не знал, для него это была все та же река Большая. Он знал реку Сугачь, которая *«потому известна каждому из тамошних жителей, что по ней выежжают на реку Авачу... Не доезжая 7 ½ верст до речки Сугача, есть камчатский острожек Мышху, он же и Начикин, которой стоит на южном берегу реки Большой».*

Что касается Плотникова, то в тот период был известен только один, которого, в числе других, было приказано: *«арестовать по обвинению в „лихоимствах“ казаков А. Штинникова, О. Соловьева, Н. Дурынина, М. Саложникова, Ивана Герасимова, Максима Плотникова и солдата А. Змиева».* Но о нем нам пока ничего не известно.

Мирное сосуществование казаков и камчадалов, описанное С. П. Крашенинниковым, как раз и произошло после крупнейшего в истории полуострова восстания камчадалов, известного под названием Харчинского бунта, главные виновники которого перечислены выше.

Это был повсеместный ответ камчадалов севера и юга, востока и запада Камчатки на творившийся на полуострове казачий беспредел, о котором с негодованием пишут все исследователи Камчатки, начиная со Степана Крашенинникова и Георга Стеллера.

Но так уже бывает в истории, что эти же самые «герои» эпохи начальной колонизации стали патриархами камчатских родов, потомки

которых породнились за последующие столетия со всеми, некогда противостоящими им, родами камчадалов-аборигенов, став де-факто «камчадалами русской крови».

Вот список тех большеерецких казаков, которые понесли наказание в результате следствия по Харчинскому бунту: *«В Большеерецком остроге казнен смертью повешен иркуцкой пятидесятник Андрей Штинников».*

Учинено телесное наказание биты кнутом служилые люди: Осип Соловьев, Матфей Новограбленной, Михайло Лепихин, Федор Лобанов, Андрей Марамыгин, Андрей Рубцов, Петр Евлатьев, Андрей Воронин, Григорей Томилов, Онофрий Черкашенин, Лука Трескин, Ларион Валынкин, Григорей Келтякин, Петр Валынкин, Степан Вахрушев, Михайло Котков, Федор Асламов, Иван Лукашевской, Сава Усов, Василей Посников, Василей Щеголев, Семен Вагин, Михайло Лепихин меньшей, Петр Матфеев, Семен Шаратов, Афонасей Попов, Михайло Лукашевской, Семен Сургуцкой, Петр Чупров, Антон Хмылевской».

Часть из этих казаков в 1741 году будет переведена в Петропавловскую гавань для охраны построек и грузов Второй Камчатской экспедиции, и станет первыми жителями селения Петропавловская Гавань или просто Гавань – Усовы, Сургуцкие, Вылынкины, Соловьевы, Новограбленные, Поповы, Чупровы...

В 1740 году Большеерецкий острог становится главным административным центром Камчатки, где располагается Большеерецкая приказная изба.

А через сорок лет после Харчинского бунта, в 1771 году, в Большеерецком остроге прогремел на весь мир уже Большеерецкий бунт.

Дело в том, что при царе Петре I Камчатка становится местом политической ссылки – сюда ссылают важнейших государственных преступников, заподозренных не просто в государственной измене, а в государственном перевороте, дворцовом заговоре.

Так в 1742 году на Камчатку попадают Турчанинов, Ивашкин и Сновидов.

В 1762 – Хрущов и Гурьев.

А в 1771 году Степанов с Пановым и присоединившиеся к ним по пути «изменники присяги», данной ими при первом пленении не воевать против России, но тут же ими и нарушенной, и снова попавших в плен к русским, швед Винбландт и словак из Священной Римской империи (Австро-Венгрии) на польской службе в Барской антирусской конфедерации барон Беньевский.

Большеерецк в то время представлял из себя раскаленный котел различного рода страстей.

Про первых, самых грамотных, мы уже сказали – они томились в ссылке, не находя применения своим способностям, желаниям и, разумеется, страстям.

Через Большерецк проходила морская дорога в Русскую Америку, и здесь постоянно шел накал страстей другого рода – пушного бизнеса. В результате размолок в связи с крушением судна промышленники убили своего хозяина – тотемского купца Федора (Федоса) Холодилова – и готовы были бежать теперь от наказания хоть на край света.

Среди камчатского служилого люда (а особенно среди моряков) тоже кипели свои страсти в связи с тяжелой службой.

Этим и воспользовались ссыльные, составив заговор, и захватив власть в Большерецком остроге. Больше для нагнетания страха, нежели по необходимости, они убили камчатского командира, капитана Нилова, который, кстати, к ним благоволил и даже нанял Беньевского учителем к своему сыну. Разграбив местные торговые лавки, отняв оружие у местного населения, загрузив продовольствие и казенную пушнину на паромы из батов, сплавились в Чекавинскую гавань, где захватили галиот «Святой Петр» и ушли на нем в Китай.

Об этой истории уже писано-переписано, но все-таки скажем, что часть беглецов, в том числе и из коренных жителей Камчатки, которые будучи промышленниками, тоже участвовали в заговоре и бунте, вернулись в Россию. Но не из Китая, а уже из Франции, куда они первоначально отправились вместе с главным «заводчиком» бунта Августом Беньевским.

Другая же часть отправилась с Беньевским завоевывать для Франции Мадагаскар (барон, правда, предлагал французскому правительству завоевать остров Формозу (Тайвань), на котором он побывал со своими людьми во время путешествия в Китай, но французы решили, что Мадагаскар для них поближе).

Что интересно – сопротивление бунтовщикам оказал только один человек в Большерецке – отставной сотник Иван Черных, кстати, его внук Павел Николаевич, тоже к тому времени отставной матрос, принимал участие в обороне Петропавловского порта в 1854 году и был награжден памятной бронзовой медалью на Георгиевской ленте.

В 1771 году, в связи с событиями Большерецкого бунта, мы узнаем о том, что здесь проживал иркутский посадский Бречалов из семьи знаменитых иркутских купцов, один из которых примерно в эти же годы был бургомистром Иркутска, а также крестьянин Игнатьев – патриархи камчатских родов Бречаловых и Игнатьевых.

В 1773 году командир Камчатки Т. И. Шмалев составил описание Большерецка: «Во оном деревянного строения церковь Успения Пресвятой Богородицы и Камчатская большерецкая канцелярия... Казённого строения: канцелярия, командирский дом, кладовых амбаров четыре, купеческих лавок двадцать три, обывательских домов сорок один. Жительствоуют во оных духовные и воинские чины, також подушные плательщики. Крепостного строения ещё никакого не имеется».

В 1783 году, в связи с образованием самостоятельной Охотской области с Нижнекамчатским уездом, новый административный

центр полуострова перемещается из Большерецкого острога в Нижнекамчатский.

А кругосветные морские экспедиции, которые следовали в Петропавловский порт, а далее – в Русскую Америку, «поставили крест» на Большерецком остроге, как на важном портовом пункте.

В Иркипедии приводятся следующие данные о Большерецке: *«Помимо казенных зданий, церкви и торговых лавок при остроге находились в 1726–17 жилых дворов, в 1738–33, 1773–41, к 1820-му–10, в 1909 – 19. Поселение располагалось на нескольких островах, разделенных протоками. В XVIII веке в основном население составляли военнослужащие: в 1727 – 40 человек, 1759 – 79, 1775 – 152, 1799 – 24 человек».*

Уроженец Большерецка Дмитрий Павлович Логинов в своей замечательной книге «Большерецкий острог», отчасти продолжающей знаменитое «Описание земли Камчатки» Степана Петровича Крашенинникова, перечисляет количество фамилий жителей Большерецка на начало XX века: Логиновы, Коллеговы, Селивановы, Бречаловы, Игнатьевы, Сторожевские, Ворошиловы...

Русские также – из рода казака Ивана Черных – проживали еще и в соседнем селе Апача, где в основном жили только камчадалы.

Но именно эти немногочисленные жители Большерецка стали ядром Большерецкой народной дружины, отразившей нападение на Камчатку японцев в Русско-японскую войну 1904–1905 годов.

Первым начал боевые действия в устье реки Большой 13 мая 1904 года отставной казак Александр Максимович Селиванов.

Вот что сообщал об этом в своем отчете начальник Петропавловского уезда Антон Сильницкий: *«13 мая большерецкая застава уже имела дело с японцами, причем 13 японцев было убито, а шхуна сожжена. Интересно, между прочим, что большерецкая застава пошла в атаку шхуны, под начальством отставного пятидесятилетнего казака Александра Селиванова по старому волжскому способу: „сарынь на кичку“ (то есть на бордаж – С. В.), и при этом на простых батах».*

Селиванов Александр Максимович был по указу царя награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней, его сын – Александр Александрович – серебряной медалью «За усердие» и Георгиевским крестом 4-й степени. Селиванов Иван Ильич – Георгиевским крестом 3-й степени. Селиванов Николай Ильич – Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней. Селиванов Павел Максимович – серебряной медалью «За усердие».

Черных Алексей Алексеевич – Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней. Черных Александр Николаевич – Георгиевским крестом 4-й степени.

Бречалов Андрей Иванович – серебряной медалью «За усердие».

Ворошилов Македон Александрович – серебряной медалью «За усердие».

Игнатъев Дмитрий Дмитриевич – серебряной медалью «За усердие» и Георгиевским крестом 4-й степени.

Владимир Петрович Сторожевский в годы Великой Отечественной войны был представлен своим командиром к званию Героя Советского Союза, но был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Звание Героя Советского Союза и Героя России были удостоены потомки большеерецкого священника Петра Михайловича Логинова из рода камчатских просветителей Логиновых-Лонгиновых – уроженец Якутии Владимир Денисович (Дионисьевич) Лонгинов и наш земляк Олег Евгеньевич Мutowин (по матери тоже из рода Лонгиновых).

В 1928 году в связи с постоянными наводнениями Большеерецкий острог был перенесен на новое место и получил новое имя – село Кавалерское. Позже и это село исчезло в связи с образованием Большеерецкого совхоза имени Блюхера в 1930 году и переселением на его центральную базу жителей Кавалерского. В 1990 году село «Большеерецкий совхоз» было переименовано в село Кавалерское.

С. В. Гаврилов **К ИСТОРИИ БОЛЬШЕРЕЦКА**

В начале XVIII в. русские люди, ведомые железной волей царя Петра I, вступили на берега Балтийского моря. Двигавшиеся на восток «встреч солнцу» первопроходцы вышли к Тихому океану. Так в общих чертах сложилась территория Российского государства. Вскоре на обеих окраинах будущей империи застучали топоры: на берегу Невы поднимался новый град по европейскому образцу, а на Камчатке было заложено Большеерецкое зимовье, ставшее главным административным пунктом Камчатки. Отсюда началось освоение юго-восточной части полуострова и Курильских островов. Сюда из Охотска – первого тихоокеанского порта России – на Камчатку прибывали служилые люди и участники великих экспедиций.

В 1700 г. из Якутска на Камчатку был послан боярский сын Кобелев, собравший ясак с жителей западного побережья Камчатки вплоть до реки Озерной. Для укрепления своей власти в недавно обретенной земле он заложил в пятидесяти верстах от устья реки Большой острог.

В 1704 г. на Камчатку прибыл пятидесятник Колесов с казачьей командой. На Большой реке он построил «зимовье для ясачного сбора». Разобщенность среди представителей русской власти умалила её силу в глазах камчадалов, решивших избавиться от незваных пришельцев, истребив всех казаков, живших по острогам. По выезду Колесова с полуострова большеерецкие камчадалы, «в то время называвшиеся ительменами», напали на зимовье, уничтожили его и перебили всех своих угнетателей – служилых людей во главе с закащиком Ярыгиным.

В 1709 г. на Камчатку прибыла новая партия служилых под началом сына боярского Петра Чирикова. Во время его управления казачий пятидесятник Харитонов предпринял неудачный поход на Большую реку для усмирения «немирных» аборигенов. При этом было убито восемь русских, многие ранены, а остальные спаслись бегством.

В 1711 г. против произвола своих предводителей восстали уже сами казаки. В ходе бунта они убили всех трёх камчатских закащиков: Чирикова, Миронова и Атласова. Семьдесят пять восставших разделили пожитки убитых и избрали своим атаманом казака Анциферова, а есаулом – Ивана Козыревского. Теперь ясак с аборигенов, которых тогда насчитывалось до десяти тысяч человек, собирали эти «бунтовщики». В апреле 1711 г. они послали из Верхнекамчатского острога в Якутск челобитную, в которой объяснили, что убили закащиков за разные злоупотребления. Чтобы загладить свои преступления, пошли на Большую реку и взяли тамошний камчатский острожек. Здесь расположились на отдых и положили основание новому Большерецкому острогу, окружив его земляным валом.

22 мая 1711 г. к острогу подступило множество «немирных» камчадалов и курильцев. На следующий день находившийся при казаках архимандрит Мартиниан отслужил молебен и благословил их на битву. После этого осаждённые сделали вылазку, напали на осаждавших и разбили их. По донесению казаков, урон оказался так велик, что телами камчадалов была завалена Большая река. Русских же было убито всего трое и несколько ранено.

После этого казаки пошли в «Курильскую землицу», первыми из русских на небольших байдарах попав на Курильские острова. В сентябре 1711 г. они возвратились в Большерецк.

В 1713 г. отсюда вышла вторая экспедиция на Курилы. В одном из её донесений сообщалось: «От Камчатской земли морем до первого острова парусом бежать день, на второй остров половину дня гребли...»

В 1716–1717 гг. мореход К. Соколов совершил на судне, построенном в Охотске, плавание вдоль берегов Ламского (Охотского) моря и открыл кратчайший путь на Камчатку к устью реки Большой.

В 1718 г. на полуостров морем прибыли участники «Большого Камчатского наряда». Камчатским приказчиком стал сын боярский В. Качанов. Ему было поручено основать город на Большой реке – тогда самом удобном месте для якорной стоянки и зимовки приходивших из Охотска судов. Кроме того, приказано со служилыми, посланными с ним из Якутска, и большерецкими казаками построить в удобном месте крепость, где хранить до отправления в Якутск собранную со всех острогов ясачную казну, казённое имущество и содержать аманатов.

Из Большерецкого острога Качанов послал в поход на Воровской острожек сына боярского Мухоплева с тридцатью казаками. Они разорили и сожгли три поселения, перебив почти всех жителей.

Осенью 1719 г. на уходившем в Охотск судне большеерецкие служилые отправили несколько соболей, продав которые они намеревались приобрести Новый Завет для здешней церкви. Отправили и донос в Якутск на Качанова, указав, что причинами «измены», то есть камчадальского бунта на реке Воровской, стали его неверные распоряжения. Качанову удалось бежать с Камчатки, а замыслы создания в Большеерецке города и крепости не осуществились.

В начале сентября 1719 г. в Большеерецк прибыл приказчик Харитонов, затем обосновавшийся в Верхнекамчатске. Вскоре аборигены убили Харитонова вместе с девятью казаками. Управление Большеерецком принял узнавший о смерти Харитонова казак Лукашевский, отправивший собранный ясак в Охотск. После Харитонова в Камчатку назначен сын боярский С. Бобровский. Ему поручено заведовать Верхнекамчатским и Большеерецким острогами.

В июне 1723 г. в управление Большеерецком вступил служилый А. Попов. Он получил «острог деревянный, стоячий тын, на западном углу казённый амбар, в середине приказная изба, на севере аманатская казёнка, в которой Воровской реки аманатов пять; две медные пушки; казаков сорок человек».

В 1726 г. в Большеерецке, по донесению мичмана Чаплина, участники экспедиции В. Й. Беринга, имелось семнадцать дворов и часовня. Чаплин определил, что расстояние от Охотска до Большеерецка составляет чуть больше шестисот миль, «а русскими верстами 1 051,27 версты».

Осенью 1727 г. в Большеерецк прибыл сам В. Й. Беринг с двумя судами, заполненными экспедиционными припасами. Эти грузы Беринг распорядился отправить в Нижнекамчатск через всю Камчатку (более восьмисот вёрст) по рекам Быстрой и Камчатке на камчадальских батах, а между реками зимою в нартах, на собаках, собранных со всех камчатских селений. Независимо от этого камчадалы перевозили на собаках и самого Беринга со всей командой. Это распоряжение привело их хозяйства в большое расстройство: аборигены потеряли удобное зимнее время для звериного промысла, единственного источника их благосостояния. Большая часть собак издохла от продолжительных тяжёлых работ. Камчадалы же не получили за все эти лишения почти никакого вознаграждения.

В 1737 г. М. П. Шпанберг послал на Камчатку бот «Фортуна» с подштурманом Родичевым и геодезистом Свистуновым за смолою и для постановки вех в тамошних гаванях, в том числе и Большеерецкой.

В 1738 г. Шпанберг из Большеерецка на трёх судах отправился в Японию. Пройдя вдоль Курильской гряды, в середине августа он вернулся обратно на зимовку, во время которой было построено ещё одно судно — шлюп «Большеерецк». В этом же году на устье реки Большой поставлен высокий деревянный маяк. Через несколько лет его смыло, а с 1748 г. устье реки стало менять своё положение. Старое устье совсем замыло в 1750 г.

В 1739 г. прибывший для расследования самого большого камчадальского бунта майор Мерлин заложил в Большерецке новую церковь. В этом же году штурман Елагин описал с байдагы западный берег полуострова от Большерецка к югу до мыса Лопатки. В 1742 г. эту посылку от Большерецка к северу до реки Паланы продолжил геодезист Ушаков, теперь уже на собаках.

В 1740 г. новый камчатский командир П. Колесов избрал своим местопребыванием Большерецкий острог, и с этого времени все распоряжения по Камчатке делались от имени тамошней канцелярии. В этом же году было приказано переселить на Камчатку до пятидесяти крестьянских семейств. Им предстояло заняться развитием местного земледелия ввиду дорогой и тяжёлой доставки хлеба с «материка». Часть людей поселили в Большерецком остроге. В 1743 г. начальник Камчатки Борисов оставил здесь девять семей, пять переселил в Верхнекамчатск и шесть – в Нижнекамчатск.

Так в Большерецке начались ежегодные посевы зерновых, но урожай ржи, ячменя и ярицы был ничтожен, его не хватало даже для нужд переселенцев, которые были вынуждены для своего прокормления заниматься другими работами.

В 1741 г. по распоряжению Беринга и начальника Охотского порта Девиера в Большерецке открылась школа на двадцать учеников. Учителем был сосланный поручик Пражевский. Осенью М. П. Шпанберг вновь прибыл со своим отрядом в Большерецк. Перезимовав здесь, 23 мая 1742 г. он с четырьмя судами отправился в Японию и после «некоторых поверхностных исследований, не принеших никакой пользы науке», вернулся в Охотск.

Участник Второй Камчатской экспедиции Г. Стеллер отметил преимущества Большерецка перед другими острогами: «Там есть в изобилии рыба... Все купцы и суда из Охотска прибывают к Большой реке... В настоящее время столь выгодная торговля морским бобром сосредотачивается почти исключительно на Большой реке... Вследствие того, что на Большой реке есть пристань и гавань для охотских кораблей, тут всегда проживает комендант».

Подробно описал острог тех времён выдающийся исследователь С. П. Крашенинников: «...стоит на северном берегу Большой реки между впадающими в оную посторонними реками Быстрою и Гольцовкою в тридцати трёх верстах от Пенжинского (Охотского. – *Ред.*) моря. Крепость во оном остроге четверугольная, во всей стороне по десять сажен...»

В остроге времён Крашенинникова имелись: «...ясная изба, аманатская казёнка, анбар для содержания аманатской юколы, да двоежилой анбар, в котором яшашная казна хранится. За острогом строена часовня, что ныне уже церковь во имя Николая Чудотворца, с колокольнею на столбах... Обывательских по разным островам тридцать, кабак с винокурнею, служилых сорок пять человек, да казачьих детей четырнадцать человек».

В июле 1745 г. в Большерецк с проповеднической миссией прибыл архимандрит И. Хотунцевский, которому среди прочего поручалось учредить на Камчатке школы. В этом же году на большерецкий берег выкинуло судно (бусу) с десятью японцами, плившими на Курильские острова. Хотунцевский окрестил их, и впоследствии они были учителями в японской школе в Иркутске.

В сентябре 1768 г. приключилась большая беда: из Охотска на казённом судне в Большерецк завезли оспу. Началась эпидемия, охватившая весь полуостров. Умерших не успевали хоронить. В то время на Камчатке не было ни одного лекаря. Большерецкая канцелярия разослала приказания, чтобы «больных содержали в тёплых избах, кормили свежей рыбою, не позволяли пить холодного». Этим были исчерпаны меры, принятые против эпидемии. Оспа свирепствовала до конца июля 1769 г. Она произвела такое опустошение, что во многих селениях не осталось в живых ни одного человека. Тела умерших гнили, не преданные земле.

В 1770 г. в Большерецк отправлен ссыльный поляк М. Беневский. Здесь он быстро заслужил к себе расположение начальства и сошёлся с другими ссыльными. Разобравшись в обстановке, Беневский решил организовать заговор, кончившийся тем, что бунтовщики убили камчатского командира Нилова, захватили канцелярию, казначейство и провиант и уплыли на стоявшем в Большерецке судне.

В 1772 г. в Большерецке и Нижнекамчатске насчитывалось «военных служащих»: четыре сотника, один дворянин и восемьдесят один «нижний чин». В 1774 г. в Большерецке находились 152 «военных служащих».

В 1773 г. капитан Т. Шмалёв составил следующее описание селения: «Во оном деревянного строения церковь Успения Пресвятой Богородицы и Камчатская большерецкая канцелярия... Казённого строения: канцелярия, командирский дом, кладовых амбаров четыре, купеческих лавок двадцать три, обывательских домов сорок один. Жительствуют во оных духовные и воинские чины, також подушные плательщики. Крепостного строения ещё никакого не имеется».

В 1773 г. на полуостров прибыл назначенный главным камчатским командиром премьер-майор М. Бем. Он много сделал для улучшения жизни местных обитателей. В военной школе Большерецка по штату должно было учиться пятнадцать человек. Бем увеличил их число вдвое и приказал обучать детей аборигенов. Учителями в школу назначали грамотных унтер-офицеров. Бем устроил в Большерецке первую больницу, в которую по его ходатайству был назначен лекарь Робек – первый медик, прибывший на Камчатку для постоянной службы.

В октябре 1775 г. Бем распорядился провести глазомерную съёмку для составления карты полуострова от Большерецка до Тигиля и обратно по морю и суше. Этим занимались штурманские ученики под наблюдением штурмана Измайлова, завершив работу 25 февраля 1776 г.

В конце апреля 1779 г. в Большерецк из Петропавловского порта прибыл курьер с известием, что 18 апреля в гавань пришли два англий-

ских военных судна под командою капитан-командора Ч. Клерка. Вскоре делегация англичан прибыла в Большерецк к камчатскому командиру. В начале мая она отправилась обратно «с принадлежащим почтением и пушечной пальбой».

Бем предполагал перенести управление Камчаткой из Большерецка в Тигиль.

В сентябре 1780 г. на Камчатку прибыл новый главный командир Ф. Рейнеке. Он хотел было осуществить предложение Бема, но из-за постоянного недохода рыбы в реке Тигиле отменил своё намерение. После этого Рейнеке привёл в порядок здания в Большерецке и построил там новую церковь.

В 1783 г. учреждена независимая от Якутска Охотская область, в состав которой вошла Камчатка с тремя округами: Ижигинским (Гижигинским), Акланским и Нижнекамчатским. Рейнеке предписано «открыть» города: Ижигинск, Акланск и Нижнекамчатск с их округами и присутственными местами. Городничим на Камчатку назначен коллежский асессор Орленков с тем, чтобы он жил в Нижнекамчатске и управлял всем полуостровом по инструкциям охотского коменданта. Рейнеке перенёс управление Камчаткой из Большерецка в Нижнекамчатск, и 27 февраля 1785 г. открыл там присутственные места. Так Большерецк перестал быть «камчатской столицей».

Впрочем, в начале апреля 1791 г. произошло сильное землетрясение, особенно чувствовавшееся в Нижнекамчатске, где с домов попадали трубы и обрушились крыши. Новый камчатский командир В. Шмалёв, напуганный буйством стихии, писал в Иркутск о необходимости упразднения Нижнекамчатска и перенесения управления полуостровом обратно в Большерецк, так как по его предположениям «город Нижнекамчатск в самом непродолжительном времени должен был провалиться».

В 1801 г. в Большерецке размещалась рота полка генерала Сомова в количестве девяносто трёх человек. Прибытие на Камчатку этой воинской силы, долженствовавшей противостоять возможному покушению неприятеля, сопровождалось эпидемией «гнилой горячки», унёсшей жизни почти двух тысяч человек, распространением венерических заболеваний и очередным отягощением местных жителей.

От завезённых болезней вымерло почти всё население между Авачинской губой и устьем реки Камчатки. Большерецкие казаки с семьями по указанию иркутского губернатора Леццано были переведены к устью реки Камчатки «для содержания караула».

В 1803 г. указом императора Александра I камчатскому коменданту генералу Кошелеву предписано завести в Большерецке солеваренный завод.

В январе 1811 г. по императорскому повелению был организован комитет, которому следовало разработать предложения по совершенствованию управления Камчаткой и Охотским краем. Предполагалось, что теперь центральным пунктом Камчатки станет Петропавловский

порт. Комитет составил «Положение о Камчатке», утверждённое царём 9 апреля 1812 г.

В числе девяноста пунктов положения был и такой: «Отменив ход транспортных судов из Охотска в Нижнекамчатск, Большерецк и Тигильскую крепость, по неудобству и опасности пристаней сих мест, постановить, чтобы все транспорты с провиантом и другими для Камчатки потребностями, из Охотска отправляющиеся, приходили, кроме следующих в Ижигу, в одну Петропавловскую гавань».

Отныне Большерецк из некогда морской гавани и административного центра полуострова превратился в небольшое, рядовое и труднодоступное камчатское селение, в котором обитали всего лишь около сотни человек. Тем не менее, его история продолжилась, хотя теперь и не столь наполненная событиями, как раньше.

В 1817 г., по ходатайству начальника Камчатки П. И. Рикорда, для снабжения жителей провиантом в случае голода из-за периодически случавшихся «недоходов» рыбы, в главных пунктах полуострова, в том числе и Большерецке, были заведены провиантские склады. Сюда продовольствие можно было доставить по воде.

По итогам переписи 1818 г. Большерецк населяли шестьдесят семь русских жителей.

В 1837 г. в селе была построена новая церковь. Зимой 1853 г. его посетил первый камчатский губернатор генерал-майор В. С. Завойко, совершавший объезд вверенной ему в управление Камчатской области. По его распоряжению прапорщик Большунин составил план селения.

В 1868 г. здесь было всего двенадцать домов, которые занимали восемьдесят один житель. Имелась православная церковь и пристань для морских судов. Расстояние до Петропавловска по почтовому тракту составляло сто семьдесят восемь вёрст.

В 1876 г. Большерецк населяли девяносто девять человек. По условиям они делились так: четырнадцать казаков, из которых на службе состоял только один; двадцать три духовных лица; два отставных нижних чина; пять камчадалов и пятьдесят пять крестьян. Грамоту среди них знали пятнадцать. В селении имелась церковь и тринадцать домов, а всего здесь насчитывалось пятьдесят семь построек, в том числе одна кузница, семь бань и шестнадцать балаганов. Жители содержали двадцать лошадей, пятьдесят восемь коров и сто восемьдесят две собаки. За год селяне выловили почти семьдесят пять тысяч рыб лососёвых пород, добыли сто тридцать нерп, тридцать три выдры, восемнадцать медведей и девять соболей.

В конце XIX в. петропавловский уездный врач В. Н. Тюшов сообщал: «В настоящее время Большерецкое селение является единственным русским поселением на дороге от Петропавловска до Тигиля на западном берегу полуострова. Расположено оно крайне невыгодно на островах, образуемых протоками Монаковой, Мостовой и Паренчиной, которые во время половодья затопляют селение, и жителям приходится,

чтобы пройти друг к другу, прибегать к батам. Небольшие домики разбросаны без всякого плана, кому где вздумается, малы, и, в общем, селение производит крайне унылое, грустное впечатление... В этом селении имеется одна церковь – ветхое полуразрушившееся здание, подпёртое со всех сторон брёвнами в предупреждение от падения. Тут же неподалеку от старой церкви строится на том же кочковатом болоте новое здание под церковь, есть школа...

Маленькие хатки, по обыкновению, не проконопачены; полы однорядные, точно также и оконные рамы. Большинство оконных рам вместо стекол имеют полотнища, сшитые из медвежьих кишок. Такое окно пропускает очень мало свету, но зато при каждом открывании и закрытии домовых дверей или при сильном ветре сильно шумит, хлопая. Печи сложены из самодельного необожжённого кирпича... Из такого же обыкновенного кирпича складывается труба над крышей. Чистая комната, или горница, обыкновенно имеющаяся в каждом домике, содержится при крайней бедности жителей в возможной чистоте. Часто вы найдёте стены и потолок её окрашенными в разные цвета глинами. Печь красится всегда...

Учителем там состоит полуграмотный камчадал Кихчикского селения Павел Уксусников, обязанный своею грамотностью проживающему в Петропавловске торговцу Петру Косыгину, который за время своих долгих поездок по Камчатке по торговым делам в часы досуга не одного камчадала обучил, хотя и азам грамоты. Спасибо и за это человеку, который сам едва дошёл самоучкой до разбирания печатного и писанного.

Всё население не превышает сто душ».

В 1901 г. численность местных жителей составляла сто тринадцать человек.

А вот описание селения, датированное 1923 г.: «Жилых домов – тридцать один, тёплых сараев – двадцать восемь, холодных сараев (служащих для юколы) – двадцать пять, бань – десять, амбаров – пятнадцать. Население приблизительно сто пятьдесят человек, преимущественно камчадалы, русских всего трое. Все жители исповедуют православную религию. В селении есть церковь, есть священник и диакон (камчадалы), есть также школа, учитель также камчадал. Жители малограмотны, есть и совершенно неграмотные.

Недалеко от селения проходит телеграфная линия. Конторы (почтовой. – С. Г.) нет, так как таковая находится в селении Усть-Большерецком и в селении Апача. В селении находится отделение фирмы „Гудсон Бей“, продаются продукты продовольствия, мануфактура, галантерея, железные и скобяные товары. Купли и продажи на деньги почти не существует, происходит, главным образом, обмен товаров на пушнину. Кроме фирмы „Гудсон Бей“, часто приезжают скупщики пушнины (также идёт обмен), как то: Апиев, Абдул, Морозов от фирмы Петрова и китайцы, всё это коммерсанты из Петропавловска.

Население занимается зимой охотой, а летом рыбной ловлей, рыба сдаётся на рыбалки в обмен на продукты. Кроме пушной охоты, жители охотятся также на медведей. Мясо идёт в пищу, а кожа на выделку обуви, режут ремни и другое. Охота производится, главным образом, весной и осенью, летом почти не охотятся, так как в это время происходит лов рыбы. Кроме этого занимаются скотоводством. Разводят коров и лошадей. Других животных, как то: свиней, овец и домашней птицы совершенно нет, в силу того, что всё это уничтожается собаками. Бывают случаи, что собаки заедают и коров. Коров в селении около шестидесяти штук и лошадей около двадцати. Каюрщиков в селе двадцати шести человек. Собак около трёхсот двадцати.

Способы передвижения: зимой исключительно на собаках и летом на лошадях и батах по речкам. Большерецк стоит на реке Быстрой (Большая). Река многоводная и быстрая, как показывает само название, есть несколько и мелких речек. По реке Быстрой и идёт главный лов рыбы. С апреля начинают идти гольцы (идёт в пищу как жителям, так и собакам), затем красная рыба (сравнительно немного) и, главным образом, горбуша.

Из Большерецка дорога идёт в Усть-Большерецк или, иначе, в Хайковую падь, которая лежит в тридцати верстах. Тракт проходит через несколько мелких речек (проложены мосты) и через Быструю. Последнюю надо проезжать на батах. Мост построить нельзя в силу изменения уровня воды, большого скопления льда, а также изменения русла. Местность – по большей части ровная тундра, местами покрытая лесом, преимущественно берёзой, так называемой каменной, встречаются ольха и ветла. Недалеко от селения есть хорошие сенокосы, так что сена запасают в достаточном количестве».

В ноябре 1927 г. в Большерецке организовалась первая комсомольская ячейка.

Жизнь местных обитателей сильно осложнялась частыми затоплениями территории во время весеннего разлива рек. В августе 1927 г. они решили перебираться на протоку Кавалерскую в шести верстах от Большерецка вниз по реке. «Причины перехода таковы: наше селение находится на островах, и реки, протекающие по селению, с каждым годом становятся всё больше и больше. Речки эти не дают нам совершенно заготавливать необходимое для хозяйства: лес, сено, дрова и прочее. Осенью нельзя совершенно выехать на охоту, ибо во время шуги невозможно перебраться через реки. Само село находится на низменном месте, бывают случаи, что в половодье село в иных местах заливается водой, причём припасы, находящиеся в земле – погребах и ямах сгнивают».

Весной 1928 г. первые двенадцать переселенцев перенесли на новое место три дома, к осени на протоке Кавалерской находились уже семь хозяйственных дворов. В течение 1928–1931 гг. село было перенесено на другое место. Так завершилась история старинного Большерецка и появилось новое селение – Кавалерское.

Н. В. Дивнина
БОЛЬШЕРЕЦКИЙ ОСТРОГ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

За описанием реального Большерецкого острога и его жителей есть к кому обратиться: Крашенинников, Стеллер, Лессепс, Сгибнев и Сергей Вахрин.

Для нас же он станет художественным образом поселения на краю света, символом присоединения Камчатки к России, местом открытий, любви, и столицей Большерецкого бунта.

В лиро-эпической поэме Владимира Кирпищикова Большерецкий острог – это «неведомая земля», которой достигли «дерзновенные» и отважные россияне – через штормы и преграды; это «суровый край отважных – Камчатское село», где «мир иной встаёт в ином рассвете».

Деяния Петра I в России сравниваются с деяниями Владимира Атласова в Камчатке – соответственно, Большерецкий острог автор уподобляет Санкт-Петербургу.

*Пришла сюда Россия Молодая –
 В простор камчатских далей снеговых.*

Атласов решает, что здесь прочно утвердится Россия –

*«а значит быть хоть малой, но столице.
 И место выбрал – на реке Большой,
 Где тундра, тальники да комарье столбами
 Где ягода манит, где пахнет черемшой,
 неисчислимо рухляди живой,
 И рыбы – хоть лови руками!*

....

*И острожок тот, на реке Большой.
 За частоколом и за перелеском.
 Разросся и острогом Большерецким,
 Заложённым, пускай и не тобой,
 Стал на Камчатке русскою судьбой!
 И вот случилось это, наконец:
 Означили на карте генеральной,
 Как торжества могущества венец,
 Уверенною точкой – Большерецк,
 Столицу края вольных и опальных!*

Камчатка – загадочная и чудесная земля, куда стремится с радостью и надеждой студент Степан Крашенинников – герой повести Ильи Миксона «Человек, который...»

И закопченная изба большеецкого жителя Тимофея Рыжова – это просто земля обетованная после плавания-катастрофы на «Фортуне»!

Большеецк у Миксона становится равноправным героем повествования, хотя первое описание селения не вызывает особой симпатии: ни деревца, ни кустика, три десятка срубов – все на один манер, выделяется лишь пятистенка кабака с винокурней; сам острог – четырехугольная крепость весьма скромных размеров.

«Сюда не очень торопятся», – весьма образно характеризует Большеецк подполковник Мерлин.

В июне *«сыро, студено и голодно»*; а в июле *«снег в огороде еще не весь сошел»*. Но Крашенинников все равно сажает огород и мечтает разбить ботанический сад. А *«урожая кот наплакал»* – за все труды полмешка редьки да белой репы.

Радостен Большеецк пасхальный, когда в *«остроге бурлит праздничное многолюдье»* и съехались гости, ительмены и коряки.

Вызывает радость, всеобщее оживление и хлопоты приход корабля.

И недалеко от Большеецка, в Апачинском острожке, поджидает нашего героя любовь.

Герой книги – не привычный строгий мужчина в парике и алом кафтане, он энергичный, молодой, сильный – и влюблённый!

Ему грустно прощаться с Камчаткой. Затянулся выход в море – и бродит Степан Петрович по окрестностям гавани Чекавки, любуясь и морем, и землёй, и небом, и понимает, что *«Камчатка – главное, что выпало на его жизнь, его тяжкий и счастливый жребий»*.

Хорош, ироничен и нежен Евгений Гропянов и его весенний Большеецк в романе «Ступай и исполни».

К концу сентября 1740 года в Большеецке собрался весь Академический отряд Второй Камчатской Экспедиции. Профессор астрономии Луи де ла Кройер, как лиса из сказки, занял избушку, построенную зайчиком-студентом Крашенинниковым, и пристрастился к местной настойке.

«К вечеру профессор, проспавшись, выходил из избы в тупупе и парике: весна, где ты? за какими горами ты прячешься? Казаки, смеясь, говорили, что весна Большеецкий острог обходит стороной: больно запах от профессоровой настойки крепок, что весну сразу с ног валит».

Идёт профессор до приказной избы и пьёт из берестяных стаканов настойку с командиром Камчатки Колесовым.

А Колесов ждёт, что *«искурив трубочку, профессор мечтательно произнесёт „О, мой Париж!“*, – и перед ним возникнет сказочный город, который более Иркутка, Якуцка и Тобольска; Колесову казалось, что раз Париж такой необъятно-огромный, то звон его колоколов обязательно должен долететь до столицы Камчатки; сколько ни вслушивался Колесов, кроме рыка собак да казацкого говору, да карканья воронья – ничего вокруг...»

Символично, грустно, Колесов наивный и симпатичный – кстати, тот еще отрицательный персонаж! – и парижские колокола с парижскими сумерками – а мы, читатели, знаем, что профессору больше не увидеть Парижа, и останется он лежать в камчатской земле...

Книг на тему Большерецкого бунта и побега из ссылки в 1771 году барона Беньовского оказалось написано неожиданно много. В чём-то авторы близки к реальным событиям, в чём-то превосходят полётом фантазии фантастические мемуары самого барона.

Поэтому за фактами не к нам, у нас же ТАКОЕ! У нас много водки, дикая стужа, любовь и пришедший в Большерецк галиот с котами!

Авторы следуют одной схеме: Большерецк – ужасное холодное место ссылки, тёплые страны зовут и манят, а потом приходит тоска по родине и влечёт на родные холодные берега.

Каждый автор старается превзойти другого в описании большерецкой заброшенности, тоски и безнадёжности.

Писателю XIX века Даниилу Мордовцеву это особенно удалось: *«Камчатка, холодное море, полярные льды. Безотрадный конец вселенной, узкая тёмная могила, где и мёртвому лежать тесно. Там всё тоскует, всё по жизни плачет, тоскует небо свинцовое, и лес такой же чахлый, как трава и люди, и негреющее как льдина солнце, и такое же холодное и злое – злое как те же люди тюремщики и как цепи холодное, – всё там тоскует, всё там в цепях, всё в вечной ссылке... и небо, и люди, и тундры, и солнце – всё в ссылке, от всего тут отвернулось лицо Создателя – и стала ссыльной тут, опальной, всё природа».*

Герой Владимира Баязина – попович Ваня Устюжанинов из крохотного села Ича, а Большерецк – *«скудная бесплодная земля, мерзлая и каменистая».*

Ваня знакомится с Беньовским и ссыльными и читает про сказочный золотой остров Тиниан – зимним вечером, когда за единственным окном, затянутым рыбьим пузырем, воеет метель, а в задымленной, черной избе мигает слабый огонек коптилки, и остров кажется сказкой вдвойне: *«И совсем уж не верится, что есть страны, где зимою теплей, чем в Большерецке летом».*

С великой радостью отправляется Ваня из Большерецка за своим учителем в тёплые и свободные страны – но это ещё далеко не конец!

Не прошел мимо истории барона Валентин Пикуюль в исторической миниатюре «Последний франк короля».

Большерецк – место ссылки государственных преступников, *«гиблые края, откуда нет возврата».*

«В Большерецке жевать нечего, там едино водкою люди сыты бывают».

На вопрос Беньовского, велика ли столица Камчатки, следует ответ: *«Громадный город! Одних избушек тридцать пять наберется. А жителей – человек сто насчитать можно. Мы там содержим могучий*

гарнизон: семьдесят казаков, из числа коих только четырнадцать на ногах, другие старцы немощны да детишки...»

Неудивительно, что героям захотелось *«вкусить прелестей райской свободы»* и они *«поплыли искать теплые и свободные страны»*.

Разухабистый Пикуль кажется интеллигентным и сдержанным, как Чехов, рядом с лютым трэшэм историко-приключенческого романа Николая Смирнова «Государство Солнца». Книга вышла в 1928 году и переиздавалась много раз.

Повествование ведётся от лица Лёньки – сына ссыльного крестьянина Степана Полозьева. Он играет роль Вани Устюжанинова – сам Ваня тоже участвует в событиях и странствует с Беньовским по миру, но в 1928 году поповскому сыну не доверили быть главным героем. А Лёнке можно, он так беден, что *«кровать в парижской гостинице больше всей избы Полозьевых в Большеерецке»*.

«Городок этот был в ту пору небольшой: сорок домов, деревянная церковь, казённый кабак да крепость-острог. В крепости жил комендант Камчатки Нилов да полсотни солдат. А в городе жили купцы, казаки, охотники. Стены у крепости были деревянные, а по углам стояли пушки. Вот и весь город».

Барон кажется *«пришельцем из далёкого и счастливого государства, который явился на Камчатку, чтобы пригласить в солнечные края народ из голодной, занесенной снегами страны»* – только вместо реального острова Тиниан возникает Государство Солнца и Город Солнца на острове Тапробане.

Где трэш, спросите? Сейчас будет.

«На Тапробане тепло как в бане!», – так звучит призыв к побегу. Штурманы жалуются, что в Большеерецке скучно живётся, жалование маленькое, питание плохое, водку приходится пить редко...

И тема водки раскрывается в полный рост! В книге для детей среднего и старшего школьного возраста слово «водка» и связанные с ним действия встречаются в тексте 68 раз.

Водку пьют все: ссыльные, Нилов, герои-подростки, охотники, казаки, матросы, штурманы, японцы, тайваньский принц, мадагаскарские туземцы.

Омерзительна картина, как пролитую водку беглецы слизывают с палубы, встав на корточки – у водочной лужи начинается свалка. Это, типа, вода закончилась.

Беньовский садится на бочонок водки и ведет переговоры с туземцами.

«Водки! – закричал Беспойск и соскочил с бочонка. Лапин вышиб дно, я начал наполнять кружки. Мальгаши оказались прекрасными ребятами. Они выпили весь бочонок до дна, а после этого станцевали нам немного».

Другое племя пьёт водку из кофейника.

Беньовский – он за мир! *«Вместо похода мы лучше будем пить водку и танцевать! И сейчас же была принесена неизменная водка, спутник радости».*

К концу книги на Мадагаскаре планируют построить три завода: оружейный, пороховой и водочный.

И Большеорецкий побег начинается с того, что беглецы *«забрали всю водку из казённого кабака и свечи из церкви».*

В этой книге прекрасны лишь иллюстрации Владимира Милашевского, члена объединения «Мир искусства». Кредо художника: «Пусть перо, обмокнутое в тушь, „резвится“ по бумаге, как счастливая молодая девушка в танце, пусть оно острит, улыбается, иронизирует». И перо художника резвится!

Есть у меня любимый приём – найти и вставить в серьёзный доклад тему котиков. Иногда это приходится делать сложными окольными путями. Но нужда в маленьком хулиганстве отпала, потому что неожиданно возникла книга Валерия Поволяева «Король Красного острова».

Роман написан как плохой студенческий реферат: почти дословная компиляция из Смирнова и Балязина.

Но важный герой повествования – кот большеорецкого жителя и будущего беглеца Митяя Кузнецова, Прошка. Он *«умел и рыбу ловить, и лесного зверя преследовать, а что касается еды, то мог отнять ее у любой собаки – большеорецкие псы боялись с ним связываться».*

Все ситуации с котом описаны обстоятельно и с любовью. Автор плохой писатель – но знатный котолоб! И Кузнецов у него котолоб, и главный герой – гибрид Лёньки и Вани, Алексей Устюжанинов.

«– Прошка! – Кузнецов вновь отер кулаком глаза и прижал Прошку к себе.

– Жди, Прошенька, – пробормотал Кузнецов растроганно и полез на чердак, чтобы достать коту сладкий хвост.

Прошка от такой перспективы замурлыкал громко – так, что мурлыканье было слышно на том берегу реки Большой».

Герои переживают большеорецкий голод – *«на коту покушались, хотели сварить из него суп, но Митяй забил картечь в стволы двух своих ружей и выставил их в дверной проем. Предупредил:*

– Ну, любители кошатины, попробуйте только подойти! Дырки в своих шкурах считать замучаетесь.

Прошка уцелел. А летом в Большеорецк на одном из галиотов доставили полсотни собак и столько же кошек – пусть размножаются».

С Прошкой на плече Кузнецов гуляет по Большеорецку, с Прошкой отправляется в плавание через полсвета.

Кот всегда рядом – стремится разделить печаль своего кормильца, помочь ему, защитить от напастей и ударов судьбы, и даже готов вместе с ним умереть.

А Кузнецов на Иль-де-Франсе оставляет кота Устюжанинову и уезжает в Париж – навсегда. Причина объясняется тоже через кота:

«Не получилось у нас государства Солнца. Морис Августович обманул нас, сшиб на лету, как Прошка сшибает лапой птичек».

Там еще много про котов!

А хотите про любовь?

Пожалуйста! Даниил Мордовцев. Беглый король. Историческая повесть 1888 года.

Первая фраза: *«Это было в Камчатке, в Большеерецком остроге».*

«Большеерецк – ничтожный городишко, в котором всего тридцать пять маленьких избышек. Гарнизон большеерецкий вы также знаете – всего полсотни казаков, и притом хромых, кривых, слепых и безоружных».

Демон-искуситель Бениовский призывает к побегу: *«покажу вам все царствия мира – сказочные царства – Японию, Китай, Офир библейский! Я покажу вам край, где пальмы зреют, где нет снегов, где воздух негой дышет, где нет ни тундр, ни тюрем, ни цепей! Обеих Индий страны покажу вам, Великого Могола царства, Цейлон роскошный, и Мадагаскар, я родину вам негров покажу, страны, где львы гуляют на свободе и зреют лопасти банана! А там – всё дальше, дальше понесу вас!»*

«Лучше сделаться жертвой акулы, чем гнить живым в Камчатке!» – решают герои.

И разворачивается романтическая возвышенная проза слёз и восклицаний, оживает выдуманная Беньовским Афанасия Нилова – «милый ангел Фанни» – и умирает близ острова Мадейра; а её няня Пахомовна в плавании вяжет для своей любимицы нитяные чулочки.

Тоскует по родине верный спутник Беньовского Ваня Устюжанинов: *«О, моя родина, моё далёкое, пасмурное небо! – не видать уж мне тебя никогда, никогда!»*

Вырос я на тундрах моей пасмурной, милой Камчатки, под суровым небом, среди белых снежных сугробов. Какое было моё детство? Тюрьмой, ссылкой, печалью веяло вокруг меня с колыбели. А мне посулили жаркое небо юга, дивную зелень бананов...

Что же тянет меня от этой роскоши, от этого дивного юга, из этого эдема земного – к холодному, бедному северу?

...что было моё прошлое?

Жалкий попovich в Большеерецком остроге – и вся жизнь в остроге, среди тундр, снегов и ссыльных. А здесь я приближенный короля, его любимец, царедворец... у такого же белого царя как и сам... Попovich из Камчатки – царедворец! ...а я тоскую: там, в жалкой Камчатке к старушке-попадье хотелось бы приласкаться, у нее на груди выплакать горькие слёзы царедворца...»

Их еще много, книг о Беньовском и его побеге. На русском, польском, французском, немецком – однако, давайте ограничимся вышеназванными.

...Прошло время, и наши скитальцы по тёплым морям, участники Большерецкого бунта, захотели на родину.

Удивительно, но большинство из тех, кто вернулся и был прощен Екатериной II, отправились жить в Сибирь, Охотск и на Камчатку – хотя могли поселиться везде, кроме Москвы и Петербурга.

«Почему так болит сердце, когда вспоминается всё, что было раньше? – запись из дневника Устюжанинова, героя романа Балязина. – Ведь вся Камчатка, может быть, самое гиблое место на земле, а ичинский приход – самое забытое Богом место на всей Камчатке. И всё же почему так болит сердце?»

Почему же так болит сердце?

И почему человеку нужна родина?

Каждый сам отвечает на этот вопрос.

Список литературы:

1. *Балязин В. Н.* За светом идущий: роман. Кишинев : Лумина, 1988. 576 с.
2. *Боголюбов Н. П.* Графъ Морицъ Беньовскій : ист. былъ. М. : Тип. И. Д. Сытина и Ко, 1894. 192 с.
3. *Вахрин С. И.* Тайны камчатских имен. Большерецкий острог : [книга-альбом]. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2016. 296 с.
4. *Гропянов Е. В.* Избранное : ист. повести, городские рассказы, раздумья писателя, издателя, из переписки. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2011. 768 с. : фото.
5. *Кирпищиков В. М.* Большерецкий острог : кн. стихов. Петропавловск-Камчатский, 2003. 48 с.
6. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2018. 920 с. : ил.
7. *Лангбурд Е.* Дорога в полтора века : док.-худож. повесть. Петропавловск-Камчатский : Северная Пацифика, 2001. 84 с.
8. *Логинов Д. П.* Большерецкий острог. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2012. 240 с. : ил.
9. *Миксон И. Л.* Человек, который... : ист. повесть. Л. : Детская литература, 1989. 208 с.: ил.
10. *Мордовцев Д. Л.* Беглый король : ист. повесть. СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1888. 236 с.
11. *Пикуль В. С.* Исторические миниатюры : в 2 т. М. : Мол. гвардия, 1991. Т. 1. 432 с.
12. *Поволяев В.* Король красного острова. М. : Вече. 2016. 118 с.
13. *Сбигнеев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг. // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2008. Вып. 1. С. 5–103.
14. *Смирнов Н. Г.* Государство Солнца : ист. роман. Красноярск : Кн. изд-во, 1985. 216 с.
15. *Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Камч. печ. двор, 1999. 288 с. : ил.
16. *Эйдельман Н.* Что там, за морем-океаном? М. : Малыш, 1984. 28 с.

В. А. Евдокимов СЛОВО О РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Давно это было, миновало много лет. И они настолько изменили Амчагачу, что в неё не стала заходить летняя нерка. А ведь заходила, и шла рунным ходом. И её запросто можно было поймать самодельной закидушкой.

Я рождён в Усть-Большерецке и всё это видел. И первая рыбка, которую взял в руки, была такая нерка, светлая, серебристая.

Только вот та, которую мне тогда дали взрослые ребята, оказалась без головы. Так варварски они с ней обошлись, убивая её. Мои родители, увидев такой подарок, оценили его непригодным для еды.

А я подумал: почему же она не пригодна, если её только что поймали.

Было мне года четыре. И, может быть, это была первая в моей детской голове осознанная мысль, самостоятельное умозаключение. Поэтому и помнится.

Многое из того, что написано мной, о детстве. Книга «Походы за околицу», повесть «Отчий дом», немало рассказов, вошедших в другие книги.

По определению известного российского писателя Ивана Васильева, детство – это страна сокровищ. Поэтому литературное творчество часто заставляет совершать туда путешествия и находить там свои драгоценные камушки.

А ещё в этой чудесной стране есть, и у каждого своя, речка детства. Необыкновенная, сказочная, незабываемая. Для меня такой речкой, слившись воедино, стали Амчагача, Плотникова и Быстрая. Такой вот получился крепко спаянный сплав. И как о ней, таким образом сработанной, не сказать доброе, душевное слово.

*Речка детства, речка детства,
Как светла твоя вода.
Но с тобою по соседству
Не дано нам быть всегда.*

*Мы о подвигах мечтаем,
Рвёмся в новые места.
И как птицы улетаем
Из родимого гнезда.*

*Но когда нам сердце студит
Жизнь в далёкой стороне,
Ты, как сказочное чудо,
Нам являешься во сне.*

*И течёшь ты, как и прежде,
Перекатами звеня...
И живёшь одной надеждой –
Встретить нас – день изо дня.*

*Меры нет, как мир чудесен,
За разлуку не суди.
Но нет чудесней твоих песен,
Хоть всю землю обойди.*

Много лет я был дружен с Карташевыми Владимиром и Ниной. Помнятся рассказы Нины о том, как они, малышня ещё, катались на бату по затопленным тальникам. Амчагача-то в половодье бурная, страшно сунуться, а по тальникам – раздолье. Вот такой была для них речка детства.

А Николай Подольский такой речкой называл свою Змейку, что течёт в Запорожье, где проходили его детские годы. С каким душевным трепетом обо всём этом говорилось!

А меня, моих ровесников, влекла Амчагача.

*Нас учила речка Амчагача:
Сделал шаг, держись, не отступай.
Без вины обижен, давай сдачи,
А в беде товарищ – выручай.*

*Нас водили тайные дорожки,
Завсегда участвуя в игре.
Что вкуснее может быть картошки,
Испечённой только что в костре.*

*Детские забавы и проказы
Ещё помнят эти берега.
Головою вниз, как в омут, разом
Мы ныряли в белые снега.*

*Зимы шли, сугробы наметая,
Осени стелили листьеев медь.
Словно в детский сад нас собирая,
Как ты помогала нам взростеть!*

*Речка детства – уголочек рая!
От тебя по жизни все пути.
Близкая, домашняя, родная
Лучше и на Марсе не найти.*

Подрастали, выросли, и встречи с рекой детства становились иными.

*Не решается задача
И не сходится ответ.
Амчагача, Амчагача,
Ты течёшь из детских лет.*

*На бату иду рыбачить,
Туман гуще молока.
Амчагача, Амчагача,
Берёт оторопь слегка.*

*Чайки весело судачат,
Гомонят наперебой.
Амчагача, Амчагача,
Что пророчат нам с тобой?*

*Неудачу иль удачу
Что сулят ещё года?
Амчагача, Амчагача,
Твоя тёмная вода.*

*О тебе нельзя иначе,
Как дыханье затая,
Амчагача, Амчагача,
И любовь, и жизнь моя.*

А ещё рифмованной строкой о своей любимой реке сказал я к 90-летию Усть-Большерецкого района.

*Встаёт заря над Амчагачей,
День обещает ясным быть,
Как рядом с ней прожить иначе,
Чтоб навсегда не полюбить.*

*Окинуть стоит только взглядом,
Поёт восторженно душа.
Она в любых своих нарядах,
Словно невеста, хороша.*

*Шагаю берегом устало,
Где детство прыгало моё.
Светло завидую увалам,
Обнявшим ласково её.*

*Мне не изведать горше муки,
Когда с ней встреча далека.
Моя печаль в часы разлуки,
Как её воды глубока.*

На эти слова директором Николаевской школы искусств Николаем Ивановичем Ининым написана музыка. Как это звучит в чём-либо исполнении, не слышал. А хотелось бы.

Так сложилось, что жить и работать мне довелось в четырёх районах Камчатки. В самых северных – Карагинском и Пенжинском и в самых южных – Усть-Большерецком и Елизовском. Они очень разные. И эти контрасты, конечно же, стимулировали литературное творчество, хотелось говорить обо всём этом в своих рассказах.

К тому же я ещё рыболов и охотник. А эти увлечения ведут тебя на природу, в селе не засидишься. И где бы я ни жил, обследовал всю округу.

*Исходил свою Камчатку
Без тропинок и дорог.
Ни одну сменил палатку,
Износил уйму сапог.*

Бывая в школах, библиотеках, беседуя с детьми, я всегда наставляю их таким образом знакомиться с природой, глубоко познавать её. Ведь нельзя полюбить то, чего не знаешь.

В моих книгах есть названия многих рек, сказано какие они, что отличает их друг от друга. Пенжина, Белая, Окпан – северные. Шефская, Ушатина, Горбушкина, Хомутина – реки юга. И у каждой своя особенка.

Возьмём для примера Авачу. Лёд на ней держится только в крепкие морозы. А чуть потеплело, она тут же его съедает.

А на северных реках всё по-другому. С тундры весь снег сойдёт, скатится талой водой в пойму, а река во льду. Лёд ждёт половодья. Поэтому и ледоход там – зрелище! В Каменском, например, будь то днём или ночью, многие жители выходили посмотреть природное кино.

Есть в ледяном покрове северных рек, толщина которого достигает полтора метра и более, такое, чего глазом не увидишь. Удивительное явление! Такой лёд перед ледоходом издаёт звуки, будто говоря о том, что вот-вот ему быть. И звучит это, как песня. Я слушал такие песни не один раз. И они помогли мне написать рассказ «Поющий лёд».

И ещё с одним интересным явлением встретился я на севере. Представлено оно в рассказе «Подснежная рыбалка». Есть небольшая речушка вблизи Оссоры, которая проводит зиму не под покровом льда, а под толстым слоем снега. Лёд, конечно, бывает, но жизнь его очень коротка. Стоит лечь на него снегу, как своенравная речушка растопит

непрочный ледок, и дремлет всю зиму под снежным покрывалом. Так, видимо, ей теплее и удобнее.

А если добавить ко всему ещё и наши вечно ворчливые вулканы, то иначе, как чудом природы, наш край не назовёшь.

*Я люблю эту землю,
Что Камчаткой зовём.
Здесь вулканы не дремлют,
А мы рядом живём.*

*Здесь пурга ревёт зверем
У окон и крыльца.
И надежду и веру
Люто студит в сердцах.*

*И частенько пугая,
И сводя нас с ума,
Злая качка земная
Сотрясает дома.*

*Но не любим мы ахать
И вести бедам счёт.
Пусть погода не сахар,
Да и жизнь здесь не мёд.*

*Всё душою приемлю,
Всё на свете прощу.
Я люблю эту землю
И другой не ищу.*

В Усть-Большерецком районе я прожил в общем итоге более пятидесяти лет. Почему в общем? Потому что уезжал и возвращался снова. Поэтому основной рекой моей жизни стала река Большая. «Словом...» о ней и завершу своё выступление.

*Над тобой лебединые стаи
В синеве проплывают, трубя.
И хотя ты не очень большая,
Но Большой называют тебя.*

*Где истоки названья такого,
Из какой прорастают дали?
А быть может, всё проще простого,
Так случайно тебя нарекли?*

*Там, в тумане столетий, когда-то,
Захмелевшая в день штормовой.
Камчадальскому вёрткому бату
Показалась ты очень большой.*

*Кыкша-ай (большерецкие значит)
Предки здесь проживавших племён.
Что искать подтвержденья удачней,
Ты Большая с тех давних времён.*

*Одарила судьба тебя счастьем.
И тот факт не пропал без следа,
Что ты первой из всех рек камчатских
Принимала морские суда.*

*И пусть время неспешно струится,
Как метель из сыпучих снегов.
Верю, что иногда тебе снится
Витус Беринг, «Фортуна» его.*

*Ты не можешь с Камчаткой сравниться,
Тебе с Пенжиной вровень не стать.
Им доводишься младшей сестрицей.
Но зато свой характер и стать.*

*Не числом километров большая,
Не измерить всё этим одним.
Для тебя ближе мера другая.
Велика ты богатством своим.*

*Многих рек на Камчатке ты краше
(Похвале возражать не спеши),
Ты кормилица вечная наша
И отрада рыбацкой души.*

*Тебе выпала доля какая!
И тут мало сказать – повезло.
Ведь в название этого края
Твоё имя корнями вросло.*

*Сколько лет я тобою люблюсь!
Эти строки с любовью пишу.
К тебе с радостью в пору люблю,
Как на первую встречу спешу.*

*Расставались, случалось надолго.
Я во многих краях побывал.
Для меня ты и Каспий, и Волга,
И священное море Байкал.*

*А когда приезжал издалёка,
Среди ночи иль белого дня.
Ты встречала всегда без упрёка
С материнским терпеньем меня.*

*Что должно – неизбежно случится,
Только видеть тебя я хочу
И тогда, когда белою птицей
В синеве над тобой полечу.*

М. Я. Жилин ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

***(из истории создания геотермальной станции на Паужетке –
первенце геотермальной энергетики в России)***

Вопрос о возможности и целесообразности использования подземных горячих вод и пара на Камчатке в теплоэнергетических целях впервые был поставлен в 1948 году инженером А. А. Гавронским в письме, направленном в Правительство СССР. Его предложение по рекомендации Госплана было рассмотрено в Академии наук СССР. По её решению Лаборатория вулканологии АН СССР направила в 1955 году на Паужетку геотермальную экспедицию (начальник А. Е. Святловский, гидрогеологи В. В. Иванов, А. С. Нехорошев), которая собрала необходимые материалы для начала здесь буровых работ [1].

Район горной реки Паужетки в южной части полуострова издавна известен горячими ключами. Посетивший их в марте 1738 года первый исследователь Камчатки С. П. Крашенинников писал: «Ключи бьют во многих местах, как фонтаны, по большей части с великим шумом, в высоту на один и на полтора фута. Некоторые стоят, как озёра, в великих ямах, а из них текут маленькие ручейки, которые, соединяясь друг с другом, всю помянутую площадь, как на острова, разделяют, и нарочитыми речками впадают в означенную Пауджу» [2].

В марте 1956 года в Москве состоялось первое Всесоюзное геотермальное совещание. По предложению учёных Совет Министров СССР принял специальное решение (№ 3816-р от 21.06.56) о проведении на Паужетских горячих источниках глубокого бурения и комплексных геотермальных исследований с целью строительства первой в СССР опытно-промышленной электростанции на подземном тепле.

«Выбор Паужетских источников в качестве первоочередного объекта для строительства такой электростанции был сделан по следующим соображениям. Во-первых, Паужетские источники, впервые обследованные в середине XVIII в. С. П. Крашенинниковым, обладают большим дебитом и выделяют большое количество пара, действуют непрерывно и не снижают своей активности. Во-вторых, по сравнению с другими кипящими источниками Камчатки, они находятся в относительно легко доступной местности. Наконец, в-третьих, всего в 30 км от источников находится один из самых крупных и перспективных на западном побережье Камчатки Озерновский рыбокомбинат, который будет потребителем как электроэнергии, так и «отработанных» термальных вод для нужд теплофикации» [3].

Подготовка к буровым работам, а впоследствии и всё разведочное бурение проводились работниками Камчатского райГРУ, которое позже было преобразовано в Камчатское геологическое управление.

Для выполнения комплекса геолого-гидрогеологических исследований Лабораторией вулканологии АН СССР была создана на Паужетке контрольно-наблюдательная геотермическая станция (позднее геотермальная экспедиция). Возглавлял её член-корреспондент АН СССР, доктор геолого-минералогических наук Б. И. Пийп. Гидрогеологические исследования проводились под руководством В. В. Аверьева (1957–1960) и В. М. Сугрובה (1960–1965). С именами этих учёных связано строительство первой в стране электростанции на подземном тепле и развитии геотермии на Камчатке.

Валерий Викторович Аверьев (1929–1968) родился и вырос в Москве. В 1953 г. с отличием окончил геологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Первые три года (1953–1956) он совмещал учёбу в аспирантуре при кафедре гидрогеологии МГУ с работой научным сотрудником Центрального института курортологии и физиотерапии. В 1954 году впервые приехал на Камчатку, изучая Налычевские и другие термальные источники. С этого времени Камчатка навсегда вошла в его жизнь.

В 1957 году В. В. Аверьев был приглашён Лабораторией вулканологии АН СССР на Паужетскую контрольно-наблюдательную станцию, где возглавил гидрогеологические исследования [4]. Молодому учёному в буквальном смысле пришлось прокладывать первые тропы не только по нехоженой земле, но и в новом направлении науки – геотермических исследованиях.

Освоение тепловой энергии недр Земли в те годы было молодой отраслью в нашей стране. Ни у буровиков, ни у гидрогеологов, ни у научных сотрудников контрольно-наблюдательной станции не было опыта ведения специфических работ по разведке высокотемпературных (более 200°C) вод и пара. В этот период ярко проявились способности Валерия Аверьева. Молодой, энергичный, обладающий широким кругом знаний, он не только сам быстро находил решение сложных вопросов, но и су-

мел сплотить коллектив энтузиастов, одержимых исследованиями подземных горячих вод.

Буровики высадились на Паужетку осенью 1956 года, а летом 1957-го встречали «академиков», как стали они называть научных сотрудников контрольно-наблюдательной станции. На термальной лужайке вырос палаточный городок.

Летом и осенью «академики» вели замеры параметров естественных выходов горячей воды и пара. Они корректировались наблюдениями в зимнее и весеннее время. В. В. Аверьев и В. Г. Ренне выполнили термометрическую съёмку масштаба 1:1000. В результате была оконтурена термальная площадь и на карте выделены участки с температурой от 20 до 100°C. Было определено теплосодержание пароводяной смеси кипящего источника Парящего–1 (150 ккал/кг). Всё говорило о существовании в недрах Паужетки высокотемпературных вод и пара.

Первоначально по проекту предполагали пробурить две глубокие скважины по 500 м каждая. Считали, что их дебит будет достаточен для работы электростанции мощностью пять тысяч киловатт. Проходку скважин решено было проводить роторным бурением. Почему роторным, а не колонковым, более дешёвым? Среди буровиков существовало мнение, что при колонковом бурении давление пароводяной смеси может выбрасывать снаряд из скважины и вызывать аварию. Роторное бурение дороже, но при благоприятном результате скважины сразу можно использовать как эксплуатационные. Для них была разработана и аварийная аппаратура на случай выброса пара и газа.

Из-за трудностей в доставке оборудования буровые работы начались в марте 1958 года. «При проектировании незнакомых ранее в стране геологоразведочных изысканий геологи и „академики“ руководствовались скудной переводной литературой с описанием подобных работ, осуществляемых в то время в Новой Зеландии, Италии, Исландии, – вспоминал В. М. Дудченко, начальник Паужетской гидрогеологической партии. – Поскольку в 50-х годах ещё не было высококвалифицированных переводчиков с английского на русский, не было сделано правильного перевода, с учётом профессионального описания нового вида геологоразведочных работ. Так, специфические слова „выброс пароводяной смеси“ были переведены как „взрыв“. И когда буровая скважина углубляясь, впервые встретила трещинные перегретые воды, произошёл почти комический случай. На мостах буровой собрались рабочие-буровики, геологи и „академики“. Когда же после самоизлива горячей воды неожиданно произошёл выброс пароводяной смеси, и вся буровая на высоту нескольких десятков метров окуталась паром, люди дружно побежали вниз по мосткам, подальше от „взбесившейся“ скважины» [5].

Но вот пар пошёл на сепаратор, в котором было создано противодавление в 15 атмосфер. Скважина была укрощена. И буровые работы продолжались.

К середине сентября 1958 года скважина достигла глубины 500 метров. Однако пароводяной смеси оказалось меньше, чем предполагали. Стали бурить глубже. Считали, что с глубиной запасы горячей воды и пара увеличиваются. Пробурили до 800 метров – пара стало ещё меньше. Кроме того, в стволе периодически падало давление. Скважина работала в прерывистом, гейзерном режиме. Производительность её не выходила из рамок средней.

Хотя по мощности скважина не принесла ожидаемых результатов, полученные данные многое прояснили. На глубине 120–300 метров были вскрыты воды с температурой 171°C, а на глубине 400 метров зафиксирована температура 183°C. Таким образом, была подтверждена прогнозная оценка формирования здесь высокотемпературных подземных вод, сделанная В. В. Аверьевым и К. П. Флоренским.

Стало ясно, что для получения достаточного для работы электростанции теплоносителя потребуется бурение дополнительных поисково-разведочных скважин на большей площади. Было решено вместо стационарной дорогостоящей и громоздкой роторной установки использовать для бурения лёгкие в перемещении колонковые станки.

В 1959 году буровой мастер Владимир Крещеновский пробурил первую колонковую скважину. Она дала пароводяной смеси больше, чем глубокая роторная. Так появились новые данные о сложных подземных путях горячей воды.

«В. В. Аверьев предложил сетку скважин колонкового бурения, – вспоминал Владимир Белоусов, младший научный сотрудник Института вулканологии, работавший на Паужетке. – Первый ряд скважин должен был проходить у самой террасы, второй – западнее, по краю термальной площадки.

Тут же, почти на ходу, решили менять первоначальный план. Советание руководителей буровиков и „академиков” запросило разрешения у Камчатского райГРУ не придерживаться старого плана, а идти на сгущение скважин в местах наибольшего дебита месторождения. А такие места по прогнозам академиков уже были известны».

С середины 1959 года и до окончания разведки месторождения бурение скважин осуществлялось колонковыми буровыми станками. Они ускорили вскрытие основных зон притока горячей воды и пара до глубины 500 метров. А скважина К-4 оказалась самой продуктивной.

В начале работ у гидрогеологов не было опыта по определению основных параметров скважин – дебита (производительности), качества пароводяной смеси (теплосодержания) и других. Они использовали разработки исследователей Новой Зеландии. В дальнейшем для определения гидрогеологических параметров скважин – дебита, удельного дебита, теплосодержания, химического и газового состава воды, В. В. Аверьевым была разработана и применена специальная методика опробования скважин.

В середине 1960 года В. В. Аверьева сменил на Паужетке В. М. Сугробов.

– Валерий Аверьев три года отработал на Камчатке, ему предстоял трудовой отпуск, – вспоминал Виктор Михайлович. – Требовался специалист, который знает гидрогеологию. После окончания в 1956 г. Московского геологоразведочного института я работал в Лаборатории гидрогеологических проблем АН СССР. Занимался исследованием подземных вод в междуречье Оби – Иртыша. Имел научные публикации. Жена Нина Георгиевна тоже гидрогеолог. Нас уговорила поехать на Камчатку Софья Ивановна Набоко. Так в середине июня 1960 года мы с женой и трёхлетней дочкой оказались на Паужетке.

Валерий Викторович Аверьев познакомил меня с месторождением, расположением скважин, данными исследований, с коллективом буровиков и сотрудниками станции. Вот каким был состав Паужетской контрольно-наблюдательной станции: начальник станции – член-корреспондент АН СССР Б. И. Пийп, помощник начальника станции по административно-хозяйственной части М. П. Флоренский, младший научный сотрудник, начальник отряда гидрогеолог В. В. Аверьев, с июня 1960 года – В. М. Сугробов; младшие научные сотрудники: химик А. Н. Разживина, инженер-энергетик А. А. Гавронский, геолог В. И. Белоусов, сейсмолог М. В. Одегова, гидрогеолог Н. Г. Сугрובה (с июня 1960 года); старшие лаборанты Т. В. Ренне, В. Г. Ренне; лаборанты В. П. Ашихин, В. И. Сабуров, Г. Н. Аверьева, Е. И. Флоренская. Позднее в штат станции были включены геолог Г. А. Карпов, лаборанты А. А. Заборский, А. Л. Самойленко, С. Карпова, Т. В. Миндлина.

«На следующий день после отъезда В. В. Аверьева мне пришлось уже практически заняться первым для меня гидрогеологическим опробованием пароводяной скважины. Это была восьмая по счёту из пробурённых на тот момент скважин. Хотя она характеризовалась устойчивым режимом с небольшой производительностью, однако измерить расход скважины в диапазоне низких давлений не удавалось. Написанная Аверьевым методика опробования скважин и предложения опытных специалистов А. А. Гавронского и В. Г. Ренне подсказали необходимое решение. На устье скважины установили оголовок-крестовину из труб диаметром 200 мм вместо 100 мм для уменьшения гидравлического сопротивления. И всё получилось», – вспоминал В. М. Сугробов.

В разгар этих работ на Паужетке побывала экспертная комиссия: Б. И. Пийп, С. И. Набоко (Лаборатория вулканологии АН СССР), Ф. А. Макаренко (Лаборатория Гидрогеологических проблем АН СССР), Н. А. Огильви (ВСЕГИНГЕО) и Б. М. Выморков (Теплоэлектропроект), будущий главный инженер проекта Паужетской геотермальной электростанции. Они порекомендовали сосредоточить новые скважины на площади двух выявленных трещинных зон северо-восточного направления, с которыми связаны и естественные источники.

Одновременно с исследованием скважин и естественных термопроявлений сотрудники станции проводили работы по изучению геологии и геотермии района в целом, как для познания условия формирования месторождения, так и для выявления новых перспективных участков геотермальных объектов.

Геолог В. И. Белоусов провёл в 1960–1961 годах маршрутные исследования к востоку от Курильского озера до бухты Вестник, результаты которых использованы при составлении схемы геологического строения Паужетского месторождения.

«Ещё перед своим отъездом В. В. Аверьев порекомендовал мне ближе познакомиться с соседними вулканами Кошелева и Камбальным, – вспоминал В. М. Сугробов. – Горячие источники Паужетки наверняка связаны с ними, отмечал он в беседе».

В мае 1961 года В. М. Сугробов с В. И. Белоусовым и каюром А. Тимошкиным на собачьей упряжке пробрались по склонам вулкана Кошелева к термальному полю парогазовых струй. В одном из выходов пара была измерена температура в 124°C, свидетельствующая о перегретом состоянии пара. По визуальной оценке, вынос тепла на этом поле значительно превышал мощность Паужетки.

Летом 1961 года вместе с приехавшим на полевые работы В. В. Аверьевым (он защитил кандидатскую диссертацию и стал учёным секретарём Лаборатории вулканологии) В. М. Сугробов и новый сотрудник станции геолог Г. А. Карпов совершили поход к Нижне-Кошелевским и Сивучинским источникам. Дальнейшие исследования подтвердили, что геотермальные месторождения связаны с очагами вулканов.

К концу 1961 года суммарный расход пароводяной смеси скважин на Паужетке превысил 150 кг в секунду. Начался завершающий этап интенсивной разведки, бурились две последние скважины: 20-я и 21-я.

В июле Паужетку посетил академик М. А. Лаврентьев в сопровождении Б. И. Пийпа и других представителей Сибирского отделения АН СССР. Отныне основной задачей стала оценка эксплуатационных запасов. По предложению В. М. Сугробова был проведён опытно-эксплуатационный выпуск пароводяной смеси (опытной эксплуатации) в течение года. Были задействованы десять наиболее продуктивных скважин, в которых каждый месяц измерялись их параметры. При этом проводились наблюдения за режимом термальных вод.

– Пожалуй, этот период на Паужетке был самым ответственным и напряжённым, – вспоминал В. М. Сугробов. – Чтобы уложиться в срок, наши инженеры В. Г. Ренне, А. А. Гавронский сконструировали в мастерских дополнительные измерительные устройства: передвижные циклонный и объёмный сепараторы, калориметры для замера дебита и качества пароводяной смеси, вспомогательные устройства для взятия проб. В режимных наблюдениях за естественными источниками лаборант А. Л. Самойленко и гидрогеолог Н. Г. Сугробова предложили использовать самописец уровня воды «Валдай».

В 1962 году одновременно с гидрогеологическими исследованиями Г. А. Карпов успешно проводил эксперименты в скважинах по изучению физико-химических условий кристаллизации гидротермальных минералов и изменению пород под воздействием высоких температур.

В октябре 1962 года в Петропавловске-Камчатском был создан Институт вулканологии Сибирского отделения АН СССР. Паужетская контрольно-наблюдательная станция была реорганизована в Геотермальную экспедицию (начальник В. М. Сугробов). Она вошла в состав Лаборатории гидрогеологии и геотермии, руководителем которой был назначен В. В. Аверьев.

В августе 1963 года закончилась опытная эксплуатация скважин, и в этом же году утверждены эксплуатационные запасы (124 кг в секунду пароводяной смеси при давлении 0,8 атмосфер и среднем теплосодержании 710 кДж/кг). Авторы работ – В. В. Аверьев, Ю. А. Краевой, В. М. Сугробов. Их исследования стали базовой основой для строительства геотермальной электростанции мощностью пять тысяч киловатт.

В августе 1966 года состоялся пуск первой турбины станции. В 1967 году первая в нашей стране опытно-промышленная электростанция вышла на проектную мощность – пять тысяч киловатт.

Ныне мощность геотермальной станции на Паужетке составляет 11 тысяч киловатт. Она снабжает электроэнергией посёлки на юге Камчатки – Озерновский, Запорожье и действующие там рыбные предприятия, а также посёлок Паужетку, где термальная вода используется для теплоснабжения жилых и производственных помещений.

1. Паужетские горячие воды на Камчатке. М. : Наука, 1965. С. 5.
2. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.–Л. : Изд-во Главсевморпути, 1949. С. 212.
3. Паужетские горячие воды на Камчатке... С. 3–4.
4. Вулканология и сейсмология. 2009. № 5. С. 78–79.
5. Белоусов В. Это начиналось так // Камчатская правда. 1963.

Т. С. Зайковская
УСТЬ-БОЛЬШЕРЕЦКИЙ РАЙОН В ГОДЫ ВОЙНЫ
(по материалам газетных публикаций)

В 2007 году участники туристского клуба «Альтаир» при Камчатском краевом доме детского и юношеского туризма создали при петропавловской средней школе № 41 школьный краеведческий музей. Одними из главных разделов музейной экспозиции являются «Камчатка в годы войны» и «Курильский десант». Среди экспонатов есть и вырезки из камчатских газет 1941–1945 годов.

Работа над музейной экспозицией подтолкнула к созданию сборника газетных материалов, посвящённых военному периоду в Камчатской области. Это заняло больше десяти лет.

И, наконец, в 2020 году – году 75-летия Победы – увидел свет составленный мной и моим мужем, журналистом Александром Петровым, сборник «Камчатка. 1941–1945. Военные годы в газетной строке». В него вошли выбранные публикации камчатской периодической печати военных лет, которые позволили воссоздать картину жизни камчатцев в эти годы.

Остановимся на публикациях, которые касаются жизни Усть-Большерецкого района в годы Великой Отечественной и советско-японской войн.

Вплоть до послевоенного периода в район входили и те земли, которые сейчас относятся к Соболевскому району – от Пымты до Ичи. Я ограничусь рассказом о том, что происходило на нынешней территории замечательного Усть-Большерецкого района.

В сборник вошли материалы об уже не существующих на районной земле сёлах и посёлках – Кихчика, Отрадного, Опалы и других, и они здесь будут упомянуты.

Большинство наших краеведов для своих исследований пользуются общедоступной подшивкой «Камчатской правды» 1941–1944 годов. Газеты победного года, принадлежавшие фондам краевой научной библиотеки имени Крашенинникова, к сожалению, были утрачены.

На территории Усть-Большерецкого района выходила (и выходит до сих пор) районная газета «Ударник». Кроме этого, на принадлежавших Акционерному Камчатскому обществу (АКО) рыбокомбинатах ещё с 1935 года выходили собственные многотиражные газеты. С сохранившимися номерами этих газет мы тоже работали. На Кихчикском рыбокомбинате выходила газета «Путь Сталина», на Большерецком комбинате – «Большерецкий рыбак», на Озерновском комбинате – «За большевистскую путину».

Хотя период, о котором идёт речь, относится к военным годам, выбранные для сборника публикации касаются не только трудового фронта, помощи фронту и писем на Камчатку с фронта. Несмотря на войну, жизнь шла своим чередом: школьники учились, сдавали экзамены, шли концерты, охотники уходили в хребты, предприятия начинали производить новую продукцию. В местных клубах ставились пьесы, действовали медицинские учреждения, учреждения коммунальной сферы, сельского хозяйства, культуры. Труппа Камчатского драматического театра гастролировала по рыбокомбинатам – в том числе и западного побережья. Изобретатели и рационализаторы на производстве придумывали новые устройства, которые позволяли увеличивать производительность труда и повышать качество продукции.

Нам очень дорого то, что после выхода нашего сборника в свет, многие старожилы нашли на его страницах материалы о своих родствен-

никах, отцах, матерях, дедушках, бабушках. Расскажу лишь об одном случае. Коренной житель Усть-Большерецкого района Вадим Георгиевич Коллегов (к сожалению, недавно умерший) встретил в сборнике заметки о своём отце – знатном охотнике из села Кавалерского. Он рассказал об этом в видеоинтервью, которое демонстрировалось на презентации в краевой научной библиотеке.

Ниже будут цитироваться и газетные материалы, оставшиеся за рамками сборника.

1941 год. Газетные строки сообщали, как жители Усть-Большерецкого района трудились на благо победы. Об этом говорят заголовки публикации: «200–250 процентов нормы», «Высокопроизводительный труд», «Пионеры и школьники помогли колхозам» и др.

«Замечательные образцы стахановской работы показывает бригада плотников-кунгасников Митогинского комбината (бригадир Радиевский). Норму выработки бригада выполняет на 200–250 процентов, даёт хорошее качество работы!» – писал А. Акшинский [1].

Не отставали от взрослых и школьники: «Пионеры и школьники районного центра, хорошо отдохнув в пионерских лагерях, два дня работали на колхозных полях сёл Апачи и Ленино. Они выполняли прополочные работы и окучивали картофель. Работало 35 человек. 12 пионеров и школьников работало на уборке сена» [2].

Заработанные средства трудящиеся Озерной и других поселков, переводили в фонд обороны Родины. М. Овсянников сообщал: «На втором Всесоюзном комсомольском воскреснике в Озерной работали все трудящиеся: комсомольцы, несоюзная молодёжь, рабочие и служащие комбината. Заработанные более 7 тысяч руб. перечислены в фонд обороны Родины» [3].

Население района приняло участие в акциях по сбору вещей для армии. Об этом писала газета «Ударник»: «Повсеместно продолжается массовый сбор тёплой одежды, обуви и белья для нашей доблестной Красной Армии. Высок патриотизм трудящихся районного центра! На сборный пункт непрерывно идут жители села. Они приносят для славных героев полушубки, сапоги, шапки-ушанки, тёплые брюки, фуфайки и другие тёплые вещи, так нужные бойцам в суровую русскую зиму... Пенсионер Прянищев Тимофей Семёнович принёс ватные брюки. Он заявил: „Это предварительный мой подарок, я ещё принесу. Я отдам всё, что смогу и что будет полезно для любимой Красной Армии. Мне уже 64 года. Я знаю, что такое война. Пусть наша тёплая одежда согревает наших красноармейцев, героически сражающихся с немецким фашизмом”» [4].

Несмотря на начавшуюся войну, в 1941 году в районе выполнялась оздоровительная летняя программа. Об этом поведала районная газета «Ударник»: «На горячих ключах Озерной организованы пионерские лагеря. В лагерях уже побывало 29 лучших пионеров и школьников. С 25 июля в этих лагерях проведёт отдых вторая партия детей в количестве 25 человек» [5].

В районе в трудный первый военный год открывались новые производства: «Широко развернулось предоктябрьское социалистическое соревнование среди рабочих и служащих Усть-Большерецкого рыбокооп. Коллектив энергично борется за выполнение взятых обязательств, в частности, выполнить план заготовок местных продуктов на 200 процентов, построить и сдать в эксплуатацию колбасную мастерскую, кондитерский цех и ряд других обязательств» [6]. Изобретатели вели испытания и эксперименты по созданию необходимых товаров из нетрадиционных материалов: «В Кихчике закончились экспериментальные работы по изготовлению каната из технического сена. Испытания дали положительные результаты. На разрыв канат выдерживает нагрузку в 502 килограмма» [7].

Особенное внимание в газетных материалах 1941 года было уделено перечислению собственных средств населения на нужды фронта, на строительство танков и самолётов: «Члены Большерецкой рыболовецкой артели-миллионера имени XVIII партсъезда, обсудив доклад тов. Сталина, решили на свои собственные средства построить танк. Колхозники вносят крупные суммы в фонд строительства танка. Уже перечислено 100 тысяч рублей» [8].

1942 год. Второй год войны. «Камчатская правда» писала о заготовках местного топлива для Кихчикского комбината: «...В текущем году в Кихчике на торфяном промысле выявились стахановцы, которые вырезают до 11.500 шт. кирпича за смену (норма 2.660 шт.). Резчик Вешняков выполняет норму на 250–300 проц., Моисеев – до 300 проц. Неплохо работают резчиками женщины. Резчицы Потешкина, Шерманова выполняют нормы по 200 проц. Хорошо трудятся молодые торфяники Будников и Железняков, они выполняют нормы выработки по резке и выброске до 300 проц.» [9].

Женщины района ударно трудились на подготовке орудий лова, об этом писала газета «Ударник»: «Женщины Озерновского комбината высокопроизводительным трудом помогают Красной Армии в борьбе с фашистскими захватчиками. Многие из них сейчас работают за двоих, за троих, давая высокое качество продукции» [10].

На посевных работах также заняты в основном женщины, ведь многие мужчины были призваны в армию. Из Большерецка по телеграфу в «Камчатскую правду» было передано сообщение: «В колхозе им. Рябикова на посевных работах в большинстве своём были заняты женщины. Полевод тов. Бурдилов так организовал их работу, что женщины показывали стахановские методы труда при высоком качестве посевов...» [11].

Апачинские колхозницы отвечали на призывы советского руководства конкретными делами: «На прополочных работах первенство в соревновании держит комсомольско-молодёжное звено Тани Белявской. Это звено ежедневно перевыполняет задание в полтора-два раза» [12].

На комбинатах Усть-Большерецкого района продолжалось создание новых производств, в том числе таких необычных, как изготовление де-

ревянных обручей для бочек с рыбной продукцией: «Сейчас, когда надо экономить каждый килограмм железа, использование деревянных обручей для бочек при тарировке рыбной продукции приобретает исключительно важное значение. Особенно широко надо применять деревянные обручи для бочек у нас, на Камчатке, так как мы не должны ждать завоза железа с материка... Директор Ичинского комбината тов. Исалдин решил совершенно не применять деревянных обручей, и здесь их не изготавливают.

Опыт Кихчика должен быть перенят всеми комбинатами и рыбообрабатывающими базами Камчатки. Это даст большую экономию железа, столь нужного сейчас для фронта» [13].

Руководство консервных заводов искало новые возможности для изготовления продуктов питания: «В прошлом году директор консервного завода комбината имени Микояна тов. Мосейчук и главный инженер тов. Евдокимов проявили хорошую инициативу по сбору рыбных головок. Ими были засолены десятки бочек. Зимой рабочие в столовых получали доброкачественные блюда, изготовленные из головок...» Эти работы зачастую выполняют подростки-школьники: «В путину текущего года с первых дней работы консервного завода на сбор головок была поставлена специальная бригада подростков под руководством служащего тов. Владимирова...» [14].

Охота – традиционный вид природопользования камчатцев, и в годы войны она приобрела особое значение. Охотники добывали зверя для питания: «Колхозники-охотники с. Кавалерское Большерецкого района тт. Коллегов, Антонов, Селиванов каждый год снабжают рабочих рыбокомбинатов свежим медвежьим мясом» [15]. А пушнина шла на производство теплой одежды для армии: «Знатный 85-летний охотник колхоза им. Рябикова (с. Апача) тов. Паутов в октябре сдал на приёмный пункт 4 выдры, 3 лисицы. Этим он выполнил 60 процентов своего годового плана...» [16].

Необходимость изыскивать внутренние ресурсы в военные годы активизировала творческую инициативу трудящихся. Об этом тоже сообщали газеты. Е. Бергольцев писал на страницах главной газеты полуострова: «Активист-рационализатор заведующий механической мастерской тов. Крышин сконструировал оригинальный станок для выработки гвоздей из отходов железа. Станок выпускает в сутки 30 килограммов качественных гвоздей. Этими гвоздями затарировано 30 тысяч ящиков консервов, проведён ремонт всех помещений и строятся 3 новых жилых здания.

Замечательные рационализаторские мероприятия осуществили механик тов. Проценко и слесарь тов. Многосмыслов. Они переоборудовали трактор, работавший на керосине, на газогенераторную систему. На комбинате полностью освоено и с успехом применяется изготовление шарико-роликовых подшипников для плавсредств и тракторов.

Освоено бронзовое литьё из отходов железного лома и стружки. По предложению заместителя директора комбината тов. Лагерева из стальных отходов начали выделывать подпилки, в которых комбинат испытывал острую нужду» [17].

Газетные материалы 1943 года рассказывали о скоростном методе пошивки неводов, о продолжении сбора средств на строительство танковой колонны «Камчатский рыбак», об отправке посылок с теплой одеждой и подарками на фронт, о творческих удачах драмколлектива Усть-Большерецкого клуба и гастролях областного театра в районе, о помощи семьям военнослужащих, об ударном труде рыболовецких бригад, о новостях посевной кампании, об изготовлении на рыбосушильных заводах пищевых концентратов из рыбы для фронта, об ударной работе рыбоконсервных заводов и др.

Не замерла и культурная жизнь в военные годы. Е. Бергольцев сообщил: «С большим успехом проходят спектакли Камчатского областного драмтеатра по рыбокомбинатам Западного побережья. Артисты уже побывали в Ичинском, Пымтинском, Кихчинском и им. Кирова комбинатах. Сейчас они выступают в районном центре, затем посетят Большерецкий, Озерновский и им. Микояна комбинаты.

Трудящиеся комбината им. Кирова в своём отзыве о работе театра пишут: „Ваши спектакли, дорогие товарищи, показали нам героизм русских людей. Образы героев вдохновляют нас на самоотверженный труд в тылу, на неустанную помощь фронту”» [18].

Из Озерной по радио в «Камчатскую правду» было передано сообщение: «Драматический кружок клуба Озерновского рыбокомбината недавно поставил пьесу „Любовь Яровая”. Собранные от постановки 2.000 руб., а также ранее собранные 1.000 руб. от проведения вечеров художественной самодеятельности, правление клуба перевело на счёт обкома союза рыбаков для оказания помощи инвалидам Отечественной войны» [19].

Публикации в газетах 1944 года по тематике не сильно отличались от материалов предыдущих военных лет. В них рассказывалось об ударном труде охотников, о производственной деятельности и стахановских успехах на рыбозаводах, о помощи школьников района детям-сиротам подшефного детского дома в Тульской области, об их работе в сельском хозяйстве и помощи семьям военнослужащих. Заготовка дров, разведка подлёдного лова гольца, стахановский труд коллективов рыбокомбинатов Усть-Большерецкого района – обо всём этом можно было узнать из газетных статей предпоследнего года войны.

Особый интерес вызывали у читателя фельетоны. К примеру, в публикации Е. Симона «Своя рука владыка» рассказывалось о самоуправстве завсельхозфермой тов. Кузина, который запретил косить траву для коровы тов. Трофимову, «у которого сейчас двое сыновей на фронте, а третий – допризывник. Пришлось вмешаться Райвоенкомату. Однако тов. Кузин это „вмешательство во внутренние дела сельхозфермы” оста-

вил без внимания. Не ответил он и на вторичное предложение оказать помощь тов. Трофимову. Без ответа осталось и отношение Райисполкома с требованием объяснений по этому поводу. „Кузин – сам себе велосипед, – говорят на сельхозферме, – куда хочет, туда и заворачивает”.

Сейчас небольшое количество сена, которое удалось т. Трофимову накопить, подходит к концу. Корова остаётся без сена – хоть продавай её, хоть режь...

Велосипед – это хорошо. Только как бы при такой езде у велосипеда „восьмёрка” не получилась...» [20].

В предпобедном году в газетах района начали появляться и говорящие о скорой победе публикации – например, такие, как «Немцы боятся нас, как чорт ладана». В них цитировались пришедшие в Усть-Большевецкий район письма с фронтов. Рабочий комбината имени Микояна Александр Онуфриев писал: «Вы, наверное, читали в газете, как мы здесь дрались под Сталинградом. Всех гадов разбили и удержали город в своих руках. За разгром проклятых немецких собак у стен славного города я получил медаль „За оборону Сталинграда”».

Колхозник Кихчинского колхоза им. III Райсъезда Советов т. Игнатьев получил письмо, в котором его сын пишет:

«Я нахожусь в одном из партизанских отрядов, действующих в тылу врага на территории Украины. Мы не даём покоя врагу, громим фашистские гарнизоны, смелыми налётами уничтожаем проклятых убийц, мстим им за кровь и слёзы невинно истерзанных и замученных советских людей. Немцы нас боятся, как чорт ладана» [21].

Таких писем много. Эти письма, а также устные рассказы побывавших на фронте говорят о том, что наши земляки щедро вкладывают свою долю в дело уничтожения ненавистного врага.

Патриотические настроения жителей района передавали публикации «Слово рыбачки», «На звено самолётов „Микояновец”». В них звучала надежда на скорую победу и желание сделать для этого всё возможное:

«Все наши чаяния сейчас одни – сделать всё, чтобы помочь Красной Армии разгромить врага», – заявляют колхозники колхоза имени III райсъезда Советов (с. Кихчик), внося свои трудовые рубли на строительство эскадрильи «Камчатка – фронту» [22].

Информация Совинформбюро, публиковавшаяся в районных газетах и в «Камчатской правде» в 1944, поднимала дух местного населения: «Сообщение Советского Информбюро принесло радостные известия о новых успехах Красной Армии. Снова стали советскими столица Литовской республики – Вильнюс, города Гродно, Остров и многие другие. Близок час нашей окончательной победы...» [23].

Встречались в газетах военных лет и не совсем обычные материалы. Так, в номере за 1 апреля 1944 года К. Норушов подробно рассказывает читателям «Как изготовить слесарную пилу», материал этот особенно актуален в комбинатах и рыболовецких колхозах того времени: «В период

подготовки к весенне-летней путине во многих комбинатах и рыболовецких колхозах ощущается острая нужда в слесарных пилах. В механической мастерской, бондарном цехе их требуется особенно много.

В большинстве случаев инструментальщики находят выход из затруднительного положения в том, что реставрируют бывшие в употреблении слесарные пилы. В ряде комбинатов Большерецкого района научились изготовлять новые пилы» [24].

А к концу года на Озерновском комбинате уже было начато массовое производство пил и напильников, о чём сообщила слесарь-станочник Озерновского комбината Ф. Цитович: «Озерновский комбинат ощущал острую нужду в слесарных пилах и напильниках. Рационализаторская мысль стахановца слесаря-моториста Василия Дмитриевича Демешко помогла устранить этот большой недостаток. По его инициативе в комбинате освоено массовое производство пил и напильников. Изготавливаются они из самого обыкновенного полосового железа.

<...>

Изготовление слесарных пил и напильников таким способом начато в сентябре 1944 года. Всего за это время сделано более 350 штук. Качество пил и напильников хорошее. Вся работу по их изготовлению выполняет тов. Демешко» [25].

Не оставляли газеты без внимания преступность, не исчезнувшую в военные годы. Народный судья Мальцев сообщил: «2 апреля Народный суд в показательном процессе рассмотрел дело 7 работников Кихчического рыбокоопа, обвинявшихся в систематическом разбазаривании и растаскивании продуктов питания...» [26].

Как говорилось выше, в 1944 году, как и во все военные годы, на территории Усть-Большерецкого района продолжало развиваться сельское хозяйство: «Коллектив сельхозфермы Озерновского рыбокомбината приступил к вспашке полей. Вспаханы первые два гектара земли... В своевремененно и качественно заложенных парниках зреет богатый урожай. На днях с парникового хозяйства поступила в столовую для общественного питания первая партия редиса в количестве свыше 200 килограммов» [27].

Вошёл в сборник и материал об известной в Усть-Большерецком районе семье Спичаков из Запорожья «Мать 11 детей»: «В колхозе „Труженик“ (с. Отрадное) проживает Елена Семёновна Спичак. Она родила, воспитала и воспитывает 11 детей. Два её сына – Семён и Дмитрий находятся в рядах Красной Армии, третий сын – Виктор работает вместе с отцом в колхозе. Ещё два сына и две дочери учатся в школе. Последней дочке – Аллочке нет ещё и полутора лет» [28].

Мирная жизнь района была обильно показана в газетах 1944 – начала 1945 годов: ежегодные экзаменационные испытания школьников, трудовые подвиги на всех производствах, добыча пушнины и заслуженные награды трудящимся соседствовали с рассказами о делах на фронтах, с письмами фронтовиков. Всё громче звучали в газетных строках опти-

мистичные настроения близкой победы. Е. Федотьева писала: «Победа! Это слово заставляет быстрее биться миллионы сердец. Победа куётся в огне сражений, в грохоте битв, у заводских станков и на колхозном поле. Она куётся и здесь, на берегу далекой Камчатки, на колхозном неводе...» [29].

Закончились обе войны, началось мирное время. Офицеры и бойцы благодарили жителей Усть-Большерецкого района. В статье «Сердечно благодарим за подарки» рассказывалось, как уже после капитуляции Японии, работники рыбокомбината имени Микояна собрали и отправили подарки защитникам русской земли. В ответ им пришло письмо: «От имени всех раненых офицеров, сержантов, старшин и рядового состава передаём вам искреннюю сердечную благодарность за вашу заботу о воинах, которые, не щадя своей жизни, шли в бой с японским агрессором и победили его.

Японский агрессор побеждён. За эту великую победу, за мужество и отвагу в боях с самураями, раненые офицеры, сержанты, старшины и бойцы удостоены высоких правительственных наград Союза ССР.

Ваши подарки являются высокой оценкой боевых дел красных воинов. Ваше внимание и забота вливают в нас больше сил и энергии и способствуют быстрейшему выздоровлению всех раненых бойцов и офицеров.

Спасибо и ещё раз спасибо, дорогие товарищи, за ваши подарки.

По поручению подписали: Скрыбин, Данилов, Мостовских» [30].

Да, газетные публикации, по мнению историков, не могут служить документальными свидетельствами происходящих событий. Но, с точки зрения краеведения, они очень живо передают дух и настроение времени. В порой наивных, порой сухих, казённых газетных строчках мы слышим живой пульс времени, не заглушенный цензурой.

1. Камчатская правда. 1941. 2 авг.
2. Ударник. Усть-Большерецк, 1941. 23 авг.
3. Камчатская правда. 1941. 18 сент.
4. Ударник...1941. 20 сент.
5. Там же. 26 июля.
6. Там же. 22 окт.
7. Камчатская правда. 1941. 19 дек.
8. Там же. 30 нояб.
9. Камчатская правда. 1942. 3 апр.
10. Ударник...1942. 10 июня.
11. Камчатская правда. 1942. 2 июля.
12. Там же. 18 июля.
13. Там же. 9 авг.
14. Там же. 5 сент.
15. Там же. 18 окт.
16. Там же. 6 нояб.
17. Там же. 20 дек.
18. Там же. 1943. 8 авг.

19. Камчатская правда. 20 нояб.
20. Ударник... 1944. 4 февр.
21. Там же. 23 февр.
22. Там же. 23 марта.
23. Там же. 24 июля.
24. Камчатская правда. 1944. 1 апр.
25. Ударник... 1945. 13 янв.
26. Ударник... 1944. 14 апр.
27. Там же. 13 мая.
28. Ударник... 1945. 24 авг.
29. Ударник... 1944. 24 июля.
30. Ударник... 1945. 6 окт.

В. А. Ивкина
ГАЗЕТА – ЗЕРКАЛО СВОЕГО ВРЕМЕНИ
(История районной газеты «Ударник»)

В 2022 году будет отмечать 90-летие районная газета «Ударник». В преддверии юбилея хочу немного рассказать об этапах её становления – что об этом удалось узнать, каким в прежние годы было главное в районе средство массовой информации. И назвала я внеконкурсную работу, представляемую на VI Большерецкие чтения, так, как когда-то одну из своих публикаций в «Ударнике»: «Газета – зеркало своего времени».

Журналисты говорят: «Газета – это история мира за одни сутки». Не слишком ли самонадеянно? Нет. Думаю, данный афоризм точен. Он просто не всеобъемлющ, как и любой афоризм. Ведь на газетных страницах отражается история, написанная сразу по следам событий. Так было в прошлом веке, когда большая часть газет выходила ежедневно, ну, или, в крайнем случае, несколько раз в неделю. Например, вплоть до девяностых годов подписчики, которых было в районе более трёх тысяч, получали свой «Ударник» три раза в неделю – по вторникам, четвергам и субботам. Это уже в девяностых периодичность газеты становится еженедельной.

А вот с какого года выходит наша районная газета?

В № 70 (6484) за 8 июня 1982 года в статье «Празднование юбилея газеты» написано: «Четвёртого июня в Усть-Большерецке состоялся торжественный вечер, посвященный 50-летию со дня выхода в свет первого номера газеты „Ударник“. В праздновании юбилея приняли участие начальник областного управления полиграфии, издательств и книжной торговли А. А. Томилов, ответственный секретарь правления Камчатской организации Союза журналистов СССР А. А. Хухрий, зам. редактора „Камчатской правды“, член Союза писателей СССР В. П. Кудлин, редак-

тор газеты „Пограничник Северо-Востока”, член Союза писателей СССР Н. С. Данилов, председатель обкома профсоюзов работников культуры Е. С. Ханин, председатель обкома профсоюзов пищевой промышленности Л. Н. Клименко, работники областного комитета телевидения и радиовещания, районных и многотиражных газет».

В нашем краеведческом музее хранятся подшивки «Ударника» начиная с 1965 года, когда он начал выходить после трехлетнего перерыва. И вот здесь мы читаем в каждом номере до № 5 1972 года: «Газета выходит с 1935 года». С номера шестого за 1972 год уже печатается, что «Газета выходит с 1932 года». Так какой же год является годом рождения «Ударника»?

В разное время редакция газеты пыталась установить дату выхода первого номера «Ударника», делая запросы в архивы. Исходя из документов Камчатского областного комитета партии (партийного архива), Государственного архива Хабаровского края, Всесоюзной ордена «Знак Почета» Книжной палаты, годом выхода газеты считается 1932-й, а «цель и задачи газеты – это оказание партийному комитету помощи в мобилизации трудящихся на выполнение решений партии, разъяснение трудящимся района задач, стоящих перед ними, формирование коммунистического мировоззрения, воспитание людей в духе строителей нового общества».

Впервые документы редакции в Усть-Большерецкий районный архив были сданы в 1976 году за 1965–1970 годы. Категории документов: планы работы, годовой бухгалтерский отчет редакции и типографии, штатное расписание, документы профсоюзного комитета.

Опять же обратимся к газете. Но не к «Ударнику» – его за начало тридцатых годов найти не удалось, а уже к «Камчатской правде» за 18.07.1932 года, № 47 (988). В публикации «Выездная редакция – на западный берег» говорится: «13 июля на тральщике „Стрелок” на завод № 5 (западный берег) выехала выездная редакция газеты „Камчатская правда”. Газета во время путины будет выходить не реже 2 раз в пятидневку. После окончания путины типография закрепляется в районе для вновь организованной районной газеты в Большерецком районе».

«Камчатская правда» за 12.09.1932 года, № 67 (1008): «Выходящей в ближайшие дни районной газете „Ударник промыслов” необходимо уметь уроки выездной редакции...» Из дальнейших публикаций «Камчатской правды» делаем вывод, что первая газета в Усть-Большерецком районе начала издаваться в сентябре 1932 года, и носила название «Ударник промыслов», редактором был В. Акшинский (возможно, тот самый В. С. Акшинский, автор повести «Курильский десант», в конце 30-х годов прошлого века – редактор газеты «Камчатский комсомолец». Прим. В. А. Ивкиной).

Первоначально газета выходила один раз в неделю. Из типографского оборудования имелось 2–3 набора шрифтов и разболтанная печат-

ная машина, так называемая «американка». В 1933 году печатная база газеты улучшилась благодаря шефской помощи: одна из центральных газет прислала достаточное количество шрифтов, а «Камчатская правда» плоскую печатную машину «...какую-то „японку“, которая, к стати сказать, изрядно вымотала сил малочисленному коллективу типографии и редакции, потому что в печатании каждого номера принимали участие 3–4 человека, и каждый имел свои функции: один вертел колесо, другой накладывал бумагу, третий – поворачивал барабан, а сзади стоял снимающий отпечатанные оттиски. Так в поте лица проходили ночи за выпуском номеров газеты».

Летом 1934 года «Ударник промыслов» постигло несчастье: из-за небрежности некоторых работников редакции и типографии сгорел сарай, в котором делалась газета, а вместе с ним и все оборудование. По этой причине газета несколько месяцев не выходила. В 1935 году газета сменила название и стала просто «Ударником».

К сожалению, не удалось найти ни газет до 1965 года, ни информации о том, кто работал в то время в редакции и типографии, за исключением отдельных «крупниц». Основываясь на них, можно предположить: были у «Ударника», как и везде, «черные» полосы, когда редакторов и корреспондентов обвиняли в политической неграмотности и «пособничестве антипартийным элементам»; были времена, когда его ставили в пример за актуальность, злободневность и «партийную принципиальность».

Кстати, 4 июля 1982 года в «Ударнике» под рубрикой «Слово первому редактору» были опубликованы воспоминания В. Акшинского под названием «Так родился „Ударник“»: «Я прибыл на Камчатку в 1930 году после окончания Хабаровского педучилища и к этому времени отработал два года преподавателем и зав. начальной школой в с. Приволье (сейчас этого села уже нет на карте). Просился в райкоме послать меня на дальнейшую учёбу, но узнав, что я когда-то работал трактористом, сказали, что не хватает мотористов (поработаешь путину – осенью пошлём).

Но вдруг меня просят прийти на заседание райкома партии (в ту пору я был комсомольцем). Там мне сказали, что товарищи из „Камчатской правды“ рекомендуют меня как активного рабкора, редактором газеты, так как нет грамотного коммуниста, который мог бы справиться с этой работой. Добавили, что на какое-то время задержатся в Большерецке и помогут мне освоиться с новой должностью. Я согласился, потому что действительно часто писал в многотиражку, а иногда и в „Камчатскую правду“. Так меня назначили редактором газеты „Ударник промыслов“. Представители „Камчатской правды“ в тот же вечер уплыли, и незнакомое дело пришлось мне осваивать с помощью полиграфиста Васи Кожанова и печатника Ивана Швецова.

Первый номер газеты вышел в 1932 году, набран вручную и напечатан на плоскочечатной машине, кажется, марки „Геллер“.

В день печати 1933 года в „Камчатской правде” в числе ударников печати названа первой моя фамилия – Акшинский, врио редактора Большещерецкой газеты „Ударник промыслов”, обеспечивший точную и бесперебойную работу газеты, активный корреспондент „Камчатской правды”.

За работу в четвёртом квартале 1932 и первом квартале 1933 годов был премирован серебряным портсигаром за содействие выполнению финплана (по краевому конкурсу).

В конце 1933 года меня сменил член партии, кажется Григорий Костюк. В послевоенные годы встречал его фамилию в „Правде” – сборкор по Азербайджану».

С «Ударником» военных лет удалось «познакомиться» в конце 70-х корреспонденту З. Ф. Халипской. Вот что она писала: «Бумага жесткая, старый шрифт. Листы плотно слежались, чем-то старым-старым пахнет от них. Два дня довелось мне работать с газетами „Ударник” 1941–1945 годов в областном архиве. Много интересного рассказали эти пожелтевшие страницы.

С первых дней войны на военный лад была перестроена работа редакции и типографии районной газеты „Ударник”. Газета продолжала быть боевым помощником районной партийной организации в мобилизации сил всех жителей района для работы под боевым лозунгом „Всё для фронта, всё для победы”.

Первая страница рассказывала о последних событиях на фронтах, из номера в номер здесь публиковались сводки Совинформбюро, появилась рубрика „На фронтовой вахте”, под которой корреспонденты газеты, внештатные активисты печати писали о подвиге трудящихся района, все силы отдающих великому делу Победы.

В 1943 году в газете появляется ещё одна рубрика – „В последний час”. Под ней помещались самые последние известия с фронта, полученные в то время, когда уже версталась газета.

Очень много публиковалось на страницах газеты писем фронтовиков, присланных родным и близким. Это были письма-клятвы бить врага до последней капли крови, письма-призывы к оставшимся здесь, в их родном селе, трудиться не покладая рук. И здесь же печатались ответы отцов, матерей, сестёр, младших братьев, жён, в которых они заверяли фронтовиков, что сделают всё и даже больше для победы над врагом.

Особенно в 1943 году в „Ударнике” часто помещалась Доска Почёта. В то время в районе просто не могло быть отстающих предприятий, колхозов, совхозов, поэтому на ней размещались имена лучших работников какого-то одного предприятия.

В то же время газета резко писала о тех немногих, кто не в полную силу работал, кто больше думал о себе, чем о самом святом для каждого честного человека – о Родине. На страницах газеты клеймили позором расхитителей народного добра, людей, наживающихся на общем горе.

Вот такой была наша районная газета в те трудные далёкие для нас годы, в годы Великой Отечественной войны».

И опять приведу публикацию из нашей районной газеты (№ 79 (8000), суббота, 3 октября 1992 года: «Сегодня вы получили очередной номер „Ударника“. Вы уже обратили внимание, что он наряднее, чем предыдущие (*выполнен в сине-красном варианте, прим. В. Ивкиной*). И эта нарядность не случайна: сегодня „увидел“ свет „Ударник“ под порядковым номером 8000. Да, столько номеров газеты вышло за 60 лет её издания.

В 1932 году было принято решение об организации в не так давно созданном Усть-Большерецком районе газеты. Дали ей название „Ударник промыслов“. К сожалению, первый номер не сохранился, хотя справки наводились в архивах Томска, Магадана, Петропавловска-Камчатского, Хабаровска, в Книжной палате. Но судя по тем сведениям, что были получены, можно предполагать с большой долей уверенности, что первый номер районной газеты вышел в конце лета – начале осени. В конце тридцатых годов за газетой закрепилось её теперешнее название „Ударник“.

Шестьдесят лет понадобилось каждодневного нелёгкого труда журналистов, полиграфистов, чтобы вышло восемь тысяч номеров. И все эти годы газета старалась как можно полнее выполнять свою главную миссию – освещать жизнь района, его трудовых коллективов, рассказывать о важнейших событиях, о людях, обо всём том, что происходит в районе. За шестьдесят лет в работе газеты были и взлёты, и падения. Теперь приятно вспомнить, что в 1978 году „Ударник“ в числе четырёх районных и городских газет бывшего СССР получил высшие награды Всесоюзного конкурса на лучшее освещение вопросов соревнования – диплом и денежную премию. На счету „Ударника“ почётные награды Правления Союза журналистов за массовую работу, за военно-патриотическое воспитание. Теперь всё это – история газеты, история района...

Своё шестидесятилетие „Ударник“ встречает не в лучшие времена. Буквально с каждым днём возрастают затраты на издание газеты. Не новость, а повседневная реальность – рост цен на бумагу, электроэнергию, почтовые услуги, бензин...

И всё-таки газета выходит. И есть надежда, что трудности, которые переживаем мы все – временные, и газета будет выходить и впредь.

...В таких публикациях принято называть лучших работников редакции, штатных авторов. Но можно назвать только тех, кто сейчас работает, или работал в недавнем прошлом. А как быть с теми, кто организовал газету, кто работал в ней накануне войны, в военные и послевоенные годы? Поэтому обойдёмся без перечисления фамилий. А за 60 лет в „Ударнике“ работало более 150 человек. Мы говорим спасибо всем, кто работал и работает в газете. А ведь каждый из них в силу своих способностей стремится её сделать лучше и интереснее. Мы говорим спасибо работникам типографии, которые её набирают и печатают, связистам, которые её доставляют. Говорим спасибо всем нашим читателям. И выражаем уверенность, что „Ударник“ ещё не один год будет желанным в квартирах жителей района». И подпись: «Редакция газеты „Ударник“».

Ещё одна публикация в этом же номере, но за подписью первых лиц района – председателя районного Совета народных депутатов И. Атасова и главы администрации В. Логинова: «... Каждый номер газеты – это своя особая страница в истории района. Читатели хорошо помнят заботливые и радостные очерки З. Халипской о наших земляках – ветеранах труда, Великой Отечественной войны, старожилах района; интересные рассказы страстного любителя природы В. Евдокимова; сделанные профессионально и остро фотографии Б. Антипова; содержательные публикации В. Ивкиной и других работников редакции, чьи статьи своим неравнодушием помогают видеть не только успехи в социально-экономическом развитии района, но и содействуют улучшению торгового, бытового, коммунального обслуживания населения.

Много лет возглавляет коллектив редакции мастер-профессионал, заслуженный работник культуры России, редактор газеты М. С. Петрашевич. Более 20 лет отдала газете Л. Тур – корректор, специалист высокого класса.

...Жизнь, к сожалению, вносит много изменений в наши дела. Не обошла она стороной и районную газету. Читатели наблюдают это по очередным номерам выпусков. Но тем не менее коллектив редакции так же честно и добросовестно выпускает газету...»

Менялся формат газеты, её периодичность, структура, тираж и количество работающих, адрес редакции... Однако, в целом, газета являлась зеркалом своего времени. Листая старые подшивки, видишь, как строился и развивался район, здесь встретишь фамилии тех, кто стоял у истоков, и чьи предки продолжают жить и трудиться на Большерецкой земле.

В прежние времена на страницах «Ударника» публиковались статьи о производственных достижениях и недостатках во всех отраслях промышленности, сельского хозяйства и социальной сферы, очень много внимания журналисты уделяли людям – в каждом номере присутствовали зарисовки, очерки, рассказы о ветеранах войны и труда, передовиках производства, об удивительных и интересных современниках. Появление на предприятиях, в организациях нового оборудования, техники, транспорта – всё это не оставалось незамеченным для корреспондентов издания районного масштаба.

Возьмём простой пример – газета ежегодно писала о начале хода чавычи, других рыб лососёвых пород, подлёдном лове корюшки. Казалось бы, что тут особенного? Но специалисты, да и просто любители, на основе обычных публикаций в газете за разные годы, могут проследить динамику, закономерности и особенности этих столь важных для района явлений.

А разве не интересно узнать, как развивался район, когда был построен тот или иной объект, дом? Сколько рыбы добывали в разные годы в районе? Сколько колхозов, совхозов было на Усть-Большерецкой земле в середине прошлого века, какие овощи выращивали, как обеспечивали себя молоком и мясом? В семидесятые годы стали закрываться

прибрежные посёлки, и об этом писал «Ударник». Старожилы района могут встретить на страницах газеты фамилии своих дедушек и бабушек, друзей, знакомых, рассказы о них...

Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью заявить, что наша газета – это история района. И не только! Из местной газеты можно узнать и о главных событиях в стране, в мире. К примеру, вы помните, в каком году 8-е марта стал нерабочим днем? Давайте откроем «Ударник» за 1965 год! А с какого года мы отмечаем всеми любимый, и особо значимый на Камчатке праздник – День рыбака? И это можно найти в «Ударнике» за 1965 год. Когда был осуществлен переход на пятидневную рабочую неделю? Это узнаём из «Ударника» за 1966 год... Поэтому подавляющее большинство жителей района оформляло подписку на местную газету, а не на центральные издания.

Именно в «Ударнике» были напечатаны работы краеведов, старожилов нашего района Н. Н. Козьмина и В. Г. Спичака. По публикациям можно проследить становление предприятий и их ликвидацию, узнать много интересных фактов, касающихся не только социально-экономического статуса района и отдельных населенных пунктов, но и климата, его природных ресурсов.

Как уже упоминалось выше, в начале шестидесятых годов прошлого века три года газета не выходила. Её выпуск возобновился в мае 1965-го. Вот что пишет «Ударник» после перерыва в первом номере (№ 1 (3807), пятница, 14 мая 1965 года): «С этого номера, после трехлетнего перерыва, возобновляется выход районной газеты „Ударник“. Выход своей газеты – большое событие в политической и общественной жизни района. Восстановление издания печатного органа районного комитета КПСС и исполкома районного Совета депутатов трудящихся является выполнением решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС, который восстановил построение партийных организаций по территориально-производственному принципу...»

Почти сразу же редактором становится В. Ф. Васильев, проработавший в этой должности до 1975 года. Редакция и типография располагаются в Усть-Большерецке, по улице Ленинская (позже на месте типографии был построен банк, в котором в настоящее время размещены сельская администрация и другие организации). Газета сначала выходит форматом А3 на двух полосах, а в октябре того же года становится четырёхполосной, тираж две тысячи триста экземпляров.

О том, какое место средства массовой информации занимали в жизни людей, можно судить по публикации «Празднование Дня печати» («Ударник» № 53 (3956), 8 мая 1966 года): «Усть-Большерецк. Вечером 5 мая в кинотеатре „Спутник“ собрались рабочие и служащие районного центра, чтобы отметить традиционный праздник – День советской печати. В фойе кинотеатра была организована выставка стенных газет районного центра.

Перед собравшимися с докладом о Дне печати выступил редактор районной газеты „Ударник” В. Ф. Васильев. После доклада в торжественной обстановке лучшим производственникам типографии и активным рабкорам газеты были вручены Почетные грамоты и подарки – книги. В заключение вечера демонстрировался кинофильм.

Озерная. В Озерной проведена выставка стенных газет. Жюри выставки признало лучшими газетами „Коммунальник” (редактор Г. Кузнецова), „Холодильщик”, которую редактирует Л. Киселёва и Ким Кван Ху, а также газету „Управленец”.

Была отмечена хорошая работа рабкоровского поста газеты „Ударник”, которым руководит А. А. Филиппова. Она награждена Почётной грамотой райкома КПСС и райисполкома. Остальным рабселькорам были вручены удостоверения.

У современного читателя может возникнуть вопрос, кто такие рабселькоры? В те годы, вплоть до 90-х, практически в каждой газете, в каждом журнале (не только районного масштаба) существовала сеть внештатных рабочих и сельских корреспондентов (рабселькоров). Как правило, это были партийные и комсомольские секретари на заводах и фабриках, в колхозах, на предприятиях, рабочие, инженеры, служащие, доярки и животноводы, рыбаки и рыбообработчики, которые информировали штатных корреспондентов о событиях, происходящих в коллективах, в населённых пунктах. Некоторые просто звонили в редакцию, рассказывая о происходящем, а сотрудник газеты излагал это на бумаге за подписью того самого информатора, разумеется, с его согласия. Некоторые «внештатники» сами писали заметки в газету. За каждую такую публикацию рабселькоры получали пусть небольшой, но гонорар, поэтому существовала помимо моральной (увидеть свою фамилию на страницах газеты считалось престижным) и материальная составляющая.

Некоторых рабселькоров иногда приглашали в штат, если редактор видел в них способности к журналистике. Не имея журналистского образования, в разное время в «Ударник» пришли В. А. Евдокимов, в настоящее время член Союза писателей, З. Ф. Халипская (библиотекарь), член Союза журналистов, А. Ф. Благодацкая (директор комбината бытового обслуживания), я, В. А. Ивкина (библиотекарь), член Союза журналистов и некоторые другие корреспонденты. Впрочем, в 60-е – 80-е годы в корреспонденте прежде всего ценились умение интересно излагать факты и мысли на бумаге, грамотность, жизненный опыт и здоровое мышление, политическая «благонадёжность», а уж затем специальное журналистское образование.

Вот как вспоминает о своей работе в газете В. А. Евдокимов («Ударник», № 51 (8654), 27 сентября 2007 года): «Мне довелось работать в районной газете „Ударник” в два разных периода. Первый раз в шестидесятые годы, а затем с конца семидесятых до начала девяностых. В общей сложности почти шестнадцать лет. Эти годы были и школой журналистики, и школой жизни. Случалось всякое. И в должности не хотели

утверждать на бюро райкома партии за резкий фельетон и строптивый характер, и за ту же самую критику ставили на более высокую должность: хлебника, мол, сам этой каши, посмотрим, как у тебя получится.

Слава богу, получалось. Уезжал в другой район на повышение, а через десять лет вернулся, и меня охотно взяли снова. Думается, что этот факт сам говорит за себя...

Журналистика – творческая работа. Случалось слышать, чего вам, сидите да пишете. Да, конечно. Но, чтобы сесть за стол и начать писать, надо собрать материал. А вот это дело и сложное, и рискованное. На каких видах транспорта только я не поездил, добираясь в дальние сёла, на рыбацкие станы, в оленеводческие звенья, стоянки геологов, летние пастбища скота, места заготовки кормов. На собачьих и оленьих упряжках, верхом на лошадях, на тракторах, вездеходах, машинах, катерах, баржах, вертолётах, самолётах. И во все времена года, в слякоть и распутицу, в дожди и морозы. И как здесь без риска? Он был всегда. Просто этому не придавалось внимания. Обошлось – и хорошо...

Одержимыми, неуёмными были мы, любили своё дело и отдавали ему все силы, весь жар души. Может быть, за эту плещущую через край любовь и к нам относились с уважением».

В 1975 году «Ударник», который объединял в то время коллектив редакции и типографии (тогда он был единым, это чуть позже типография стала самостоятельным производством со своим руководителем, бухгалтерией и т. д.), возглавил М. С. Петрашевич. Он был редактором почти сорок лет! Имеет звание «Заслуженный работник культуры РСФСР», является лауреатом областной премии в области литературы и журналистики имени В. Кручины. При его руководстве газета стала одной из лучших в Камчатской области, неоднократно занимала призовые места во всесоюзных конкурсах. А помогал ему, безусловно, коллектив, в котором случалось всякое – дружба, взаимопонимание, разногласия, доходившие порой до откровенных конфликтов, но на первом месте всегда оставалась ГАЗЕТА!

В семидесятых годах на страницах «Ударника» стали появляться новые постоянные рубрики – «Твои люди, Камчатка», «Летопись народного подвига», «Газета выступила. Что изменилось?», «„Ударнику“ отвечают» и многие другие, не менее важные и интересные. А также регулярно выходили специальные тематические странички – «За экономию и бережливость», «Страница народного контроля», молодёжная – «Горизонт» и т. д. Именно тогда весь район следил за соревнованием двух колхозов – «Красный труженик» и «Имени Октябрьской революции»; двух рыбоконсервных заводов – Озерновского и Октябрьского; двух сельскохозяйственных предприятий – совхозов «Рассвет» из Апачи и «Большевецкий» из Кавалерского. Показатели их работы регулярно освещала «районка», как называли газету в народе. Беря каждый новый номер газеты в руки, большинство подписчиков начинали чтение с колонки новостей «По нашему району» (это был своеобразный бренд «Ударника»).

Пробовали назвать аналогичные подборки информации «Экспресс-новости», «В несколько строк» – не прижилось. Руководил газетой не «главный редактор», как стало почему-то сейчас, а просто редактор, хотя и коллектив был значительно больше, и тираж в десятки раз выше. Впрочем, чему удивляться, раньше правительство и министры были в стране, в республике, теперь же так именуют чиновников краевого, областного масштабов...

Я пришла работать в газету в январе 1987 года. До этого, с 1979-го после окончания института культуры, трудилась в районной библиотеке, время от времени писала заметки в газету о библиотечных мероприятиях, публиковал «Ударник» и мои обзоры книг. Кроме того, в библиотеке по роду своей деятельности мне приходилось проводить много массовых мероприятий, выступая перед различной аудиторией. Всё это и стало основанием для того, что меня пригласили работать в редакцию не просто корреспондентом, а ещё и радиокорреспондентом. Об этом чуть подробнее.

В те годы в штат редакции «Ударника» входил радиокорреспондент, он же диктор местного радио. Небольшие радиовыпуски по 15 минут выходили два раза в неделю. В обязанности радиокорреспондента входило «добывать» для своих выпусков новости, которые затем также публиковались в газете, записывать выступления руководителей района на злобу дня, брать интервью и т. д. Его основное рабочее место было в редакции, которая в то время вместе с типографией занимала двухэтажный деревянный дом по ул. Октябрьская, 6. Но была ещё и радиорубка, находящаяся на третьем этаже в здании районного узла связи, где днём передача записывалась на бобинный магнитофон, монтировалась, а вечером выходила в эфир. Надо отметить, что радиоточки тогда были практически в каждом доме, в каждой квартире, на каждом предприятии, и местное радио слушала большая часть населения. Ответственность была колоссальная, так как стоило диктору-радиокорреспонденту где-то оговориться, сделать паузу чуть длиннее необходимого, или неправильное ударение – в лучшем случае устный выговор редактора, замечания односельчан-грамотеев во время встречи, а то и вызов «на ковёр» в райком партии. Поэтому, как правило, работать радиокорреспондентом, быть «у всех на слуху» не очень стремились сотрудники редакции, тем более и аппаратура для записи передач была не из лучших, плёнку приходилось склеивать уксусом, были и ещё не очень приятные нюансы.

Вот и я, проработав год радиокорреспондентом, с удовольствием перешла на должность простого корреспондента, уступив своё место молодому специалисту Е. Никишиной, затем стала ответственным секретарём, позже – заместителем редактора, затем на 10 лет вернулась в библиотеку, а в 2008 году была приглашена в газету редактором. Проработала в этой должности два года до избрания председателем Собрания депутатов Усть-Большерецкого сельского поселения, но это уже другая история...

Итак, конец 80-х годов. Тираж газеты почти три с половиной тысячи экземпляров. Редакция и типография – тогда они уже были разделены и являлись самостоятельными, но взаимосвязанными учреждениями – размещались в деревянном двухэтажном доме по ул. Октябрьская, 6. Объединял их, безусловно, выпуск «Ударника». Редактор – М. С. Петрашевич, директор типографии – А. П. Сорочук.

Коллектив редакции состоял из восьми творческих сотрудников, включая редактора – заместителя редактора, ответственный секретарь, корреспонденты, фотокорреспондент, а также корректор, секретарь-машинистка и бухгалтер. В типографии, которая, помимо газеты, занималась выпуском различной печатной продукции, трудились порядка десяти человек.

Коротко опишу технический «газетный» процесс, ведь сейчас при современных технологиях он совершенно иной, не требующий колоссальных усилий. Свои материалы журналисты писали либо от руки, отдавая на распечатку секретарю-машинистке, либо печатали на пишущей машинке сами, затем сдавали ответственному секретарю, который их вычитывал и отдавал на подпись редактору. Затем ответственный секретарь планировал номер газеты, составляя его макет, определяя по количеству строк, сколько материалов войдёт на одну полосу, размечая, каким шрифтом и каким размером набирать ту или иную статью, чтобы все предусмотренные статьи вместились на полосу, а также не оставалось «белых пятен». Задача, прямо скажем, не простая. Существовали общепризнанные, классические способы размещения материала на полосе, учитывающие многие факторы – от важности самих материалов до восприятия читателем тех или иных шрифтов, фокусировании внимания на определённые места, страницы издания, удобство чтения (перенос материалов на другие страницы). После одобрения редактором макет с материалами отправляли в типографию.

Несколько слов о работе фотокорреспондента. Помимо того, что он снимал и писал небольшие тексты (подклишэвки) к фотографиям, он сам их и изготовлял. Фотоаппараты были плёночными. Плёнка проявлялась в затемнённом помещении при помощи особых растворов. Снимки (естественно, черно-белые), как правило, несколько вариантов, отдавались на утверждение сначала ответственному секретарю, затем редактору. Выбиралось нужное фото, и с помощью специальной машины нарезалось металлическое клише, которое тоже отправлялось вместе с макетом номера газеты в типографию.

В типографии будущая газета также «проходила» несколько этапов. Первый – набор текста на линотипе – машине, на которой из свинца отливаются строки текста определённого размера (указанного в макете редакции). Эти строки затем передаются верстальщику. Тот верстаёт страницы газеты при помощи специальной рамы размером больше страницы «Ударника» (вся эта конструкция очень тяжёлая, килограммов 15–20), используя подручные инструменты, типа шила, строкомера (специаль-

ная линейка с особыми делениями), набирая вручную из отдельных литер заголовки, распределяя все эти свинцовые «пазлы» в необходимом порядке. Затем делался оттиск каждой страницы, его вычитывал (и не один раз!) корректор, дежурный по газете, редактор, которые визировали окончательный вариант (ошибка в газете приравнивалась к чрезвычайному происшествию!). И только после этого металлические полосы свёрстанной газеты отправлялись на печатный станок. Кстати, бумаги в привычных для нас сейчас упаковках, тогда не было. В типографию привозили огромные рулоны газетной бумаги весом около тонны, где их на специальных станках разматывали, резали, складывали в стопки. Печатание газеты занимало не один и не два часа. Как правило, у печатников был ненормированный рабочий день, и они уходили с работы далеко за полночь, пока не отпечатают весь тираж и не приготовят его к отправке на почту, которая занималась доставкой газеты во все населённые пункты района. В то время осуществляли набор и выпуск газеты работники типографии Е. И. Васина, Е. И. Жидкова, И. В. Баринава, С. М. Скоробогач, А. И. Плетцер и другие. Всех, кто имел отношение к газете в разные годы, к сожалению, не перечислить.

Очевидно, многие не подозревают, что выпуск газеты – это сложное производство. Сложность определяется многими факторами. Назову лишь два. Один из самых главных – «железная» периодичность выхода издания. По крайней мере, во времена моей работы в редакции, а газета выходила три, затем два раза в неделю, своевременному выходу газеты могли помешать разве что землетрясение или цунами. Болезнь, отсутствие сотрудников, материальные и производственные проблемы в расчет не брались.

Второй фактор – это огромнейшая ответственность за печатное слово. Нравственное чутье, строгий этический самоконтроль – этими критериями должны руководствоваться журналисты в своей работе. Как писала в своё время одна известная журналистка: «Проверка, проверка и проверка. Не только фактов, но и чувств. Сохранять самоконтроль, не сделаться орудием в чужих руках... Держать свое оружие в чистоте!». К сожалению, эти классические постулаты журналистской этики остаются в прошлом, как устаревшие линотипы и печатные станки, на замену которых пришли компьютеры, принтеры, ризографы.

Но это так, лирическое отступление, без которого немислим ни один экскурс в прошлое. А мой рассказ о работе редакции и типографии в нашем районе подходит к завершению.

В советские времена газета являлась органом Усть-Большерецкого райкома КПСС и Районного Совета депутатов трудящихся, по-современному говоря, они являлись учредителями издания. Надо отметить, что районные газеты, особенно в малонаселённых местностях, всегда были дотационными. Государство понимало важность печатного слова, политическую значимость газет и финансировало их, а также типографии, так как о самоокупаемости в этих случаях речи идти не могло. Типо-

графии являлись своего рода «спутниками» редакций (не было бы газеты – не было бы типографии) и попутно выпускали бланочную продукцию для местных предприятий, организаций по фиксированным (так было в советские времена) ценам.

В первой половине 1991 года вводится в эксплуатацию современное здание редакции-типографии по ул. Октябрьская, 16, где и сейчас работает коллектив «Ударника». Но начались, как принято говорить сейчас, лихие девяностые. Новые рыночные отношения перевернули всё с ног на голову. С развалом компартии учредителем газеты становится районная администрация, издателем – коллектив редакции. Не буду описывать, как приходилось выживать, по полгода не получая зарплаты, как типография из-за долгов отказалась печатать газету (попробовала бы это сделать в эпоху КПСС!), как коллектив редакции ездил печатать «Ударник» в типографию г. Елизова. Это сейчас можно по электронной почте передать и материалы, и макеты... Именно тогда снизилось количество подписчиков у газеты (почта за свои услуги взвинтила цены) и она стала выходить раз в неделю, а чтобы появились хоть какие-то средства, было решено продавать её сначала в редакции, а потом, по личной договорённости, и в торговых точках не только Усть-Большерецка, но и близлежащих населённых пунктов – Апачи, Кавалерского, Октябрьского, передавая туда газету с оказией.

В конце девяностых издание из-за отсутствия финансирования перестаёт выходить. Ушли из редакции корректор Л. Т. Тур и корреспондент З. Ф. Халипская, затем я, и последним М. С. Петрашевич. Типография в лице А. П. Сорочука попыталась стать учредителем другой газеты под названием «Новый Ударник», пригласив редактором З. Ф. Халипскую. Но это издание протянуло недолго (1998 – середина 2001), а приватизированная бывшим директором типография перебралась в Петропавловск-Камчатский.

В начале этого века, с победой на выборах главы района бывшего первого секретаря Усть-Большерецкого райкома КПСС С. Г. Придворева, возобновился выпуск «Ударника». Редактором стал опять М. С. Петрашевич, проработавший в этой должности с 2001 года по начало 2005-го. А дальше?

Современная история газеты – это другое время, другие возможности и ресурсы, другое поколение, другие отношения и приоритеты. Но, на мой взгляд, даже будучи не профессионалом (мы тоже сначала были дилетантами), необходимо учиться и беречь лучшие традиции, создаваемые даже не годами – десятилетиями, дорожить репутацией издания и, как я говорила выше, никто не отменял журналистскую этику.

Первый номер «Ударника», вышедший после трёхлетнего перерыва. Гонорарная подшивка, где редактор размечал размер гонорара авторам газеты.

Коллектив типографии 70-е годы.

80-е годы. Работники типографии: линотипист Е. И. Васина, директор А. П. Сорочук, печатник С. М. Скоробогач

СЛОВО О ГАЗЕТЕ И О ТЕХ, КТО ЕЕ ДЕЛАЕТ

Три раза в неделю — по вторникам, четвергам и субботам выходит наша районная газета «Ударник». Вот уже почти 58 лет. Вначале название газеты было несколько иное — «Ударник промысла». Но с конца тридцатых годов стало таким, каким мы привыкли видеть.

ОНИ ДЕЛАЮТ ГАЗЕТУ

Виктор Александр Егоров, заместитель редактора.

До сих пор помню, что произошло летом 1938 г. и какой ошеломительный эффект произвело на меня то, что на меня была возложена такая большая ответственность. И так было 38 лет тому назад, когда я стал редактором «Ударника».

Корреспондентом начинал в 1936 году, а главным редактором стал в 1940 году. Вначале редакция располагалась в здании «Ударника». Позже переехала в здание «Ударника». В настоящее время наша редакция находится в здании «Ударника».

Мне очень приятно, что в настоящее время наша редакция находится в здании «Ударника».

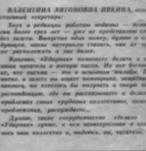
И так, что и вы не забываете, чтобы наша редакция была в здании «Ударника».

Елена Никшина, корреспондент.

Мне очень приятно, что в настоящее время наша редакция находится в здании «Ударника».

И так, что и вы не забываете, чтобы наша редакция была в здании «Ударника».

Валентина Антоновна Жукова, корреспондент.

Мне очень приятно, что в настоящее время наша редакция находится в здании «Ударника».

И так, что и вы не забываете, чтобы наша редакция была в здании «Ударника».

Валентина Петровна Власова, заместитель редактора.

Мне очень приятно, что в настоящее время наша редакция находится в здании «Ударника».

И так, что и вы не забываете, чтобы наша редакция была в здании «Ударника».

ОНИ ДЕЛАЮТ ГАЗЕТУ

Зинаида Федоровна Калининская, заместитель редактора.

Мне очень приятно, что в настоящее время наша редакция находится в здании «Ударника».

И так, что и вы не забываете, чтобы наша редакция была в здании «Ударника».

Елена Воложова, корреспондент.

Мне очень приятно, что в настоящее время наша редакция находится в здании «Ударника».

И так, что и вы не забываете, чтобы наша редакция была в здании «Ударника».

ОНИ ДЕЛАЮТ ГАЗЕТУ

Любовь Трофим, редактор.

Мне очень приятно, что в настоящее время наша редакция находится в здании «Ударника».

И так, что и вы не забываете, чтобы наша редакция была в здании «Ударника».

Любовь Соловьева, редактор.

Мне очень приятно, что в настоящее время наша редакция находится в здании «Ударника».

И так, что и вы не забываете, чтобы наша редакция была в здании «Ударника».

Марина, редактор.

Мне очень приятно, что в настоящее время наша редакция находится в здании «Ударника».

И так, что и вы не забываете, чтобы наша редакция была в здании «Ударника».

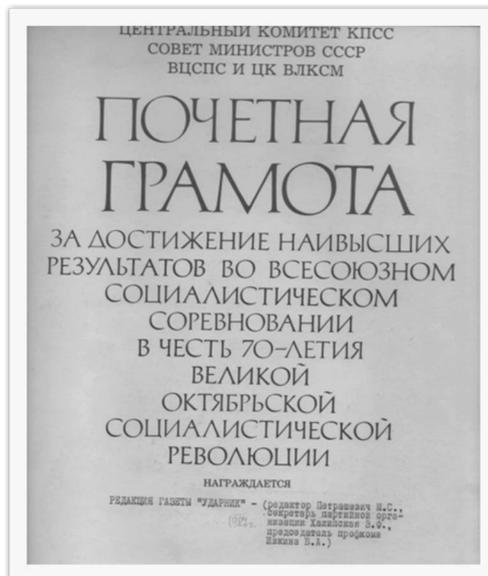
Фрагменты «Ударника» №55(7716) за 5 мая 1990 г.

Конец 80-х. Коллектив редакции газеты «Ударник» (слева направо): нижний ряд – З. Халипская, М. Петрашевич, В. Ивкина; верхний ряд – Е. Никишина, Б. Говейный, Л. Соловьёва, С. Чудненко, В. Евдокимов, Л. Тур.

Конец 80-х. «Круглый стол» в редакции газеты с первыми руководителями района.

Две из многочисленных грамот коллектива «Ударника»

М. М. Любарская ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ

*«У каждого из нас на свете есть места
Что нам за далью лет и ближе, и дороже,
Где дышится легко, где мира чистота
Нас делает на миг счастливей и моложе».*

Леонид Фадеев

«Голография... Метод пространственного изображения». А если представить в отношении времени или человека? «Почему так ввинчиваются судьбы людей в поступь века? Почему мы пересекаемся? Почему угрюмое лицо прохожего засветится вдруг, взгляд замрёт?.. Всего на долю мига, будто вспоминая... И неважно вспомнит ли, или, отвернувшись, шагнет в завтра. Уже пересеклись. И на эту долю мгновения Вселенная, дрогнув, задержала свой бег. Стремительный бег неумолимого времени...» [1].

Как бы торопливо не уходило время, не забывалось прошлое, все равно есть милые сердцу мгновения, о которых, вспоминая, улыбаешься и подумашь: «Вот, если бы поговорить с кем-то из этого прошлого. Рассказать, что знаешь сам и услышать воспоминания другого об одном и том же отрезке времени».

Люди создают историю своих городов и поселков. Разведёт их жизнь, уедут в другие края, но если доведётся встретиться кому-либо, и узнают они друг друга, то эта неожиданная встреча вызовет бурю эмоций и россыпь воспоминаний.

Такая встреча случилась у меня осенью 2017 года. Зная, что Лариса Черемискина приедет в Усть-Большерецк, я попросила ее захватить фотографии из семейного альбома, те, что рассказали бы о посёлке Большерецк. Надеяться, что их будет много, не приходилось, так как с тех пор прошло более шестидесяти лет.

Лариса приехала в Усть-Большерецк в октябре. Договорившись, мы принесли фотографии из семейного альбома, что сохранили память о событиях и людях, рядом с которыми мы когда-то жили в одном посёлке.

Итак, время изменило эту небольшую территорию, что находится примерно в шести километрах от устья реки Большой вдоль берега Охотского моря.

Каждое поселение имеет свои особенности. Особенностью посёлка Большерецк являлось то, что он был образован на базе рыбоконсервного завода № 12, впоследствии № 49.

Завод начал свое существование с 1931 года. В сороковые годы это уже населённый пункт, в котором позже будет четыре улицы: Советская, Набережная, Заречная, Заозёрная. Можно сказать, что улица Советская была главной, так как она самая протяжённая и на ней находились все учреждения. От въезда на территорию посёлка они чередова-

лись с жилыми домами по обе стороны дороги в таком порядке: детский сад, интернат, клуб, школа, столовая, пожарная часть, контора комбината, баня, корпус завода. На песчаной площадке пекарня, почта, магазинчик промышленных и хозяйственных товаров, где необходимым товаром были керосинки, примусы для приготовления пищи, а также керосиновые лампы, стёкла к ним для замены, так как света в жилых домах зачастую не было. Далее библиотека, управление комбината, больница, аптека, продовольственный магазин и ларёк.

Нельзя не вспомнить о таком объекте на территории поселения, как колодец. Он находился напротив больницы слева. Это был массивный сруб из круглых брёвен под навесом. Колодец был глубоким, а вода в нем очень холодная и кристально чистая. Зимой он представлял собой сказочное зрелище. В сильные морозы сруб обмерзал толстым слоем льда, что и создавало впечатление сказки, но и набрать воды, опуская ведро на тяжёлой цепи, было непросто.

Тридцать лет прошло с тех пор, как покинули эти места люди. Тихо и пустынно вокруг. Колышутся под летними ветрами сплошным ковром высокие травы, радует глаз разнообразие цветов: ирисов, саранок, цветного горошка и других.

Можно представить, что зимой здесь просто сплошной, сверкающий на солнце, снежный покров, но когда наступает сезон охоты, оживают эти места, богатые дичью. В настоящее время сохранилась только дорога от устья реки Большой до бывшего посёлка Большерецк, и далее до посёлка Озерновский.

А когда-то стояли здания и дома, в которых жили многодетные семьи: Пикулиных, Таракановых, Черемискиных, Калитиных, Габдрахмановых, Глушковых... А также семьи, в которых было по одному или два ребенка: Пашковых, Русаковых, Голубевых, Степановых, Анисимовых, Князевых, Бурдовых, Воробьёвых, Лебедевых. И если доведётся побывать здесь, то трудно определить, где и какой стоял дом или учреждение, потому что нет никаких ориентиров, кроме моста через небольшую, но очень глубокую речку Набережную.

*Как храбрый страж у врат стоящий
Он службу верную несёт.
Хотя никто уж по покрытию
На берег правый не пройдёт.
Не всколыхнётся пыль дороги,
Не слышно уж ничьих шагов,
Пастух кнутом не щелкнет лихо,
И не пройдет стадо коров.*

Нельзя было найти на территории посёлка Большерецк лучшего места для школы, чем то, на котором она располагалась. Это небольшое удобное возвышение на левом берегу реки, у моста, где чистый склон без тундровой полосы позволяет подойти к воде. Именно здесь откры-

вался живописный вид на улицу Заречную и уходящую вдаль через мост к озеру Большому улице Заозёрную. И всё это на фоне вековых вулканов. Река, конечно, привлекала к себе детей, и на перемене у воды всегда было шумно.

*И она, наверно, помнит,
Как бежали к ней гурьбой
Мы на школьной перемене
За холодной водой.*

И только настойчивая песня школьного звонка возвращала ребят в класс и в интересный мир знаний.

Второй особенностью этого поселения было то, что по берегам реки добывалась шамотная глина. Она использовалась на рыбоконсервном заводе как замазка для автоклавов. Для её добычи в болотистых местах вдоль реки вырезались квадратные ямы, которые быстро заполнялись тёмной, тундровой водой. Это были очень опасные места, притом, не огороженные. Мостики в две доски служили дорожкой к реке, чтобы набрать воды для приготовления пищи и для других домашних нужд.

Рос и развивался рабочий посёлок Большерецк. Каждую рыбную путину приезжали сезонные рабочие на рыбоконсервный завод, кто-то оставался на постоянное место жительства. А для работы в школе учителя приезжали в основном на три года. Несмотря на то, что это поселение было удалено от главных дорог и других населённых пунктов, некоторые молодые педагоги оставались работать на долгие годы. Глядя на старые снимки трудно понять, чем так притягателен был посёлок, возможно главной его особенностью были люди.

Моя собеседница Лариса Фёдоровна была средней дочерью в семье учителей. Она и её две сестры родились в этом посёлке, выросли и окончили местную школу. Лариса рассказывает, что её отец, Федор Алексеевич Черемискин, по приезду в посёлок работал военруком в школе, но позже сменил свою профессию. Мама Надежда Николаевна – учительница начальных классов. Она окончила педучилище в Петропавловске-Камчатском и по распределению приехала в посёлок примерно в 1942–1943 годах. Для проживания молодой учительнице выделили комнату в интернате. Семья Черемискиных – старожилы посёлка Большерецк. Они проживут здесь, отдавая все свои знания, опыт и силы на его развитие, почти всю свою жизнь, до того момента, пока этот населённый пункт не закроется. А единственным их семейным домом будет небольшое и очень скромное строение над речкой Набережной. Здесь вырастут их три дочери, а потом будут приходить в гости внуки.

– Начальная школа, где работала мама, – вспоминает Лариса, – находилась в конце посёлка по улице Набережной, в первом доме от моря. Это небольшой финский домик, как его называли жители.

Сохранилась фотография, где Надежда Николаевна с ребятами на крыльце этой школы. Здесь всегда слышен был шум моря, ведь оно было совсем рядом.

– За многолетний труд и за вклад в воспитание подрастающего поколения, – продолжает Лариса Фёдоровна, – мама, Надежда Николаевна Черемискина, получила звание «Отличник народного просвещения» и, конечно, для многих выпускников школы осталась в памяти, как первая учительница.

Много лет посвятит труду учительницы начальных классов Таисия Фёдоровна Петухова. О ней с уважением вспоминал друг ее сына Юрия Евгений Михайлович Калитин, житель посёлка Октябрьский.

К середине пятидесятих годов прошлого века в посёлке работает школа десятилетка. Директор, он же учитель географии, Вадим Александрович Ерёмин – позитивный человек и хороший организатор. Обязанности завуча исполнял Василий Николаевич Ахметов. Русский язык и литературу преподавала Тамара Васильевна Ерёмина. До этого времени школой руководил Николай Герасимович Чулков. Хорошая атмосфера в педагогическом коллективе способствовала тому, что учителя оставались жить и работать в посёлке более, чем три года.

Что делает время, ведь даже разговаривая с подругой, мы, дополняя друг друга, не можем вспомнить обо всех, кого видим на старых фотографиях. И лишь о тех, кто оставил яркий след в нашей памяти, мы на какой-то миг остановили прошлое, оказавшись в гуще событий школьной жизни.

Любитель музыки, весельчак, руководитель школьного хора. На патриотических праздниках звучала в исполнении ребят отрепетированная с ним песня «Солдаты в путь». Отлично играл на мандолине и радовал своим исполнением как ребят, так и взрослых. Это школьный учитель физкультуры Иван Дмитриевич Горьев.

Радовали ребят его уроки. Зимой – это лыжные пробежки по правому берегу реки от школы до старого маяка. Лыжный спортивный инвентарь хранился в большом шкафу в коридоре школы и выдавался учителем на урок. Лыжи были с мягкими креплениями. Осенью и весной проводились уроки на пришкольной территории, где были спортивные снаряды: бревно, канат для лазанья, дорожка для прыжков в длину и волейбольная площадка, которая собирала по вечерам местную молодёжь и более взрослое население посёлка поиграть в волейбол.

Популярно было в те годы представлять зрителям на концертах спортивные номера в виде живых фигур. К примеру, вспоминается такой номер – «Живая ваза», в котором участвовало 30–40 человек, был подготовлен старшей пионервожатой школы Валентиной Ивановной Моховой. Сложно было найти спортивную форму для выступления, и из этой ситуации вышли так, что приспособили мужские футболки разного цвета: голубые, желтые, красные, зеленые, перешив их в купальники.

В поселковой библиотеке проводилась своя работа с детьми: по воскресным дням приходили ребята послушать сказки в специально обставленной для этого комнате, и спортивные номера здесь тоже готовили к праздникам.

Во время руководства учебным заведением В. А. Ереминым проходили школьные фестивали, и учителя готовили с детьми номера художественной самодетельности, иногда такой концерт длился два-три часа. Были выезды с концертной программой в соседние поселения.

Если посмотреть на снимок школы, то слева от входа первое окно находилось в помещении школьного радиоузла. Им руководили старшеклассники, а его работа заключалась в том, чтобы оповещать о школьных событиях или делать важные объявления, а то и просто на большой перемене звучала музыка.

В длинном бараке напротив школы, часть которого от дороги занимал клуб, в очень маленькой комнате с одним окном с печкой жила первая учительница нашего класса Вера Андреевна Умеренкова. Она была с нами с первого по четвёртый классы. И в любом школьном мероприятии, будь то новогодний утренник или приём в пионеры, принимала участие. В четвёртом классе Вера Андреевна подготовила с ребятами постановку «Золушка», которая успешно была представлена на школьном празднике.

Хорошими помощниками для старшей пионервожатой школы были классные пионервожатые. Они много времени проводили с ребятами, организовывали не только школьные мероприятия, но и досуг. В нашем четвёртом классе пионервожатой была старшеклассница, комсомолка Рита Лебедева.

Школьной столовой не было. На большой перемене из столовой рыбокомбината, что напротив школы, приносили чай и пирожки. А еще работал в школе киоск, где можно было купить канцтовары: перья для ручки «звездочка» и «лягушка», карандаши, линейки.

Шла привычная школьная жизнь со своими проблемами, праздниками, победами и неудачами. Казалось, что впереди будет только хорошее, но эти мечты уже стали историей шестидесятилетней давности.

Прошло уже не одно десятилетие, как перестал существовать этот населённый пункт: сначала как поселок Большерецк, а потом и как совхоз «Октябрьский».

Всё также течет скромная, неширокая речка Набережная, только гуще заросли её берега высокой травой. Не отражаются на спокойной поверхности воды ни дома, ни мостки, время опустошило эти оживлённые в прошлом берега.

Уже трудно представить, что звучал когда-то над рекой школьный звонок, как надежда на будущее.

*О, милый Край,
Взор вдохновенный
Я шлю тебе, и не один.
Тебя забыть не сможет каждый,
Кто хоть немного, да здесь жил...*

1. *Джугашвили Г., Краева Г.* Исповедь красивой. М. : Внешторгиздат, 1997. С. 2.
2. *Смышляев А.* Камчатский край. Большеерецкие веси. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2011. 168 с.

Л. Ф. Черемискина (Шлычкова)

Ф. А. Черемискин (На заднем плане ул. Советская)

Калитины

Черемискины

Глушковы

Габдрахмановы

Здание школы № 6

Коллектив учителей (50-е годы)

Сёстры Черемискины (слева направо): Светлана, Надежда, Лариса

Военрук школы
Ф. А. Черемискин

Н. Н. Черемискина

На крыльце школы. Нижний ряд вторая справа Н. Н. Черемискина

В. А. Умеренкова с учащимися, 1955 год.

А. С. Сесицкая
ОПИСАНИЕ РЫБОКОМБИНАТОВ ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ
В МАТЕРИАЛАХ КАМЧАТСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
(1936–1937 гг.)

Начавшееся с середины 1920-х гг. активное промышленное освоение территории Охотско-Камчатского края требовало скорейшей разведки природных ресурсов, определения условий их промышленной эксплуатации, выявления специфики традиционных отраслей северного хозяйства.

Большое значение в изучении Камчатки сыграло Акционерное Камчатское общество (АКО), которое выступало координатором научно-исследовательской работы различных экспедиций по изучению края. В 1936 г. АКО добилось от Народного комиссариата СССР организации комплексной экспедиции в своих ведомственных интересах (1, с. 100).

В 1936 г. на полуострове работала Камчатская комплексная экспедиция. Работа экспедиции была организована в соответствии с приказом Народного комиссара пищевой промышленности А. И. Микояна от 11 апреля 1936 г. и проводилась по следующим основным направлениям:

1. Подробное сплошное обследование рыбного хозяйства и рыбоперерабатывающих предприятий АКО.

2. Выбор конкретных пунктов для сооружения портов в Авачинской губе, Усть-Камчатском и Корфском заливах.

3. Проведение изысканий в устье р. Воровской с целью составления проектного задания для строительства рыбоконсервного завода.

4. Изыскание трассы сухопутной дороги вдоль западного берега полуострова для составления эскизного проекта дороги.

5. Изыскание ископаемых стройматериалов на западном берегу.

Экспедиция состояла из пяти изыскательских партий и шести обследовательских «в составе до 100 человек инженерно-технических работников и до 200 рабочих» (2, л. 1).

Экспедиционная работа на Камчатке проводилась с июля 1936 по январь 1937 г. Обработка собранных материалов производилась в Москве в течение всего 1937 г. В ходе работы экспедиции были обследованы все рыбокомбинаты АКО, и по каждому составлена записка, содержащая подробное описание хозяйства, его перспективы развития, выводы и предложения. Обследование рыбокомбинатов включало в себя, помимо прочего, оценку состояния строений и сооружений, условий быта и труда рабочих. Встречается описание некоторых населенных пунктов, располагавшихся вблизи рыбокомбинатов. Записки сопровождаются картами и фотографиями.

Из рыбокомбинатов, находившихся в границах современного Усть-Большерецкого района, были обследованы: Озерновский, Большерецкий, имени Микояна (впоследствии Октябрьский), Митогинский, Кихчикский. Необходимо отметить, что рыбокомбинаты являлись крупными производственными комплексами и состояли из рыбоконсервного завода, нескольких рыбозаводов, баз и участков. Соответственно, при рыбокомбинатах складывались поселки, в которых жили рабочие и формировалась сопутствующая инфраструктура – школы, больницы, клубы, магазины, сельскохозяйственные фермы.

В материалах экспедиции отмечалось: «Большерецкий район Камчатской области представляет, вообще говоря, исключительное явление даже в нашей действительности. Его продукция составляет 681.000 центн. рыбы сырца (1934 г.), т. е. около 62, 9 % плана АКО, около 100.000 ящиков консервов, в т. ч. около 80.000 ящ. ценнейшей лососевой и крабовой продукции на экспорт. Мало какой другой из районов СССР (даже Мурманский, Приволжский и Прикаспийский) дает такое количество рыбы, причем рыбы ценнейших в массе экспортных пород, такого продукта, как краб и на сегодня сохраняющего свое экспортное значение. Вместе с тем Большерецкий район совершенно не устроен. Его границы пока даже не ограничены в натуре. На картах он имеет весьма неблагоприятную конфигурацию крайне вытянутой в меридиональном и узкой в широтном направлении территории» (3, л. 66).

Обследование рыбокомбинатов Усть-Большерецкого района началось в июле 1936 г. с Озерновского рыбокомбината и постепенно продвигалось на север вдоль побережья. Территория Озерновского рыбоком-

бината была самой протяженной и, как отмечалось, «распространялась на 70 км по побережью Охотского моря» (4, л. 31) С точки зрения сырьевой базы Озерновский рыбокомбинат являлся основным районом добычи и обработки нерки – наиболее ценного вида дальневосточных лососей. Именно это, по мнению участников экспедиции, создавало одну из предпосылок «исключительности и своеобразия Озерновского рыбопромышленного района» (5, л. 7).

В материалах экспедиции немало внимания уделено именно состоянию жилищного хозяйства и характеристике культурно-бытовых и социальных условий жизни людей на рыбокомбинатах. Экспедицией отмечались плохие жилищные и культурно-бытовые условия для всех рыбокомбинатов западного побережья: «Жилые постройки построены в непосредственной близости от предприятий, на песчаных „кошках“, лишенных растительности. Между тем, неподалеку от многих предприятий находятся гораздо более удобные для заселения территории, обеспеченные питьевой водой, покрытые богатым почвенным покровом, травянистой растительностью и мелколесьем. Вместо приятных для жизни, культурных поселков, на этих территориях созданы на неудобных морских „кошках“ безрадостные, лагерного вида, без возможности дальнейшего благоустройства поселки, способные убить одним своим видом всякое желание поселиться в них надолго» (6, л. 38об.).

Одной из самых острых проблем была жилищная. Особенно низкой обеспеченность жилой площадью была на Микояновском рыбокомбинате (он был самым крупным и населенным – численность его рабочих в 1936 г. составляла почти 1500 человек). В индивидуальных домах и домиках число живущих было крайне невелико. Жилфондом считались палатки, землянки и бараки, зачастую неблагоустроенные, плохо отапливаемые, недостаточно светлые. Индивидуальные домики тоже были не лишены недостатков, отмечалось, что «индивидуальные домики – гордость Микояновского рыбокомбината, сплошь сколоченные из свежей клепки, текут, пропускают ветер и холод в одинарную дверь, без тамбура, не имеют кладовок, огородов и т. д.» (7, л. 368).

В Кихчикском рыбокомбинате дело обстояло немногим лучше: домик был всего один и использовался для жилья административно-технического персонала комбината, рабочие жили в однотипных бараках коридорного типа. Ситуация была похожей и на остальных рыбокомбинатах – Озерновском, Большеерецком и Митогинском.

Именно в материалах по обследованию Микояновского рыбокомбината есть отдельное описание Усть-Большеерецка (в документах встречается и другое его название – Хайково).

Жилые постройки Усть-Большеерецкого района описываются как рубленные, досчатые, взысыпку, землянки, «крыши чаще из волнистого железа, реже – из дерева и еще реже – из травы» (8, л. 88об.). Участники экспедиции отметили, что при домиках есть «двухэтажные юкольники, узенькие полоски огородов и никаких оград» (9, л. 89). Около села распо-

лагался большой летний собачий стан. В селе были почта, клуб, столовая, школа. Население Хайкова – служащие, рыбаки, охотники и «люди, меняющие свои профессиональные занятия, еще не решившие, оставаться ли на Камчатке» (10, л. 91).

Несмотря на своеобразие жилищных условий, отмечалось, что на некоторых комбинатах были «вполне удовлетворительные общественные учреждения». На Микояновском был клуб, хорошая больница с зубопротезным отделением, парикмахерская. Летом для детей устраивали палаточный лагерь на р. Большой с яхт-клубом.

В поселке Озерновского рыбокомбината был большой клуб на 300 мест с библиотекой. В клубе имелось пианино и «прекрасные духовые инструменты». Часто ставили любительские спектакли, проводили выступления кружков художественной самодеятельности. В центральной поселке Озерновского рыбокомбината размещалась пятиклассная школа. Школьники проводили летние каникулы на Явинских ключах (11, л. 760).

Экспедицией отмечалось, что Озерновский рыбокомбинат располагает «исключительными природными условиями» – такими, как горячие сернистые и щелочные термы, которые, к сожалению, не используются для лечения рабочих.

Одной из главных проблем всех рыбокомбинатов западного побережья было отсутствие хороших дорог с районным и областным центром, или, хотя бы, регулярного морского сообщения вдоль побережья. Например, на весь Озерновский рыбокомбинат была всего одна грузовая машина (так называемая «трехтонка»), а в основном использовался конный и собачий транспорт. Причем наиболее активно использовались именно собаки – для перевозки леса, дров, сена, сельскохозяйственной продукции и, прежде всего, для пассажирских перевозок в зимний период времени. Отмечалось, что «устройство сухопутной дороги весьма затруднено в силу необходимости сооружения мостов», в свою очередь, «постройка мостов ввиду частого изменения реками своих устьев представляет значительные инженерные трудности и требует производства специальных работ по изучению, как режима рек, так и гидрографических особенностей прибрежной полосы», поэтому устраивали паромные переправы (12, л. 166). У Акционерного Камчатского общества был также свой авиаотряд с несколькими гидросамолетами, но эффективность такого вида транспорта была невелика в силу его малой грузоподъемности.

Больше остальных своей неустроенностью и малолюдностью поразили участников экспедиции Митогинский рыбокомбинат. Общая численность рабочих на момент прибытия туда экспедиции составляла 764 человека. Ближайшее к нему селение Утка было тоже немногочисленным и насчитывало всего 33 человека (13, л. 64). В материалах экспедиции присутствует такая характеристика: «Если некоторые исследователи относят Камчатку к числу наименее населенных мест не только СССР, но и земного шара вообще, то район Митоги в этом отношении зани-

мает одно из выдающихся мест побережья полуострова» (14, л. 125). В описании комбината отмечалось, что на побережье в районе Митоги «наблюдаются ветры, временами достигающие значительной силы и сопровождаемые в осенне-зимнее время частыми штормами», которые приносили с собой значительные разрушения. Например, в 1935 г. в результате шторма была смыта контора комбината, два барака, магазин, лебедка, пекарня, засольные сараи, подмочена и смыта рыбопродукция (15, л. 51).

Участники экспедиции также стали свидетелями серьезного шторма 17 сентября 1936 г., при этом отмечалось, что «участвуя в аврале 17.09.36 г. следует засвидетельствовать образцы исключительно высоко-го примера поведения масс рабочих и руководства комбината. <...> Часы значительной опасности от заливавших комбинат шквалов характеризуются[,] бесспорно[,] высокой трудовой дисциплиной почти всех участников аврала. <...> Возможно[,] это объясняется тем, что на комбинат крепких спиртных напитков вообще с 1936 г. в организованном порядке не завозилось, то все время там господствует значительная трезвость, а как ее следствие – и несравненно более высокая, чем в других местах и в другие моменты, трудовая дисциплина» (16, л. 280).

В целом, по результатам обследования рыбокомбинатов, состояния сельского хозяйства, экспедиция оценивала Усть-Большерецкий район как крайне перспективный. Присутствует и такой оригинальный вывод, сделанный экспедицией: «по всей совокупности вопросов животноводства Озерновский район, Западное Побережье, как и весь Камчатский полуостров в целом, могут быть реконструированы, при соответствующей постановке вопроса, в территорию, являющуюся чем-то вроде советской „Новой Зеландии“. Молока, сливок, сыра, копченостей и пр. на Камчатке может быть получено не меньше, чем рыбы» (17, л. 158).

1. *Ильина В. А.* Акционерное Камчатское общество в хозяйственном освоении и развитии Камчатки в 1927–1941 гг. Петропавловск-Камчатский : Камч. гос. ун-т им. В. Беринга, 2013. 279 с.
2. КГКУ ГАКК. Ф. Р-541. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
3. Там же. Д. 12. Л. 66.
4. Там же. Л. 31.
5. Там же. Л. 7.
6. Там же. Д. 2. Л. 38об.
7. Там же. Д. 10. Л. 368.
8. Там же. Л. 88об.
9. Там же. Л. 89.
10. Там же. Л. 91.
11. Там же. Д. 13. Л. 760.
12. Там же. Д. 12. Л. 166.
13. Там же. Д. 9. Л. 64.
14. Там же. Л. 125.
15. Там же. Л. 51.
16. Там же. Л. 280.
17. Там же. Д. 12. Л. 158.

В. В. Татауров
СОБЫТИЯ ОБОРОНЫ КАМЧАТКИ
ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.
В ПОЭМЕ «НА САМЫХ ДАЛЬНИХ БЕРЕГАХ»

События, описанные в поэме «На самых дальних берегах» происходят в городе Петропавловске-Камчатском и на западном побережье полуострова Камчатка в период Русско-Японской войны 1904–1905 гг.

Прологом к поэме послужила история о чугунном надгробье и кресте ополченцу Ксаверию Бируле, установленным в 1910 г. на месте гибели смертельно раненного ополченца на побережье Охотского моря. Памятник был установлен, по словам старожилов, на средства рыбопромышленника С. Грушецкого. После 1917 г., в связи с известными событиями, за могилой православного ополченца никто не ухаживал.

*За Русь, за Царя и за Веру!
С берданкой идти на войну
Собрался Бируля Ксаверий,
Детей приласкав и жену.*

Полвека назад неустановленными вандалами было произведено окончательное разрушение могилы погибшего ополченца. Чугунное надгробье с надписью «Здесь похоронен дружинник крестьянин Ксаверий Бируля, убитый на реке Озерная 17 июля 1904 года» без креста было обнаружено в пос. Озерная.

По информации администрации Усть-Большерецкого муниципального района, в настоящее время установлено местонахождение захоронения ополченца Ксаверия Бирули, и надгробье с надписью установлено на исходное место. К сожалению, чугунный крест не найден.

Действие поэмы начинается 22 апреля 1904 г. в Петропавловске-Камчатском, куда было доставлено в виду отсутствия радиотелеграфной связи сообщение (полетучка) о начавшейся войне Японии с Россией. Петропавловским уездным начальником А. П. Сильницким принято решение о создании отрядов народного ополчения для защиты поселений и водных ресурсов полуострова от возможного разграбления японскими захватчиками и браконьерами. Для этой цели со складов каждый участник ополчения получил огнестрельное оружие с боеприпасами.

*Четыре тысячи стволов Бердана
Хранятся в Петропавловских складах.
Пусть каждому винтовка, как подарок!
Японца не подпустим никогда!*

Ранее А. П. Сильницкий, приступив к исполнению обязанностей уездного начальника Петропавловска-Камчатского, первым делом взялся за наведение порядка в торговле алкогольной продукцией в связи со спаиванием местного населения и приобретением за бесценок мехов и меховых изделий предпринимателями. В связи с этим в городе недоброжелателями был распущен слух о сумасшествии А. П. Сильницкого.

*И обороной сам Антон Петрович
Сильницкий,
и уездом управлять
Как прежде будет.
О его здоровье
Торговцы спиртом предпочли молчать.*

Заместителем А. П. Сильницкого выбран М. И. Сотников, офицер, ранее откомандированный на Камчатку из г. Хабаровска.

*С дружиною встречать гостей незваных
И для принятий чрезвычайных мер
Назначен Сотников Максим Иваныч –
Чиновник, в прошлом унтер-офицер.*

Визави к названным героям поэмы выступают сторонник либеральных преобразований в России, уездный начальник Командорских островов Н. А. Гребницкий и приказчик Камчатского торгово-промышленного общества, гражданин Японии Сечи Гундзи.

*Кто из вас не знает Гундзи Сечи?
На Камчатке всем известен он.
Кто-то говорит, что он разведчик.
Кто-то говорит, что он шпион.*

Установлено, что Сечи Гундзи являлся морским офицером императорского флота Японии. В 1890-х годах он активно занимался переселением в село Явино на Камчатке населения острова Шумшу гряды Курильских островов, переданных Японии согласно Трактату, заключённому между Россией и Японией 25 апреля 1875 г.

*Гундзи от Чукотки до Лопатки
Изучил наш беззащитный край.
Подарить Японии Камчатку
Только настоящий самурай
Сможет. И в камчатском захолустье
Вьётся флаг японский, господа.
Здесь, на речке Озерная, в устье*

*Встали рыболовные суда.
Выгрузили пушки и снаряды
И идут под видом рыбаков
В Явино японские отряды,
По числу – сто пятьдесят штыков.*

Таким образом, 4 июня 1904 г. отставные офицеры японской армии десантировались на западном побережье Камчатки и направились в село Явино, где им были известны все жители, переселённые с острова Шумшу. Не исключено, что жителям села Явино могло быть предоставлено под угрозой смерти гражданство Японии. А там недалеко и последующее отделение Камчатки от России по итогам Русско-Японской войны. Однако жители села Явино, помня зверства японцев на острове Шумшу, в ужасе голодными и раздетыми бежали из села, совершив беспримерный многодневный переход по заснеженным сопкам в ближайшее селение Галыгино. А в селе Явино на колокольне часовни развевался японский флаг и установлен столб с доской с надписью: «Смысло на этой тын писаних слов: именно эта земля уже принадлежит Японии, поэтому кто кого трогает будет убиты. Командир японской войска Сечи Гундзи».

В ночь 17 июля 1904 г. отряд ополченцев в количестве 88 человек под командованием Сотникова М. И. совершил атаку на японский лагерь.

*...Сотников поднялся во весь рост
И пошли в атаку ополченцы.
Взяли самураев на испуг.
Тех, кто не успел вооружиться,
Бил Ксаверий наотмашь с двух рук
Мастеров приёмов джиу-джитсу.
Словно удобрял он огород
Под картошку... только дура-пуля
Вдарила исподтишка в живот.
И внезапно ослабел Бируля.
Так и не поднялся он с колен.
Так и не увидел, как в мундире
Сечи Гундзи взята в позорный плен
Без банзаев и без харакири.*

Отряды ополченцев приступили к уничтожению многочисленных банд и десантов численностью до 200 человек, вооружённых американскими винчестерами браконьеров на всех реках западного и восточного побережий Камчатки и Командорских островах.

*Пять шхун сетями устье перекрыли.
От хищников – непрошенных гостей –
На милю всё бело от снулой рыбы,
Что выбросили в море из сетей.*

*...Да, храбрецами, братцы, Бог владеет!
И меткости стрелкам не занимать,
Чтоб знали справедливость нашу в деле!
Спасай своих детей, япона мать!*

*...Пошёл по Иче лосося ход рунный!
Танцуйте, ительмены, Норгали!
За вас на рейде полыхают шхуны.
Дружинники сжигают корабли.*

Однако борьба защитников Камчатки за природные ресурсы с японскими браконьерами натолкнулась на противодействие со стороны изменников и прояпонски настроенных чиновников. В частности, уездный начальник Командорских островов Н. А. Гребницкий в разговорах с А. П. Сильницким неоднократно напоминал:

*...А ты создал какие-то дружины
И убиваешь мирных рыбаков.
Они бегут от страха и бессилья
Прочь от твоих бандитов и громил.
В каком ты виде выставил Россию?
А что о нас подумает весь мир?
С дружинами ты дал, конечно, маху.
Я буду срочно ружья изымать!*

По наветам недоброжелателей А. П. Сильницкий отстранён от должности. И как сказал Н. А. Гребницкий в разговоре с пленённым Сечи Гунзи:

*Живите без забот и без опаски.
Не надо замышлять от нас побег.
Начальником уезда будет Павский –
Мой друг и распрекрасный человек!*

Через некоторое время Сечи Гунзи уедет из места заключения в селе Мильково в Японию, так как ему «для здоровья вреден камчатский климат».

*... соболей скупают за гроши.
Нет Сильницкого.
Начальник Павский
Спирт и водку снова разрешил.*

25 августа 1905 г. в американском городе Портсмут был заключен мирный договор между Японией и Российской империей. По этому пове-

ду Государю Императору благоугодно высочайше повелеть: «объявить камчадалам, вооружившимся для защиты края во время последней войны, благоволение Его Величества, и тех из них, которые участвовали в бою, наградить медалями, установленными в память минувшей войны, на Георгиевской ленте». А спустя несколько лет

*...Советов власть отметит их отвагу –
Другому неповадно было чтоб:
За крест гвардейский – десять лет ГУЛАГа.
А если недоволен – пулю в лоб.*

Через год, 18 июля 1906 г., при обследовании реки Воровской на предмет браконьерского лова рыбы японскими рыбопромышленниками, были злодейски убиты работник рыболовного надзора, кавалер ордена св. Анны подпоручик Сотников М. И. вместе с тринадцатью бывшими дружинниками – жителями села Соболево.

Заканчивая данную статью, хочу полностью процитировать заключительную главу поэмы под названием «Наше время»:

*Наш век цветных и прочих революций,
переоценок мировой войны.
И вот уже в процессе эволюций
нет той России, той былой страны.
Не ворошу Отчества могилы,
но мне порою трудно не связить,
как наш российский президент Курилы
хотел японцам спьяну подарить.
Зачем они, стране восхода солнца?
У них к ресурсам нашим нет преград –
на рынках в изобилие у японцев
с Камчатки рыба и камчатский краб.
И сколько ни писали бы газеты –
вокруг Камчатки, принося доход,
почти полвека дрейфтерные сети
перекрывали к рекам рыбоход.
Так от безрыбных берегов народы
совсем ушли, не совладав с бедой.
Заброшенных барачков, рыбзаводов
проёмы стен зияют пустотой.
А нас опять надежды обманули,
осталась только память о былом.
С могилы крест Ксаверия Бирули
потомки сдали на металлолом.*

Л. Н. Утёнышева ЗДЕСЬ РОДИНЫ МОЕЙ НАЧАЛО

Внимательно всмотревшись в территорию, которую занимают сегодня два поселения – Запорожское и Озерновское, с удивлением понимаешь, насколько удачно выбрали люди место для житья. То и удивительно, что очень долго на берегах реки Озерной не было слышно голосов и смеха. Ещё в конце XIX века река была пустынной. И здесь не было даже камчадалских селений. Они появились на берегах реки Явиной, а сюда люди прибывали только чтобы порыбачить.

И лишь в конце XIX века юго-западную Камчатку начали осваивать рыбопромышленники, в большинстве японские.

О Русско-японской войне Камчатка узнала в апреле 1904 года – через три месяца после ее начала. Уездный начальник Антон Петрович Сильницкий не сомневался, что как только растают льды в бухте, японцы начнут захват Камчатки. Воинских частей к тому времени на полуострове уже не осталось, и противостоять японцам было практически нечем. Полсотня бойцов да несколько винтовок на складах. Благо, в Петропавловске оставались несколько отставных офицеров. К винтовкам системы «Бердан» был приставлен старший унтер-офицер Максим Иванович Сотников, прибывший специально на Камчатку обучать казаков обращаться с новым оружием. И в начале мая почти во всех устьях речек были выставлены заставы, которые установили связь с населением. Ждать пришлось недолго.

6 мая четыре японские шхуны подошли к устью реки Озерной. С них высадился отряд в 150 человек под командованием лейтенанта императорского флота Сечи Гундзи. Места там были пустынные, японцы стали лагерем, окопались, подняли знамя и выставили полевое орудие. Два жителя Явино заметили японцев и, следуя приказу уездного начальника, предупредили жителей селения. Жители ушли в хребты. Только через несколько дней японцы предприняли вылазку из своего лагеря и небольшой группой дошли до Явино. Увидев село пустынным, они через несколько дней прибыли сюда всем отрядом. На крыше часовни водрузили японский флаг, рядом с часовней вкопали столб, на который повесили доску с надписью, означающей, что эта земля принадлежит Японии, и кто её тронет, тот будет убит. Около полутора месяцев японцы занимали Явино. Дальше вглубь полуострова они двигаться не решались. За это время к устью реки Озерной были подтянуты дружинники под командованием унтер-офицера Максима Сотникова, и морем подошла дружина из Петропавловска, и подошли дружинники из долины реки Камчатки. Всего собралось 88 бойцов. Они наголову разбили японцев и те отступили к своим шхунам. Было захвачено японское знамя, взяты в плен сам Гундзи и его солдаты. В том бою был тяжело ранен русский ополченец Ксаверий Бируля, который скончался по дороге в Яви-

но. По обычаю местных жителей Бирулю похоронили на месте смерти, прямо в тундре на берегу Охотского моря у Глиняного мыса. Его боевые товарищи, пришедшие в Явино, сняли японскую доску и знамя. На доске сделали свою надпись: «Снята 17.07.1904 года. М. Сотников. с. Явино». И теперь все, кто едет берегом в Озерновский или обратно, встречаются на своём пути уже отреставрированное местным краеведом Виктором Григорьевичем Спичаком и его друзьями надгробье. Так что, дорогие друзья, Большерецкая земля тоже познала доблесть сражения за независимость России.

Но японцы – народ хитрый и наглый. И они прямо оккупировали берега Камчатки. Лишь в 1907 году кое-как удалось урегулировать их промысел подписанием Конвенции о рыболовстве, по которой все речные участки бесплатно или на льготных условиях сдавались исключительно подданным России. Японцы ещё долго пытались хитростью и обманом влезть в реки, но больше работали со ставными неводами на море.

И в этот период рыбалки на реке Озерной по правой стороне были сданы промышленнику С. Грушецкому, но он ими воспользоваться не сумел из-за поселенцев с Украины. Их привез сюда купец Иван Афанасьевич Потужный. Он в 1906 году уже рыбачил на Озерной, и решил на такие богатые пустынные земли привезти родственников и знакомых и зажечь припеваючи, сдавая рыбу японцам. Он даже подписал договор с японским промышленником Ясаки. Но, отправив колонистов на Озерную в мае, он летом того же 1907 года узнаёт о подписании Конвенции, по которой японцев к реке не подпускают, решил отказаться от договора, и колонисты остались обманутыми и вообще предоставленными сами себе. Они остались зимовать в устье реки Озерной. Оттуда весть о положении колонистов дошла до Петропавловска, где рассмотрели вопрос и приняли решение – отобрать рыбалки на правом берегу у Грушецкого и отдать первопоселенцам, основателям села Запорожье. Грушецкий обосновывается на левом берегу реки Озерной, делает там рыбалки, а потом в 1914 году строит завод. Вот так и разделила река два поселения.

Расцвет работы рыбоконсервных заводов вообще, и на реке Озерной, пришёлся на годы Первой мировой войны, когда закупки увеличились многократно. Но война перерастает в гражданскую смуту, а затем в гражданскую войну, и жизнь усложняется. Пользуясь этим безвременьем и безвластием, японцы начинают нагло грабить камчатские воды и теснить русских промышленников. До 1925 года доживает только один русский рыбоконсервный завод Грушецкого в Озерновском. Встать на ноги русским рыбопромышленникам на Камчатке не помог и НЭП, так как государство зачастую входило в долю с частным капиталом на невыгодных условиях для последнего. Примером неудавшегося смешения капиталов является АО «Дальморепродукт», созданное 30 мая 1923 года государственным ДальГосРыбпромом и частным Торговым домом

М. М. Люри. Он находился в 8 километрах к югу от устья реки Озерной и имел две линии, настроенные на плоские фунтовые банки консервов. Общая производительность линий – 180 банок в минуту. Люри не смог приобрести рыболовные участки и уступил завод Акционерному Камчатскому обществу. Это случилось в 1930 году.

В 1933 году после двухгодичной реконструкции завод вступил в строй, получив порядковый номер 13 (будущий РКЗ-56), который вошёл в состав Озерновского рыбопромышленного комбината как рыболовная база № 3. В её составе были 5 рыболовных участков и рыбоконсервный завод № 13. Его называли ещё Южно-Озерновский РКЗ № 13. Но для меня он стал малой родиной под названием «третья база». Именно сюда в 1933 году приехали из города Самары молодой Николай Утёнышев и байкальская девушка Федосия Оскорбина. Отсюда начинается биография всех Утёнышевых, общий стаж работы которых на рыбоконсервном заводе составляет более 100 лет.

Раз появляется промышленное предприятие, значит, появляется рабочее поселение. Значит, строятся дома. Конечно, быстрее строились территории основного завода – Озерновского. Но когда я осознанно начала понимать, что есть наше поселение, то в памяти остались совсем не грязные дороги и убогие землянки. Поселение располагалось в долине реки ниже уровня моря, и его отделял от моря песчаный увал. Дома были деревянные, барачного типа. Они стояли в ряд друг за другом. Входы были с обеих сторон. В подъезде по две квартиры. У нас было две комнаты – кухня и комната. Кухня большая, это была вотчина матери – кровать, большой сундук с вешалкой, где я очень любила прятаться в одеждах, два стола, печка, умывальник. Мальчишки спали на полу в комнате, я с мамкой. У отца своя кровать, с досками вместо пружин. Почему-то она ему очень нравилась. Позднее мы пробили дверь в соседнюю освободившуюся квартиру, где поставили каждому по кровати. Это был рай.

Баракы за нами были такие же. Самым лучшим барачком был дом, где с одной стороны жил директор завода, а с другой был детский сад. В селе был клуб, библиотека, больничка, аптека, магазин, позднее построили пекарню, где мы с подружкой ходили греться на полатах – там работала её мать, поесть обалденно пахнущий хлеб и попить свежий квас. Имелась контора завода, куда приехали на работу молодые специалисты, и мы сюда носили на продажу молоко. А вот сельского Совета не было. Все акты гражданского состояния регистрировались в Озерновском, за 8 км от нас. И брак отца с матерью был зарегистрирован официально только в 1947 году – после войны, и уже при наличии 4-х сыновей. Но это не помешало им потом родить меня, и мать получила медаль «За материнство».

Жилья не хватало, и приезжающим на путину сезонным рабочим ставили большие палатки человек на 10–15. Я очень хорошо помню, как и где они стояли, и мы бегали подглядывать в окна.

Территория рыбозавода на 3-й базе выходила к морю и не имела никаких ограждений – их просто невозможно было бы сделать. Поэтому мы с ребятами бродили практически по всей территории, кроме внутренних цехов завода, хотя тогда, когда нужно было пробраться к папке, всё это было возможно.

Именно поэтому мы были свидетелями очень многих технологических процессов, которые происходили на берегу моря и вокруг завода. Мы не знали, как это называется, но когда я читала книгу Владимира Бирюкова «Камчатка: моя жизнь и судьба» с описанием многих процессов, явлений, событий, я чётко представляла, как это происходит. Мы были практически во всех цехах. Однажды, помню, я вместе с братьями бродила по навалу рыбы на пристани, мы собирали сердечки. Первое моё воспоминание из детства, связанное с заводом, работой отца и его земляков – это лодки с рыбой, которые тащили на берег. Это были кунгасы. На берегу принимали кунгасы с рыбой так называемые курибаны (приёмщики плавсредств).

Оказывается, этот вид работы был самым трудным во всем технологическом процессе рыбозавода того времени. Кратко его описал в своих воспоминаниях Владимир Бирюков: «Кунгас с рыбой подавали кормой к берегу и курибаны должны были вытащить его к пристани, чтобы разгрузить привезённый улов. А пристань находилась на таком расстоянии от воды, чтобы её не доставали шторма. Поэтому заводили к кунгасам трос от лебёдки и подтягивали по деревянным круглым покатам на специально уложенные плахи. Покаты вытаскивались из берёзы, чтобы были цилиндрическими, как стержни. Под покаты укладывали в длину плоские берёзовые плахи в две нити, чтобы кунгас катился по ним ровно, без лишних помех. Рыба в кунгасах находилась в сетках со стропами. Когда кунгас подтягивали к причалу, поднимали сетку за один строп, и рыба высыпалась на причал. Для подъёма сеток стояла мачта со стрелой. Пустой кунгас откатывали к воде, а рыбу на транспортёрной ленте отправляли на засол к чанам».

Категория рабочих курибан была в то время на всех рыбозаводах, базирующихся на морском берегу. Они принимали с моря на берег катера, кунгасы, плашкоуты и другие плавучие средства. И работать приходилось курибанам совсем нередко в экстремальных условиях. Особенно сложно загружались, когда на море были ставные невода.

Представьте: на нашем море причалов нет, невод, лодка, недалеко стоит грузовое судно под разгрузкой, плашкоут... Кунгас и плашкоут – эти плавсредства самостоятельно не ходят, их тащит катер. Сложно было особенно осенью в шторма, когда нужно было курибанам и лебёдчикам быстро, без суеты всё поднять на берег. И делали это профессионально и решительно. При этом оказывается, что кунгасы подходили к берегу не носом, а кормой. На гребне волны. И также выходили на берег катера из воды. На первой волне в пучину бросался обычно бригадир, привя-

занный сам верёвкой, цеплял тросом катер. И лебёдка начинала тащить его дальше на берег. Конечно, применение лебёдки намного ускорило процесс разгрузки рыбы, но это было и не совсем безопасно. Можно представить с какой силой летел конец троса, если ему вдруг случилось разорваться... И однажды мы слышали на пристани, как рассказывали, что кому-то из рыбаков тросом перерезало ногу.

Конечно, механизация процессов только ещё набирала силу, о применении электроэнергии в помощь даже речи не было, потому что дизельные электростанции были маломощные, да и не было специалистов энергетиков. Я очень хорошо помню, что свет очень долго был только до 24 часов.

Вот на такую работу был принят Николай Семёнович Утёнышев, когда в марте 1933 года завербовался Акционерным Камчатским обществом (АКО) на Озерновский рыбоконсервный завод № 3, поработав ловцом трески и бойцом охраны 2 года. В 1935 году Николай Семёнович переводится приёмщиком кунгасов и работает здесь перед войной и в военное время.

Трудовая книжка подтверждает, что приёмщиком кунгасов Николай отработал до августа 1946 года, затем получил самый высокий разряд слесаря-ремонтника – седьмой, и с этой записью трудился до закрытия 3-й базы и перешёл на основной завод – Озерновский. В 1968 году он ушёл с родного Озерновского завода на пенсию.

Дата образования Озерновского рыбозавода обозначена 1928 годом, отец приехал в 1933-м, т. е. в его становлении и развитии он принимал самое непосредственное участие.

Сложности в становлении рыбозаводов были очень большие. Прежде всего потому, что не хватало квалифицированных кадров. Привезённые первые рабочие с материка оказались совершенно непригодными ни для какой работы, не говоря уже о ловле трески, краба – люди не умели управлять кавасаки. Из-за этого лодки часто выходили из строя. Любую квалифицированную рабочую силу ставили на рыбоконсервное производство в цеха. Рыбалка доставалась неграмотным рабочим, японские котировались гораздо выше, чем русские.

Делая из этого выводы, руководство АКО решило более тщательно подходить к подбору людей во время вербовки. Для этого стали направлять на материк своих заводских специалистов. И особенно это было важным для найма людей на рыбоконсервное производство. Процесс здесь потихоньку механизировался, а эксплуатировали механизмы неграмотные неквалифицированные работники. Когда сезонные рабочие уезжали, то никто не мог подготовить специалистов для следующего сезона. А уезжали ещё и потому, что не было жилья – жили в землянках и засыпных бараках. Я думаю, и наши тоже начинали с землянок, потому что в одну из таких мы заходили на пирожки даже перед закрытием базы – а это 1960 год. Вот как вспоминает 3-ю базу Зинаида Андреевна

Дарьяшина, приехавшая сюда в 1946 году: «...палатки да бараки. Ходили в американских ботинках, только и знали, что работали. Утром съешь кусок хлеба, остальной день на рыбе, палатки не утеплённые, топили каму всю ночь, по очереди, постель не выдавали, спали на фуфайках. Давали талоны, по которым можно было что-то купить. И всё-таки здесь было лучше».

Начиная с 1933 года АКО прекратило принимать на работу японцев. И в Озерновском стали работать только соотечественники. К этому времени удалось вырастить с десятков своих специалистов, которые остались здесь жить постоянно, и в зимний период трудились на разных работах. Круглый год здесь находились и руководители, и их заместители. Посёлок разрастался. Началось строительство жилья. И когда я осознанно воспринимала своё житие как ребёнка, то помню, что у нас уже были те объекты, которые я перечисляла выше. А ещё были два здания школы. Одно в низине, другое на сопке. Которое в низине, стояло напротив нашего дома, и первая большая перемена наполняла кухню гомоном ребят, стуком ложек и вилок – это мамка на огромной сковороде подавала всему классу завтрак.

Первая путина 1934 года из-за нехватки рабочих оказалась очень напряжённой, и руководству пришлось привлечь и иждивенцев. Надо сказать, что и в то время консервы уже готовили на экспорт, и в путину 34-го года они после проверки получили похвалу у руководства Камчаткой.

Вместе с тем, в 1935 году в присутствии группы обработки из управления АКО под руководством Б. В. Крюгера, Николай Андреевич Огребя – на то время технический директор Озерновского завода, выступив на совещании, назвал очень много причин, по которым завод работает слабо. Это и не отвечающие требованиям засольные цеха, это грязная привозимая соль, которая ещё и завозится поздно, значит, надо строить хранилище для неё. Чаны для засолки рыбы сооружали из брезента, закрывали рогожей, куда ветер потом чего только не заносил. Не хватает квалифицированных кадров для разделки трески. Нет хранилищ для медицинского жира. Всё это говорило о том, что подходы к производству устарели. А ведь это пищевая продукция, где всё должно быть на высоте, от производственного процесса до санитарии. Не хватает пиломатериалов, круглого леса, обыкновенных гвоздей, рубероида, краски, металла. Не было сварки и специалистов-сварщиков. Если к этому добавить отсутствие запасных частей и всего, что требует реконструкция, то становится понятным, почему заводы ветшали, изнашивались. То есть встал конкретно вопрос о закреплении кадров на комбинате, о его техническом оснащении и реконструкции. Всё это требовало не только повышения качества продукции, но и жёсткой трудовой дисциплины. Большинство понимали веление времени в обновлении, но кто-то видел в этом и плохое в конце 30-х годов – происки врагов народа.

В 1937 году Георгий Граждан – директор завода, будучи во Владивостоке на учёбе, попадает в списки «японско-троцкистских» шпионов, был «разоблачён» и репрессирован. На его место ставят Николая Огребу. Через два года меняются руководители ещё дважды. Великую Отечественную войну жители 3-й базы встретили с Иваном Евдокимовичем Ассооровым, а завершили с Николаем Огребой. Он уволился только в 1948-м году. Его очень уважали. Но тогда Николаю Огребе тоже досталось. «Срывщик колхозного лова» – так его назвал парторг завода Петров, который писал о том, что Огреба не принимает рыбу у колхоза. Позднее его отругали публично за то, что он из комбината не вывез 400 человек сезонных рабочих, которые прозябали в палатках до февраля 1938 года, отказываясь даже от временной работы, которой было полно. Рабочим не хватило места на пароходе осенью, а позже их не вывозили из-за отсутствия в Петропавловске угля для пароходов, но люди, конечно же, винили директора рыбокомбината. Николаю Огребе досталось, но он всё это пережил, и более того, работал честно и добросовестно. В 1943 году он был награждён орденом «Знак Почёта».

Подтверждением тому, что не совсем всё было гладко, и были на то объективные и субъективные причины, стало совещание в марте 1940 года при Крайкоме ВКП (б) по камчатским вопросам, где речь шла о развитии сельского хозяйства на Камчатке. И здесь привлекает следующая фраза: «...за один только 1939 год с/х продуктов на Камчатку завезли 120 тонн, вместо того, чтобы на Камчатку, особенно на западное побережье, везти уголь, соль, снаряжение...» Т. е. вставал вопрос о развитии своего сельского хозяйства, а доставлять сюда то, чего здесь нет. Ведь если по овощам общесоюзная норма потребления была 75 кг, то на Камчатке 6 кг. И Усть-Большереецкий район назывался в числе тех, где развивать сельское хозяйство можно и нужно.

В этот период у отца сложились хорошие отношения с товарищами по работе. К сожалению, 30-е и военные годы как-то умалчивались не только у нас в доме. Я никогда не слышала рассказов отца о том времени. Это всегда было интересно. И в исторических заметках были рассказы только о том, что все работали не покладая рук. Но в последние годы стали рассекречивать документы НКВД. И они печатались в газете «Рыбак Камчатки». И вот в одном из номеров была большая статья про наш район. Как раз про период окончания 30-х. Из неё я узнала, что в то время действительно наблюдались безалаберность и бесхозность не только в районах. Был обозначен факт не вывоза рабочих и ситуация с не завозом продуктов и материалов. А связано это было с тем, что когда пароход загружается товаром, то на дно в его трюмы складывают грузы для последнего порта, а наверху те, которые выгружать первыми. В тот же раз было наоборот. Кто-то недобросовестно подошёл к организации загрузки парохода, и грузы, предназначенные для нашего района, ушли на север. Понятно, что они были испорчены. Наступил голод, начиналась

цинга. Поэтому возникло такое ощущение, что про то время не рассказывали сознательно, в целях собственной безопасности.

Были случаи, когда оставшиеся на постоянном проживании сезонные рабочие хотели строить домики, для возведения которых завод продавал ящики, одноцентнеровые бочки из-под соли. Но очень дорого. Их никто не покупал. Можно было взять кредит, и деньги на это завод имел целевые, но для кредита банк требовал оформления документов через нотариуса или заверение их судом. Но даже в Озерновском не было в то время ни нотариуса, ни суда. Что уж говорить про 3-ю базу.

Я очень хорошо помню всех, кто работал с отцом. Имена некоторых забыла, но лица их были пронесены через всё мое детство и младший подростковый период – Николай Юрлов, Володя Ларин, Беспалов, Юра Ким, Володя Шишкин, Толик Ерышев, Кондауров, Бурыкин, Гричишкин, Байкалов, Неведомский, Кулагин, Устюжанин, Ярков, Толик Расходчиков. Это всё представители рыбоконсервного завода базы № 3 Озерновского рыбокомбината. Большинство из них, в том числе и мой отец, получили впоследствии бронь и работали на заводе в период Великой Отечественной войны. К вопросам бронирования в тот период относились очень строго. Вот выдержка из Докладной записки заведующему военным отделом Хабаровского краевого комитета ВКП (б) Ефимову от заведующего военным отделом Камчатского обкома ВКП (б) Шевцова «Об итогах перерегистрации военнообязанных запаса»: «...В период перерегистрации было выявлено ряд фактов неправильного забронирования специалистов и рабочих за производством. Так по Большерецкому району было выявлено, что начальник районной конторы связи т. Байнов представил списки на бронирование 7 человек, а райвоенкомат не проверил по существу, кого бронирует, формально подписал на всех ... удостоверения об отсрочке. При регистрации было выявлено, что... т. Золотницкий был забронирован как начальник телеграфа, а фактически он работает старшим радистом...»

Что время тогда было очень неспокойное, говорят выдержки из письменного отчёта о работе Большерецкого районного Исполнительного Комитета за период с 1 января 1937 года по 1 января 1938 года: «...живя на границе в окружении стран вражеских рабочему классу, мы должны помнить, что интервенция сейчас, когда завершено построение бесклассового социалистического общества, точит свои зубы на СССР и в особенности на Камчатку, которую Япония привыкла считать своей колонией, орудовавшая здесь банда Адамовича вела работу по организации автономной Камчатки, но эта подлая идея не удалась и враги народа, хотевшие сделать цветущую Камчатку колонией Японии, понесут суровую кару перед пролетарским судом».

И люди самоотверженно работали, рожали детей, вовлекались в стахановское движение. Прогремело в то время имя Жени Кабуновой (мама нашей землячки Серебrenниковой Валентины Ивановны), которая

работала на резке рыбы. Она была тогда в числе 155 человек, которые стали лучшими и внесли большой вклад в развитие завода, и награждена почетным знаком «Отличник рыбной промышленности». Позднее в 1943 году – медалью «За трудовое отличие». Судьба свела наших родителей и потом нас с Валентиной Ивановной.

Почему-то время Великой Отечественной войны не вошло в историю рыбозавода № 3 фотографиями. Может потому, что в тот период, когда путались день и ночь, было не до фотографий, а корреспонденты доезжали только до центрального комбината – Озерновского. Но нет сомнения в том, что в общей сводке добычи рыбы и выработки консервов Озерновским рыбокомбинатом, есть вклад и тружеников 3-й базы. За выпуск консервов высшего сорта Озерновский рыбозавод в 1942 году получил переходящее Красное Знамя.

По данным историка рыбной промышленности Камчатки С. В. Гаврилова, в 1943 году на Озерновском рыбокомбинате трудились 630 человек рабочих, 20 учеников, 41 инженер и техник, 53 служащих, 45 обслуживающих. Но людей все равно не хватало. Нехватка людей компенсировалась за счет домохозяек, и в мае 1943 года Камчатский облисполком принимает решение о трудовой повинности трудоспособного населения на путину на рыбокомбинатах АКО. Привлечённые для работы получали продуктовые карточки наравне со штатными работниками, обеспечивались питанием в столовой. В это число попала и моя мать, которая вместе со всеми работала на засолке, мойке рыбы и других процессах.

Полученные работниками награды, и в том числе моим отцом – «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», подтверждение, что победа ковалась и в тылу. И жили здесь также по режиму военного времени.

Участие наших земляков в Великой Отечественной войне, и в том числе тружеников Озерновского завода, вам известно. Факты имеются в архивах фонда нашего музея и изложены в книге Александра Смышляева «Озерновский рыбоконсервный завод № 55».

Почему-то бытует мнение о том, что на Камчатке люди пережили войну совсем даже неплохо. Поэтому я хочу немного коснуться материалов, раскрывающих жизнь Камчатки в тот период и, в том числе, Озерновского рыбокомбината.

Август 1941 – указание директорам предприятий по приведению в боевую готовность предприятий и учреждений Камчатской области: «...иметь оборудованные щели для укрытий, произвести камуфляжное окрашивание фасадов или маскирование этих объектов...»

Декабрь 1941 – «...перевести всех рабочих, служащих, инженерно-технических работников предприятий АКО, а также рыбаков рыбохозяйственных колхозов Камчатки на положение состоящих на действительной военной службе, независимо от возраста, пола и отношения к воинской службе».

Июль 1941 – из протокола № 65 бюро Усть-Большереецкого райкома ВКП (б) о мерах по поддержке патриотического движения женщин-домохозяек за овладение мужскими профессиями: «Бюро райкома постановляет: ...провести собрания женщин, вторых и третьих членов семьи, довести... что сейчас не время сидеть дома, что нет больше мирных условий, все работают на оборону страны... всемерно расширять движение женщин за овладение мужскими профессиями на ловле и обработке рыбы, на сенокосе и уборочной кампании... организовать помощь пионеров многодетным матерям по уходу за детьми».

Ноябрь 1941 – решение № 660 Исполнительного комитета Камчатского областного Совета депутатов трудящихся «О введении в сельской местности Камчатской области продаж хлеба и сахара, включая кондитерские изделия, по спискам»: «...800 грамм в день ... рабочим и ИТР рыбоконсервных заводов... 400 грамм в день – иждивенцам и детям до 12 лет – работников, отнесенных к первой категории (рабочие консервных заводов) ...»

Ноябрь 1942 – рассматривается вопрос в Камчатской области «О состоянии убежищ и укрытий полевого типа (щелей)».

Август 1942 – из протокола заседания областной тройки «О состоянии работы по формированию и подготовке партизанских отрядов и истребительных батальонов в области», где отмечается, что «...Усть-Большереецкая тройка бездействует...к 10 сентября исполнить...»

Июнь 1942 – приказ № 9 по АКО «Об организации дивизионов военнизированного флота Камчатского бассейна»: «...создать...3-й дивизион, 6-ой отряд из катеров Озерновского рыбокомбината. Командир капитан флота – Колодин Д. Н.».

Октябрь 1943 – приказ № 036 по управлению АКО «О введении порядка несения судовых огней и опознавательных знаков транспортами, плавающими в бассейне Тихого океана» (копия документа прилагается из книги «Камчатская область в годы...», стр. 89).

Декабрь 1943 – приказ № 041 по управлению АКО «Об организации светомаскировки».

То есть, можно сделать вывод, насколько опасна была обстановка не только на фронтах Великой Отечественной войны, но и в тылу, который жил по всем правилам военного времени.

В августе 1946 года Николаю Семёновичу присвоен 6 разряд слесаря. Его перевели на работу в консервный цех в слесарную группу, где началась новая страница участия Николая Утёнышева в жизни завода, которая объединила его и его друзей с заводом на всю оставшуюся жизнь, и куда пришли потом подростки сыновья.

Жена Николая – Юрлова Надежда Николаевна, была учительницей начальных классов. С ней выросли мои братья и ещё много подростков, которых, невзирая на военное время, учили по всем правилам школы.

В семейном архиве сохранилась фотография, на которой стоят несколько человек-корейцев. Надо сказать, что выходцы из Кореи занимали достаточноную часть работников завода. И отец всегда очень тепло о них отзывался. И со многими он отработал вместе до пенсии. В 1937 году, когда сформированными тройками в области началась работа по переселению корейцев, конечно, возникали проблемы. Ведь многие из них уже женились на русских, имели детей, и дети по-корейски говорить не умели. И на моей памяти в Озерновском осталось их очень много, и мы все дружили с их детьми и общаемся сейчас.

В послевоенные годы напряжённость в работе не спала, ведь надо было восстанавливать всё хозяйство страны. На 3-ю базу привозят новых сезонных рабочих, строятся новые дома. Эти дома были построены на сопке. Она была очень высокая. Мост через широкую тогда реку лежал на старых кунгасах. Их было штук 6–7. На сопке были дома-землянки и в них тоже до закрытия базы жили люди. Но построенные в то время дома стали для нас как прорыв в новое время. Высокие, открытые свету и воздуху, везде доски, а не земля. Сюда въехали учителя Кожевниковы, семьи Лепешковых, Пикулиных (впоследствии дети их – Мария и Зина стали передовиками-рыбообработчицами, сейчас живут в Озерновском).

Трудовой подъём на заводе был очень большим. Коллективы брали на себя огромные обязательства и, конечно, задача слесарей была понятна – обеспечить бесперебойную работу консервного оборудования. Подтверждением добросовестности и профессионализма являются результаты работы завода. А они впечатляют. 1946 год – выборы в Верховный Совет СССР – повышенные обязательства. Много сделали для подготовки рыбоконсервного завода к путине слесари. Это ремонт рыбо-разделочных, набивочных, закаточных станков.

Выступая на пленуме Усть-Большерецкого райкома ВКП (б), директор Озерновского рыбокомбината Николай Огреба сказал о том, что работники систематически перевыполняют нормы выработки, все станки работают без перебоя. 1947 год, август – в посёлке Озерновский и на рыбных базах прошли митинги по поводу общего выполнения комбинатом государственного плана и принятых дополнительных обязательств. Озерновскому комбинату было вручено переходящее Красное Знамя ВЦСПС и Министерства рыбной промышленности Восточных районов СССР. И это несмотря на то, что сама путина в 1947 году начиналась сложно, и в этом некоторые недоброжелатели увидели вину его директора Николая Огребы. И так из года в год в напряжённом труде озерновцы выполняли и перевыполняли планы. В 1948 году они призвали молодёжь и комсомольцев Камчатки выполнить пятилетку в 4 года, взяв обязательства создать на каждом рыбозаводе группы молодых рационализаторов и изобретателей, направить культбригады из учащихся для концертов непосредственно в цехах, на неводах, в бригадах. И, выполняя свои обязательства, бригада слесарей-станочников на 15 дней раньше наме-

ченного срока закончила подготовку завода к путине. Камчатский обком комсомола поддержал призыв.

Август 1949 года – коллектив Озерновского комбината выполняет годовой государственный план, и занимает на областной Доске почёта самую верхнюю строчку.

Всё вроде идёт хорошо. Но руководство завода, да и сами рабочие понимают, что консервные заводы изношены и требуют реконструкции. Думаю, нет необходимости загружать вас терминологией, специальной для рыбного производства. Всем понятно, что результат реконструкции – это увеличение выпуска консервов и бесперебойная работа вспомогательных цехов. Реконструкция в первую очередь касалась Озерновского комбината. Группа слесарей под руководством механика М. Кирдяшкина сначала в созданной ими же маленькой мастерской изготавливали детали, а потом приступали к ремонту механизмов.

Прошло ещё почти два года, пока реконструкция началась. Но пожар 1956 года на главном Озерновском заводе работы остановил. Сгорел главный корпус и все необходимые подсобные постройки. Поэтому нужно было срочно всё восстанавливать, а заодно реконструировать. 56 завод – такой номер присвоили заводу на 3-й базе, продолжал работу.

К концу 50-х из Армии приходит старший сын Утёнышевых Юрий. Он заканчивает Октябрьское ФЗУ и вливается в бригаду слесарей. Теперь на завод отец и сын ходят вместе. С ним вливаются в рабочую среду его сверстники – Игорь Желтов, Виктор Конышев, братья Мыльниковы, Гречишкин, Анатолий Ерышев, Георгий Колюпанов.

Молодёжь работает, отдыхает, участвует во всех делах на селе. У нас дома были патефон с набором пластинок, гитара, балалайка, гармошка. Пели все. Юра даже сочинял частушки. Охота, рыбалка, сенокосы, собаки – это было неотъемлемой частью жизни многодетной семьи. У нас дома собирались часто, пели песни. Я очень хорошо помню маленькие песенники. Пластинки я заигрывала, что называется, «до дыр». В армию молодёжь провожали всем селом. Хорошо помню, как из комнаты вытаскивали всю мебель и ставили столы. Мы с радостью встречали всё новое, что привозили сезонные рабочие. Очень хорошо помню Зою Тростьянскую и ее подругу Евгению. Они хорошо шили, одевались красиво и были для нас кумирами. Дочь Зои – Ирина, с которой мы сдружились, стала учительницей, и в этом качестве приезжала в 80-е годы с мужем на работу в СОШ № 2 (И. Чаплыгина).

Мы бродили по территории завода, лазали по новым засольным квадратным чанам, бегали по намораживаемому льду, катались на транспортёрной ленте в ящиках и на плотках по болоту, бегали по плотине от коров и лошадей – была своя ферма на базе, ходили в тундру за ягодой и цветами. Мандарины и свиная колбаса, которую мать приносила, выстояв огромную очередь перед Новым годом, были верхом блаженства. Но такой вкусной колбасы я больше уже не встречала. В клу-

бе сидели на первых рядах, в библиотеке рассказывали почти наизусть о прочитанном, в первом классе пели под треск дров и звуки мандолины, которые издавала на инструменте молодая учительница Нина Сергеевна Кашина. (Крытова – фамилия в Озерновском тоже потомственная). Мы дружили с ней до её последних дней – марта 2020 года.

Участие в концертах для меня началось сразу с первого класса. Мать ночами пришивала ленты на школьные платья, чтоб я танцевала украинский танец, делала венки из какой-то бумаги. А на печке в кастрюле парились доски, чтобы из них сделать лыжи. У меня всегда были заячьи хвостики, птичьи пёрышки и прочие атрибуты от охоты. Пером уток и чаек набивались подушки и перины, которые перед сном мать взбивала так, что мы в них тонули.

Отец всегда интересовался событиями в стране. У нас оформлялась большая подписка на газеты и журналы «Вокруг света» и «Охота и охотничье хозяйство». Чтение для отца было ритуалом. При получении стопки корреспонденции первой наш «Ударник» просматривала я – искала заметки про моих родных и про Октябрьский завод – было же соревнование двух заводов. Потом отец раскладывал газеты на весь стол и весь вечер только читал. Позднее в них всё чаще заглядывала я, и вот так привыкла к прессе. Папка участвовал во всех мероприятиях и ещё соревновался с молодёжью.

Но главным оставался рыбозавод. О нем говорили с утра и до ночи. А когда появилась на 3-й базе семья Волкогоновых, то споры доходили до крика.

Владимир Изотович Волкогонов на Камчатку приехал в 1935 году, в период Великой Отечественной войны был слесарем паросилового хозяйства на заводе № 3. Прошёл школу от слесаря до механика рыбозавода на 3-й базе, а затем стал инженером-механиком консервного цеха Озерновского рыбозавода № 55. Как руководитель среднего звена, он прочно вошёл в историю Озерновского рыбоконсервного завода. Владимир Изотович награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом «Трудового Красного Знамени», медалью «За трудовую доблесть» и орденом «Знак Почета». Очень высоко о нём отозвался Владимир Афанасьевич Бирюков в своей книге «Камчатка: моя жизнь и судьба». Мне он нравился своей честностью, порядочностью, бескорыстием и юмором. Хорошие люди всегда находят друг друга, и наши семьи сдружились. Сегодня с его детьми мы словно родственники.

Тогда мы думали, что лучше, чем наша 3-я база, нет поселений. Но экономические задачи, процессы, законы внесли свои коррективы. Еще в конце 50-х на Камчатке стали закрываться многие рыбные предприятия. Было их настолько много, что нагрузка на сырьевую базу камчатских водоёмов увеличилась до катастрофических размеров, и в конце 50-х количество лосося в водах упало. К тому же большое количество

нерентабельных заводов экономика просто не выдерживала. Заводы по западному побережью стали закрывать. Остались только № 55 и № 56 (3-я база). Было принято решение завод № 56 тоже закрыть. Работы по разборке оборудования и монтажу его уже на Озерновском РКЗ организовывал приехавший главный инженер Владимир Бирюков. Группа слесарей, куда вошли также Николай Утёнышев и два его сына – Юрий и Александр, братья Мыльниковы – Николай и Иван, Виктор Конышев, во главе с механиком Владимиром Изотовичем Волкогоновым участвуют в практически полной реконструкции Озерновского рыбозавода. К тому времени появляются молодые слесари – Расходчиков, Сапельников, братья Кутыревы, Черников. Потом уже пошли на завод и мои ровесники – Саша Кулагин, Володя Ги. Поступили на работу и невестки Утёнышевых – Нина, приехавшая сезонной рабочей с целины, и Лидия – девушка из большого местного семейства Сердюковых.

Они продолжили трудовую династию и отработали на заводе более 30 лет. Разговоры о заводе, консервах, линиях, баночках не прекращались ни на минуту. А потом в трудовых книжках отца и братьев появились записи: «...за рацпредложение – премия...», и таких там много. Открываю записную книжку отца. Знакомый родной почерк.

1958 год – терминология специальная – сверление отверстий в вакууме, крепление ножек вакуума, долбление отверстий для валика поворотных дисков, подготовка конвейера, с Юрой крепили и устанавливали шарниры... Далее время – 5 час. вечера и до часу ночи, и так несколько недель. С 1963 года запись ежедневного хода лосося до 1969 года. Наблюдения за 10 лет. В записи проходит еще одно событие, для завода и людей ставшее очень ценным. 1965–1966 гг. – переход завода на круглогодичный цикл работы. Рыбу морозили и работали и зимой, и в летний период, когда подходы рыбы были плохие. Это значит, что нагрузка на слесарей возросла вдвое.

В 1965 году директором рыбозавода стал Иван Иванович Ивченков. Он уже работал на 3-й базе, но был переведен в Кихчик. При нём продолжились работы не только по формированию нового консервного цеха, но и стал обновляться посёлок. Идёт большое строительство. Люди получают квартиры с ванными комнатами и туалетами, на улицах прокладываются асфальтовые дорожки. Мы стали смотреть кино в новом кинотеатре, дети пошли в новый детский сад. Развивается подсобное хозяйство завода – растут капуста, картофель, турнепс, пасутся коровы. На поля выезжали все – взрослые и школьники. Вкус костровой картошки и молока из огромных бидонов в сочетании с осенним солнцем – это надо просто попробовать самим. Появляются первые объекты культуры – открыты памятник Ленину. Работает художественная самодеятельность. Вступила в строй Паужетская ГеоТЭС.

Фамилии Ивченков, Волкогонов, Малюга, Черненко, Маков навсегда вошли в историю посёлка как организаторов производства, от развития

которого зависели все жители Озерновского. Они были не просто на слуху, а с каждым связан определенный период или действие. Как при таких руководителях плохо работать? Мне они дороги ещё и потому, что я знаю их как отцов моих одноклассников, с которыми мы в этом году отметим 50 лет окончания Озерновской средней школы.

Историю завода можно узнать из газетных заметок. Я всегда очень гордилась, когда в очередном номере газеты читала про своих родных, и собрала статей очень много. Сегодня открываю... И как будто рядом они со мной, и только вчера убежали на свой родной завод. По публикациям можно проследить все профессиональные знания, умения и результаты работы моих родных и их товарищей.

Родина высоко оценила работу Юрия, он был награжден орденом Ленина и орденами Трудовой славы 2-й и 3-й степеней. У Саши тоже было много благодарностей. Потом в посёлок приехал Виктор, который также работал в группе слесарей. Анатолий – второй брат, уехал учиться на родину отца в Куйбышев, и после службы на подводной лодке в Мурманске остался работать на железной дороге в Самаре. Сашка – мой младший из братьев, во время службы в Армии побывал в составе ограниченных войск во время событий в Чехословакии. Затем, токарем высшего разряда, вернулся в Озерновский, но работать пошёл слесарем, к отцу. Для меня примером стала наша классная – Валентина Ивановна Курашова – и я закончила педагогический по специальности биология и химия, как и она. Дружбу с ней мы несём до сих пор. Ей 83 года, а для нас она такая же – молодая, красивая и мудрая.

Но несмотря на напряжённый график работы на заводе, находили время и активно отдыхать. На заводе была сформирована лыжная команда под руководством Юрия Утёнышева. Костяк её составляли Юрий и Александр Утёнышевы, Виктор Конышев, Володя Ги, братья Чумичевы, Нина Утёнышева. После районных соревнований они много лет входили в состав сборной команды Усть-Большерецкого района и выезжали на областные сельские игры, которые проходили в различных населённых пунктах Камчатки. И даже посвятили лыжный пробег из Озерновского до Усть-Большерецка 60-летию со дня образования Усть-Большерецкого района.

В память о нашем земляке – труженике и спортсмене Юрии Утёнышеве Дума Усть-Большерецкого муниципального района учредила детские соревнования, которым в этом году в апреле исполняется 30 лет. Нина Фёдоровна Утёнышева – сама ветеран спорта, все эти годы на них присутствовала.

А я сегодня посвящаю эту работу, в год 95-летия со дня образования Усть-Большерецкого района, своим родным и всем моим землякам, кто с честью и достоинством пронёс высокое звание рабочего человека.

Я выражаю сердечную благодарность директору ОАО «Озерновский рыбобконсервный завод № 55» Сергею Анатольевичу Барабанову и его

коллективу за то, что при подготовке материалов, посвящённых юбилеям завода, они не забывают старожилов – ветеранов труда, спорта, тех, кто славил родной завод в далёкие годы, ставшие историей.

И пролетая сегодня над своей милой родной территорией, теперь уже в командировку, я мысленно посылаю привет всем моим родным и любимым, кто нашел себе приют на самом высоком месте, кто посвятил свою жизнь далекой Камчатке, где смотрят они вдаль, в широкие просторы моря.

Глядя на фотографии моих родных просторов сегодня, трудно даже предположить, что здесь когда-то были производственные цеха, жилые дома, всё было наполнено шумом завода, гудком на обед и детскими голосами...

Внучке моей Соне территория моего детства очень понравилась. А это и есть самое главное. Значит, забыто не будет.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

Вахрин Сергей Иванович, член Камчатского отделения Союза писателей, член Союза кинематографистов России, член Камчатского краевого отделения Русского географического общества, член Союза журналистов СССР, писатель, журналист, краевед.

Гаврилов Сергей Витальевич, старший научный сотрудник отдела научно-фондовой работы КГБУ «Камчатский краевой объединённый музей», доцент кафедры «Холодильные и энергетические установки» Камчатского государственного технического университета.

Дивнина Наталья Валентиновна, главный библиотекарь отдела краеведения КГБУ ККНБ им. С. П. Крашенинникова, краевед.

Евдокимов Виктор Алексеевич, член Камчатского регионального отделения общероссийской общественной организации «Союз писателей России», писатель, журналист.

Жилин Михаил Яковлевич, член Камчатского регионального отделения Союза писателей России, член Союза журналистов России, писатель, журналист, краевед.

Зайковская Татьяна Станиславовна, педагог КГАУДО «Камчатский дом детского и юношеского туризма и экскурсий», руководитель туристического клуба «Альтаир», лауреат всероссийского конкурса научно-методических фильмов, член-корреспондент Академии общественных наук.

Ивкина Валентина Антоновна, методист МБУК «Межпоселенческая центральная библиотека с. Усть-Большерецк», член союза журналистов РФ.

Любарская Маргарита Михайловна, ветеран труда, житель села Усть-Большерецк.

Сесицкая Анастасия Сергеевна, начальник отдела публикации и использования документов ГАФ РФ.

Татауров Владимир Владимирович, член Камчатского регионального отделения Союза писателей России, писатель, краевед.

Утёнышева Людмила Николаевна, ветеран труда, почетный житель Усть-Большерецкого района, председатель территориальной избирательной комиссии Усть-Большерецкого муниципального района.

СОДЕРЖАНИЕ

Вахрин С. И. Из истории Большеерецкого острога.....	5
Гаврилов С. В. К истории Большеерецка.....	15
Дивнина Н. В. Большеерецкий острог в художественной литературе.....	24
Евдокимов В. А. Слово о родной земле	31
Жилин М. Я. Они были первыми (из истории создания геотермальной станции на Паужетке – первенце геотермальной энергетики в России).....	37
Зайковская Т. С. Усть-Большеерецкий район в годы войны (по материалам газетных публикаций)	43
Ивкина В. А. Газета – зеркало своего времени (История районной газеты «Ударник»).....	52
Любарская М. М. Есть только миг	70
Сесицкая А. С. Описание рыбокомбинатов западного побережья в материалах Камчатской комплексной экспедиции (1936–1937 гг.).....	78
Татауров В. В. События обороны Камчатки во время Русско-Японской войны 1904–1905 гг. в поэме «На самых дальних берегах».....	83
Утёнышева Л. Н. Здесь родины моей начало	88
Список участников	105

«Возрождая традиции»

Материалы II Малых Крашенинниковских чтений

Ответственный за выпуск – *Т. А. Дикова*
Редакторы – *Н. В. Ершова, Н. А. Побережная, Ц. В. Манвелян*
Оригинал-макет – *П. Г. Гарбузова*
Дизайн обложки – *И. Ю. Хижняк*

Для оформления обложки использована работа художницы К. Саушкиной

Подписано в печать 12.11.2021.
Формат 60x90/16. Гарнитура Arial.
Усл. печ. л. 6,156.
Тираж 50 экз.

Сектор электронного копирования и печати
Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова.
683031, Петропавловск-Камчатский, пр. К. Маркса, 33/1
Отпечатано в типографии ООО «Вуокса»
683003, Петропавловск-Камчатский, ул. Ленинградская, 100